ИРИНА
ФУЛЛЕР

ЭКСПЛЕТЫ

СОВЕТ ДЕВЯТИ

ТЕМНЫЕ ТАЙНЫ
ПРОТИВ
СВЕТЛОГО СЕРДЦА

Ирина Фуллер

Эксплеты. Совет Девяти

Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Новые сказки»
Серия «Эксплеты», книга 2

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66113202
Ирина Фуллер Эксплеты. Совет Девяти:
ISBN 978-5-04-157456-7

Аннотация

Теперь Омарейл знает всю правду о предсказании, но Ордор на грани гражданской войны. В борьбе за справедливость, собственную свободу и будущее королевства принцесса обратится к Совету Девяти.

Омарейл должна узнать свой народ и научиться управлять даром. А еще сделать главный выбор в жизни – между долгом, предназначением и настоящей любовью.

Содержание

I 5
II 34
III 85
IV 199
Конец ознакомительного фрагмента. 200

Ирина Фуллер
Эксплеты
Совет Девяти

Дизайн обложки Алёны Ягупьевой и Екатерины Тинмей

© Фуллер И., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

I
Новое начало

Жизнь Омарейл была практически лишена потрясений – если, конечно, не считать дня рождения, когда было сделано предсказание, запрещающее ей покидать свою комнату и встречаться с людьми. Все было тихо и спокойно до того момента, как она решила сбежать из Лебединой башни, а затем пойти учиться в школу.

С тех пор с ней постоянно что-то приключалось. И, если уж говорить откровенно, ей это нравилось. После того как Омарейл провела двадцать два года в заточении, ее будни наконец заиграли яркими красками.

Правда, некоторые повороты судьбы заставляли кровь стыть в жилах. Но затем эмоции утихали, и она чувствовала прилив сил.

Вот и теперь, услышав, что все, определявшее когда-то ее существование, было ложью, фарсом, выдумкой одной эгоистичной женщины, Омарейл загоревала. Но разговор с Нортом Дарритом придал ей сил, а двухчасовая прогулка по лесу

в одиночестве вернула присутствие духа.

Она понимала: и думать нечего о возвращении в Орделион – Сова убедит всех запереть принцессу, не позволит той воспользоваться даром эксплета, сама же будет внушать всем то, что выгодно.

Встретиться с Королем и Королевой втайне от госпожи Дольвейн было бы сложно, но возможно. Однако любое вмешательство этой женщины после разговора могло бы свести намерения Омарейл на нет. Возвращаться в Астрар следовало только с подготовленным планом.

– Совет, – выдохнула она, едва встретившись с Дарритом, который тоже размышлял в одиночестве.

Он кивнул и добавил:

– Нужно говорить с каждым отдельно.

Ее губы дрогнули в подобии улыбки. Омарейл не успела понять, что вызвало в ней чувство умиротворения: то, что она оказалась достаточно умна, чтобы прийти к тем же выводам, что и Даррит? То, что их мысли сошлись и это было знаком единения, командного духа? Или то, что ей ни в чем не нужно было убеждать его? Она услышала голос Пилигрима за спиной прежде, чем успела проанализировать свои эмоции:

– Завтра приедет повозка из Лондрара. Если хотите, можете ехать со мной.

Омарейл обернулась. Рядом с мужчиной стоял замерзший Май. Чуть поодаль, сложив руки на груди, притопывала но-

гой Буря. Омарейл понимала: ей стоило быстро принять решение, как поступить. Была ли ей нужна помощь этих людей?

– Значит, сегодня останемся у Мраморного человека, – кивнув, сказала она. – Только не знаю, как мы все уместимся…

– Конечно, оставайтесь на ночь, – произнес Эддарион, стоило им только войти в дом. – За место для ночлега не беспокойтесь. Во дворе есть прекрасный сарай с мягким сеновалом. Он примыкает к печке, так что будет тепло.

Омарейл медленно перевела взгляд на Даррита. Она никогда не была заложницей своих королевских привычек, ей был интересен быт простых людей. Но спать на сеновале? В сарае? Это никогда не пришло бы ей в голову.

Впрочем, остальные восприняли эту новость с полным равнодушием, и она решила никак не комментировать гостеприимство Мраморного человека. Вместо этого, поужинав предложенной яичницей, она поднялась и спросила:

– Эддарион, не покажете ли, где у вас сеновал?

– Выйдешь на улицу, обогни дом слева. Там увидишь черную дверь.

Принцесса серьезно кивнула и сказала:

– Норт, пойдем со мной, пожалуйста.

Май прыснул от смеха, Пилигрим и Буря ухмыльнулись. Омарейл поняла, что смеялись над ней, поэтому сердито спросила:

– Что?

Но остальные лишь закачали головами. Даррит посмотрел сурово, как, бывало, смотрел на учеников, сказавших глупость на уроке, а затем встал и вышел.

– Почему все смеялись? – уточнила Омарейл, когда они оказались на улице.

– Сеновал – излюбленное место для свиданий у влюбленных пар, – пояснил он сухо.

Стараясь не краснеть, она протянула: «М-м-м», и открыла хлипкую деревянную дверь, ведущую в сарай. Ей было не до глупостей.

Помещение, пристроенное к задней стене дома, оказалось довольно просторным. Справа за деревянной решеткой прятался небольшой курятник с белыми наседками. За ними в стойле трясла короткой бородой молочного цвета коза. Большие стога сена собрались у беленой стены, которая и вправду являлась частью печки. Весь сарай казался хилым, выстроенным из тонких стволов молодых деревьев, с большими щелями и прорехами. Спать в тепле возможно было только у самой печи.

Омарейл аккуратно опустилась на сено, прижалась спиной к стене и, почувствовав приятный жар, глубоко вздохнула. Пахло здесь необычно: сухой терпкий аромат высушенной травы смешивался с менее приятными запахами из курятника и козьего стойла, но в целом – вероятно, благодаря прорехам в стенах – дышалось легко.

Даррит же неспешно прогуливался взад-вперед, сцепив за спиной руки в замок.

– У меня появилась идея, как мы могли бы выиграть немного времени, – заявила принцесса.

Ее собеседник вопросительно поднял бровь.

– Мы отправим моим родителям письмо, в котором попросим держать меня «больной» хотя бы до свадьбы Севастьяны. Думаю, сейчас они находятся в растерянности. Не знают, что делать, где меня искать. Если сказать им, что все в порядке, им будет легче противостоять Сове. В противном случае она просто сыграет на их неуверенности, да и мы будем находиться в подвешенном состоянии, не зная, чего ожидать от дворца.

Она сказала «от дворца» – так часто говорил Бериот, когда речь шла о действиях Короля. Омарейл не привыкла использовать такие слова, но почему-то в этой ситуации они показались подходящими.

– Идея здравая, – согласился Даррит.

Она расплылась в улыбке:

– Видишь, не только ты здесь способен думать.

– Очевидно, – кивнул он, а затем продолжил: – Потому что от моего внутреннего ока укрылся способ, которым мы могли бы незаметно для всех передать письменное послание Его Величеству. Насколько я знаю, все сообщения, адресованные Королю, проверяются специальной службой… Но у вас, судя по довольно блестящим глазам, есть план.

Она кивнула.

– Мы отправим с посланием в Астрар Мая.

– В таком случае…

– Да, придется ему все рассказать.

– Это крайне рискованно.

– Я ему полностью доверяю.

Даррит прижался спиной к хлипкой стене сарая и откинул голову. Глядя на Омарейл из-под опущенных ресниц, он устало спросил:

– Как вы можете оставаться столь наивной? Вы никому не должны доверять.

– Я же сказала правду тебе, человеку, которого едва знала, – отозвалась принцесса.

– И это было неосторожно, опасно и безрассудно. И все еще неизвестно, к чему приведет.

Омарейл закатила глаза:

– Я уверена, что поступила правильно. Так же как и сейчас убеждена, что мы можем доверять Маю. Когда он узнает правду, то сделает все, чтобы доставить мое письмо. Никто не справится лучше.

Даррит раздраженно вздохнул, крылья его носа затрепетали, выдавая недовольство.

– Когда я сказал, что это опасно, то имел в виду, опасно для господина Джоя. Я чувствую некий груз ответственности за его благополучие, коль скоро он посчитал нужным сообщить отцу, что отправляется в экспедицию со мной. Вы

представляете, что может случиться с ним, если его поймают?

– Конечно, я понимаю, – всплеснув руками, ответила она. – Только ты отвечаешь перед отцом Мая, а я отвечаю перед страной. Сейчас от нас зависит будущее всего народа.

– Будущее, которое вы лично поставили под угрозу, – прошипел Даррит. – А теперь предлагаете рисковать вашим приятелем, чтобы исправить ваши же ошибки?

Это было неприятно. То, что он вдруг принял роль обвинителя, больно резануло по ее самолюбию. И совести.

Ей хотелось вскочить на ноги и гордо покинуть сарай, желательно громко хлопнув дверью. Но страх остаться один на один со своей проблемой, а также отсутствие приличной двери, сдерживали ее.

– Катись в бездну, Норт Даррит, – ответила она и, тяжело дыша, отвернулась.

Какое-то время царила тишина.

– Хватит сопеть, как обиженный хорек, – наконец произнес ее собеседник с досадой. – Будьте разумны. Пилигрим подошел бы на эту роль куда лучше.

– Пилигрим! Ты, должно быть, шутишь? Он даже Бурю предал, но остался верен делу, а у них явно все было не так просто. Меня он сдаст сразу.

Даррит несколько секунд выжидательно смотрел на Омарейл, но, когда она никак не пояснила свой выпад, не без язвительности уточнил:

– Верен делу?

– Ах, да, ты же не знаешь. Он – агент королевской гвардии.

Даррит резко оттолкнулся от стены и навис над напуганной такой внезапной реакцией девушкой.

– Агент королевской гвардии? – процедил он, а затем в полном отчаянии запустил руку в густые черные волосы.

Омарейл чуть дернула плечом.

– Я не думаю, что он опасен для нас, пока ничего не знает…

– Он давал присягу Королю! – громким шепотом воскликнул Даррит, что было ему совершенно несвойственно. – Вы хоть представляете, что будет, если он узнает, кто вы? Эти люди, они… Об их верности слагают легенды.

Он вдохнул, выдохнул и после долгой паузы спокойно, только слегка напряженно, продолжил:

– Вы знаете, какой девиз у гвардейцев? «Верность, Страна, Порядок», – Норт многозначительно повел бровями. – Первая строка их официального гимна «Верны до смерти». И это не просто слова, они живут по этим законам.

Он начал ходить из стороны в сторону, и по движению его губ Омарейл поняла, что Даррит снова вел беседу с самим собой.

– Оставить вас наедине? – с издевкой бросила она, но он никак не отреагировал.

– Это очень плохие новости, – сказал наконец он, остано-

вившись, – я буду присматривать за ним. Но о Буре и думать нечего, она за тяжелый кошелек отрежет себе руку. У нас действительно не остается другой кандидатуры, кроме господина Джоя… Мне все это очень не нравится…

– Ах, ну отчего же! – не выдержала принцесса. – Такая дивная поездка.

– Но на наш общий план это никак не влияет, – заметил он, полностью игнорируя сарказм Омарейл.

– Кстати, о плане, – поддержала она. – Все Патеры собираются раз в месяц в Астраре, мы могли бы попытаться встретиться с ними там.

Даррит покачал головой:

– Слишком мало времени. Это будет не пятиминутная беседа за бокалом эля.

Она задумчиво закусила губу.

Совет Девяти – совет, состоящий из Патеров девяти самых крупных городов Ордора, – обладал правом принятия важных решений со статусом закона, вплоть до отмены распоряжений Короля.

При любом развитии событий поддержка монарха не имела бы в глазах жителей королевства никакого веса. Эйгир Доминасолис защищал бы Омарейл, как отец – дочь. Другое дело – решение Совета. С ним бы спорить не стали.

Омарейл долго думала о том, как выйти сухой из воды, и пришла к выводу, что помочь ей могло только официальное заявление Совета Девяти. Такое важное решение, как при-

знание предсказания недействительным, должно было быть принято только единогласно. А значит, следовало убедить каждого Патера, чтобы он проголосовал «за».

Любой раскол в Совете мог привести к той самой гражданской войне. И пускай Даррит считал, что у принцессы были шансы победить, кровопролитие было последним, чему Омарейл хотела бы стать причиной.

– Ты предлагаешь встретиться с каждым Патером в его городе? – уточнила принцесса.

Даррит кивнул.

– Это ведь так долго. Перемещения займут много времени, – она многозначительно подняла брови. – Ты не сумеешь вернуться в школу к концу недели.

– Прекрасно, что вы сохраняете способность шутить. – Он чуть помолчал. – Если мы действительно выиграем время до свадьбы принцессы Севастьяны, у нас будет возможность посетить каждый из девяти городов.

Он чуть помолчал.

Все это казалось неподъемной задачей – многое могло пойти не так. И все же… Омарейл никогда не чувствовала в себе столько энергии и желания действовать.

Размышляя о грядущем, она так долго смотрела на Даррита, что тот не сумел изобразить безразличие и произнес:

– В чем дело?

И принцесса, очнувшись, расплылась в ехидной улыбке:

– Что, Норт, каково это, когда не можешь почувствовать,

что в душе у собеседника? – спросила она насмешливо.

Они отправились в путь сразу после завтрака. Повозка увозила Омарейл все дальше от дома Мраморного человека. Верный своим словам, он не дал ей напоследок никаких советов насчет Совы или борьбы за трон. Зато сказал:

– Ты способна на большее, чем думаешь. Вспоминай об этом, когда будет особенно трудно.

Омарейл была бы рада вооружиться чем-нибудь посерьезнее, чем уверения в силе ее духа, но пришлось довольствоваться этим.

Даррит сидел рядом с Омарейл и, как обычно, молчал всю дорогу. Рядом с кучером в этот раз разместилась Буря, заявившая, что не вынесет «очередной тряски в этом спичечном коробке».

Путешествие к Лондрару действительно оказалось утомительным. Омарейл укачало, и уже ближе к концу дороги она уснула.

Проснулась принцесса, когда повозка подпрыгнула из-за небольшой выбоины на дороге. Она огляделась. Даррит и Май спали, а вот Пилигрим, поджав губы, смотрел Омарейл прямо в глаза.

– Что-то не так? – тихо спросила она.

– Зачем вам потребовались услуги Смога летом? – ответил он вопросом.

Это застало Омарейл врасплох, но она быстро взяла себя

в руки.

– Зачем они обычно нужны? – она пожала плечами, стараясь выглядеть безразличной.

Он чуть наклонился вперед, исподлобья пронизывая ее подозрительным взглядом.

– Редко для чего-то пристойного.

– Все так относительно, Пилигрим. Например, обмануть женщину, которая тебе доверяла, это низкий поступок.

Ее собеседник вопросительно поднял бровь. Омарейл же наклонилась чуть вперед, теперь они с Пилигримом сидели почти нос к носу.

– А раскрыть шайку пиратов – казалось бы, благородный. Но что, если речь идет об одном и том же?

Он утробно зарычал, а затем процедил сквозь зубы:

– У меня на этот счет сомнений нет, глупая девчонка. Преступники должны представать перед справедливым судом и нести наказание.

– Но Буря на свободе… Как же вы это допустили?

– Никому из нас не чужды слабости. Не так ли, Даррит?

Она вздрогнула и обернулась, чтобы посмотреть туда, куда Пилигрим так неожиданно устремил свой злой и полный неприкрытой издевки взгляд. Даррит ответил безучастным выражением лица и продолжил сидеть, откинувшись назад и скрестив руки на груди.

– Не знаю, о чем вы двое там толкуете, – отозвался он чуть хриплым со сна голосом.

– О том, что ты знаешь ее историю, – совсем тихо ответил Пилигрим, резко указав пальцем на Омарейл. – И я уверен, в ней немало темных страниц. Однако ты возишься с девчонкой, как с принцессой…

Он осекся, в его глазах вдруг появилось понимание. Это напугало Омарейл, но она не знала, что сказать, поэтому ждала помощи от Даррита. Тот ответил не сразу, и голос его звучал чуть насмешливо:

– Полагаю, от принцессы мы могли бы ожидать большего изящества в словах и делах.

Омарейл издала нервный смешок и наконец осмелилась взглянуть на Пилигрима. Тот был бел как мел, и она почувствовала ком в горле. Взгляд мужчины медленно переместился с ее лица на солнцевидную застежку плаща.

– Мне нужен был Смог, чтобы попасть в Астардар, – произнесла она напряженно, пытаясь отвлечь Пилигрима.

– Неужели? А обычный способ тебе чем не угодил?

– Семейные обстоятельства, – с легким раздражением ответила она.

– Пилигрим, – позвал его Даррит, определенно пытаясь встретиться с гвардейцем взглядом и внушить тому нужные эмоции.

Но тот лишь упрямо уставился в бесконечную пустошь за окном.

Тут повозка остановилась. Гвардеец вышел первым. Май, проснувшись, начал нерасторопно натягивать лежащий на

коленях сюртук, завязывать шнурки на ботинках и всячески приводить себя в порядок. Ничего путного из этого не вышло: волосы так и остались небрежной гривой, несколько слоев одежды торчали один из-под другого, а порядком отросшая щетина на подбородке придавала ему совсем запущенный вид.

Наконец они выбрались из повозки, и Омарейл огляделась.

– Где он? – спросила она, испуганно схватив Даррита за руку.

На вопрос ответила Буря, подошедшая к ним. Она указала в сторону реки, которую совсем недавно они пересекали вброд. Там, не жалея лошади, по ветхому мосту быстро скакал всадник. Благодаря длинному кожаному плащу, который развевался за спиной у мужчины, Омарейл сразу поняла, что это был Пилигрим.

– Проклятье, в чем дело? – недоуменно спросил Май, который последним выбрался из повозки.

– Это твой возлюбленный Пилигрим, – со злобной усмешкой ответила Буря, – не совсем тот герой, каким ты себе его воображал, а?

Май насупился.

– Ну не попрощался человек, чего такого… – пробормотал он.

Омарейл же напряженно посмотрела в глаза Дарриту. Он успокаивающе похлопал ее по ладони, которая все еще стис-

кивала его рукав.

– Он не знает о наших планах, – прошептал Даррит, пока они шли к постоялому двору. – Не думаю, что он представляет опасность.

Она кивнула, ни капли не успокоившись, а затем спросила:

– Когда мы ему скажем? – и кивнула в сторону Мая.

– Сегодня.

Омарейл нервно сглотнула. Пока ее секрет знали только они с Дарритом, это казалось чем-то камерным и тайным. Рассказать правду другу – очень серьезный шаг. Но Май был им нужен.

Пообедав в таверне постоялого двора, Омарейл перекинулась парой слов с Бурей, сообщив, что им еще будут нужны услуги перевозчика. Затем, вопросительно взглянув на Даррита и получив короткий кивок, она предложила им с Маем прогуляться.

Все трое направились в сторону леса. Побег Пилигрима заставил Омарейл нервничать, и теперь она постоянно оглядывалась.

– Вы что, решили прикончить меня? – неловко пошутил Май, заметив беспокойство подруги. Вопрос остался без ответа. Наконец Омарейл сочла, что они ушли достаточно далеко, и предложила остановиться.

Даррит поджал губы и, сложив руки на груди, оперся спиной о широкий ствол старого дерева. Принцесса начала рас-

хаживать из стороны в сторону.

Отчего же с таким трудом давались слова? Вероятно, она боялась увидеть осуждение на лице Мая. Ей не хотелось разочаровать друга и потерять его. И все же следовало сказать то, что она намеревалась:

– Ты должен кое-что знать обо мне, Май. Кое-что важное.

Глаза его возбужденно загорелись. Конечно, он понимал, что у этой девушки было немало тайн, и жаждал узнать хотя бы одну.

– А именно: мое имя.

Повисла пауза. Омарейл молчала уже с полминуты, когда Май уточнил:

– Ты что, забыла его?

– Нет, просто это трудно, – процедила она. – Я делаю это не каждый день.

Глубоко вздохнув, Омарейл попыталась еще раз:

– В общем, мое имя…

Переминаясь с ноги на ногу, принцесса прочистила горло.

– Мое имя…

– У нас есть всего три месяца до свадьбы вашей сестры, – напомнил вдруг Даррит.

Омарейл сжала зубы.

– Так что же у тебя за волшебное имя, которое так трудно произнести? – шутливым тоном спросил Май.

– Омарейл, – бросила она не без язвительности и изобразила шутливый реверанс. – Омарейл Эйгир Доминасолис.

Дочь Афлейн, наследница престола, будущая Королева Ордора.

Май изумленно открыл рот. Несколько секунд он смотрел на нее, выпучив глаза, а затем наконец прохрипел:

– Сожри. Меня. Каракатица.

Она невольно хмыкнула.

– Ты, мать твою, принцесса! – последнее слово он произнес так громко, что оно эхом разнеслось по лесу.

– Это, может быть, ускользнуло от твоего внимания, но я пытаюсь сохранить сей факт в тайне, – прошипела она.

Но на Мая сейчас не действовали никакие слова. Он начал ходить вокруг девушки, разглядывая так, будто видел впервые.

– Ох ты ж разрази меня гром…

Омарейл устало вздохнула:

– Прекрати кружить вокруг меня и послушай.

Май развел руки в стороны, демонстрируя, что он – само спокойствие.

– Внимаю, Ваше Величество, – он наигранно поклонился.

– Высочество, болван, – бросил небрежно Даррит.

– Забудь об этом, – Омарейл сердито нахмурилась, – не обращайся ко мне как к принцессе.

– Как пожелаете, госпожа, – он снова попытался изобразить что-то вроде реверанса с почтительным поклоном.

– Ты делаешь это неправильно, так что прекрати ломать комедию и послушай.

– Хорошо, хорошо. Просто у меня сейчас столько мыслей в голове…

На издевательский смешок Даррита Май никак не отреагировал.

– …когда мы познакомились с тобой, ты сказала, что впервые в городе…

– Да, – кивнула Омарейл, – это действительно был мой первый день в Астраре. Я впервые в жизни покинула Орделион.

– Но… зачем? Чтобы посмотреть спектакль Шторм?

В ответ на этот вопрос Омарейл рассказала о том, как наскучила ей жизнь в четырех стенах, как она мечтала хоть раз прогуляться по столице, как хотела увидеть живого человека. Поведала она и о том, как встреча с ним, с Маем, поселила в ее душе новую мечту – поучиться в школе.

– Серьезно? – воскликнул молодой человек. – Ты с ума сошла, мечтать об этом? Могла захотеть что угодно и захотела в школу? Я всегда знал, что ты немного чокнутая.

Омарейл рассказала ему и о том, как вынуждена была прекратить посещение Астардара, и о планах Совы выдать ее замуж за Дана.

– Что? – Май громко рассмеялся. – Она хотела, чтобы ты вышла замуж за директора? Она не в своем уме? Да он же старше тебя лет на двадцать.

– На восемь. Для нашей семьи это нормально. Дело не в возрасте, а в Сове…

Рассказывая о госпоже Дольвейн, о своих чувствах к этой женщине, об их встрече на улице Астрара, Омарейл вновь пережила те эмоции. Голос чуть дрожал, когда она описывала момент у Орделиона. Своим появлением у моста Солнца Сова помешала Омарейл вернуться в замок.

– Ты могла бы пойти ко мне! – воскликнул Май, когда повествование плавно подошло ко второму посещению Северной улицы, 17. – А не к этому агрессивному социопату.

– Это тавтология, господин Джой, – прокомментировал Даррит, – социопат априори агрессивен.

– Ну это еще вопрос… – начал Май, но Омарейл остановила его раздраженным покашливанием.

– Я прошу прощения, что перебиваю, – произнесла она недовольно, – но история не закончена.

И она продолжила. Май слушал, не произнося ни слова. Он вообще был благодарным слушателем. В нужных местах охал, смеялся, но никак не нарушал ход повествования до того самого момента, пока Омарейл напряженно не произнесла: «Сова – эксплет».

– Твою ж через кобылу! – воскликнул Май.

Омарейл пояснила, что значил этот факт, и, как и ожидала, получила в ответ поток возмущения, щедро сдобренного причитаниями.

– Что ты теперь планируешь сделать, убить ее? – спросил молодой человек, когда первые впечатления немного поутихли.

– Не понимаю, почему это кажется тебе смешным, – отозвалась Омарейл.

– Юмор – моя психологическая защита, – пояснил он серьезно. – Шутя, я борюсь со стрессом и напряжением.

– Вы в самом деле намереваетесь действовать по придуманному вами плану? – покачал головой Даррит, косясь на Мая. – Это же чистой воды ребячество.

Лицо Даррита выражало крайнюю степень сомнения в возможности разумного разговора с этим бестолковым созданием. Но Омарейл понимала, что друг не лгал.

– Май, – она подошла к молодому человеку и положила ладонь на крепкое плечо, – мне нужна твоя помощь. Нужно, чтобы ты передал письмо для моих родителей.

Его глаза испуганно расширились.

– Я так понимаю, просто опустить его в почтовый ящик будет недостаточно?

Омарейл покачала головой:

– Боюсь, план будет сложнее.

Она размышляла над этим во время поездки от дома Эддариона до Лондрара. Король и Королева действительно имели узкий круг корреспондентов, чьи письма передавались напрямую, без проверки специальными службами. В люди коронованная пара выходила редко и всегда в окружении гвардейцев. А вот Севастьяна – другое дело. Госпожа Бенедикт бывала в магазинах, театрах и музеях, и ее обычно сопровождал только один стражник. Да и тот всегда держал-

ся чуть поодаль.

Письмо нужно было передать именно ей. Омарейл поделилась своим планом с Дарритом и Маем.

– В детстве мы придумали вымышленный язык. Только я и Севастьяна знаем его. Благодаря ему она поймет, что послание от меня. Я напишу в письме, чтобы она срочно связалась с моими родителями и передала сообщение напрямую. И ни в коем случае не виделась до того момента с Совой.

– Но как я передам ей конверт? – спросил Май.

Омарейл подумала и об этом:

– Ты знаешь торговую галерею Зарати?

Молодой человек кивнул.

– Севастьяна ходит туда каждую неделю. Нужно будет подкараулить ее, например, у входа. В галерее она обычно посещает магазин с сумочками, который называется «Созвездие». Можешь попробовать войти туда раньше Севастьяны и оставить конверт на одной из полок – так, чтобы никто не успел убрать его. И даже если тебя поймают, в твоих руках будет просто конверт с непонятными каракулями. Они решат, что ты сумасшедший.

– Мы сделаем несколько копий, – внес предложение Даррит. – Если в первый раз что-то пойдет не так, у вас будет второй и даже третий шанс.

Кивнув, Май начал медленно прохаживаться туда-обратно, потирая подбородок.

– Нужно что-то еще, – сказал он. – Что еще я могу исполь-

зовать. Какой-то тайный жест…

– Жест? – уточнила Омарейл многозначительно. – Май, я двадцать два года провела взаперти. Я в глаза Севастьяну не видела. Все, что у меня когда-либо было, – ее портрет маслом. Даже фотографии были под запретом.

– И вот это, кстати, объясняет, почему ты такая прибабахнутая, – заметил Май. – Всю жизнь в изоляции – это должно было сказаться.

– Я сделаю вид, что не услышала тебя. Если тебе нужно что-то, чтобы привлечь ее внимание, попробуй назвать ее Севас. Насколько я знаю, так ее называю только я.

Май расхохотался.

– Уму непостижимо. Ты хочешь, чтобы я назвал принцессу Севастьяну – Севас!

Омарейл сложила руки на груди:

– Ну, меня же ты прибабахнутой называешь, это тебя не смущает.

– Прости, но вы у меня не сходитесь. – Май растопырил пальцы и попытался соединить две руки, демонстрируя, как, по его мнению, должен складываться идеальный пазл. – Принцесса Омарейл и Мираж Селладор для меня разные люди. Я представлял тебя совсем другой.

– Какой? – склонив голову набок, спросила Омарейл.

– Наверное, менее человечной. Более возвышенной, неземной, питающейся радугой и морским бризом. А ты… – он оглядел девушку, – обычная…

– Нам нужно вернуться в Лондрар, – прервал их Даррит, делая пару шагов в сторону постоялого двора. – И договориться обо всем с Бурей. Вы, – он повернулся к Омарейл, – напишете письма. И сегодня вечером вы, господин Джой, уедете в Эльмберт.

– А вы куда? – спросил Май.

– Прости, не думаю, что тебе стоит знать, – отозвалась принцесса. – Если тебя будут пытать, то лучше…

По тому, как побледнело лицо молодого человека, она поняла: шутки он не оценил.

– Знать, куда мы направляемся, вам действительно не стоит, – серьезно сказал Даррит. – Но необходимо договориться о знаке, который вы подадите, когда успешно выполните задачу.

– Ты можешь написать объявление в газете! – тут же сообразила Омарейл.

Она читала о таком в книге.

– Точно! – улыбнулся Май. – Я напишу в «Освещении», в колонке «из рук в руки», что продаю червей! Нет, куртку из яблочной кожуры! Нет…

– Довольно. Черви подойдут. А вы ступайте писать письма.

Май, подозрительно сощурив глаза, посмотрел на своего учителя.

– Вы никогда не называете ее по имени, – заявил он.

– Кстати! – воскликнула Омарейл, успевшая уже сделать

пару шагов. – Об этом я тоже подумала.

Оба, Даррит и Май, посмотрели на нее с вежливой заинтересованностью.

– Поскольку обращаться ко мне Омарейл вы не можете, а Мираж Селладор – в розыске, я решила взять себе новое имя.

– Я сейчас понял: если твои родители или Сова тебя разыскивают, – задумчиво произнес Май, – то ты дважды в розыске… Мама всегда боялась, что я свяжусь с дурной компанией. Не зря она волновалась…

Омарейл отмахнулась от шутливых замечаний друга и продолжила:

– Я решила выбрать что-то привычное вам, похожее по звучанию на «Мираж», поэтому отныне буду всем представляться как Мирра.

Даррит просто кивнул, а вот Май начал кривить губы и покачивать головой, будто мысленно споря с самим собой.

– Мне кажется, не очень хорошая идея, делать вид, что ты из первых или вторых семей… зачем привлекать к себе излишнее внимание…

– Мирра – это не вымышленное слово. Это понятие из мира природы, – тут же ответила Омарейл. – Имя для простолюдина.

Медленно пробираясь по серому лесу с голыми деревьями, они потратили еще около четверти часа, чтобы обсудить

подробности задания Мая. Наконец, порядком замерзшие, вернулись на постоялый двор.

Омарейл заплатила Буре за то время, что женщина сопровождала их, и пообещала, что Май заплатит еще, если она довезет его до Астрара.

Май поглядывал на пиратку со смесью осуждения и бравады, но та без колебаний согласилась на предложение Омарейл.

Выговориться он решил за ужином:

– Раз уж нам предстоит путешествие вдвоем, не хочу, чтобы между нами были недомолвки, – заявил он.

Поскольку все ели молча, каждый погруженный в свои мысли, Буря, Даррит и Омарейл одинаково недоуменно взглянули на взволнованного юношу.

– Вы, Буря, сказали, что Пилигрим предал вас. Почему вы не в Успаде? Разве пиратов не отправляют в тюрьму?

Женщина некоторое время смотрела на Мая колючим взглядом. Затем, залихватски поправив темную челку с белоснежной прядью, ответила:

– Я не в бегах, если это тебя волнует.

– И это тоже, – кивнул Май. – Но еще я хочу понять… в общем, Пилигрим, он плохой или хороший?

Тут Буря неожиданно рассмеялась и потрепала Мая по щеке, точно он был забавным щенком.

– Мальчик мой, в твоем возрасте уже положено понимать, что мир не делится на черное и белое.

Май отодвинулся и недовольно сложил руки на груди.

– Я из приличной семьи. Жизни еще не видел. Так что у меня делится.

– Погоди, дружочек, погоди. – Буря сделала глоток эля. – Все у тебя еще впереди.

Внезапно в разговор вмешалась Омарейл:

– И все-таки, Буря, почему ты не в тюрьме?

В принцессе говорило лишь любопытство, и не было никакого осуждения, поэтому женщина задумалась над ответом.

– Он не выдал меня, – ответила она и сделала еще глоток эля. – Я сказала, что он предал меня. Все это время выдавал себя за другого, а оказался агентом… Но сдал он только мою команду.

– Хорошие же у вас в команде отношения… – тут же с укором произнес Май. – Ваших друзей отправили в тюрьму, а вы…

Буря с громким стуком поставила бокал на стол. Май вздрогнул.

– Послушай, мальчик… советую не забывать, с кем ты разговариваешь.

Она откинулась на спинку стула, продолжая буравить молодого человека взглядом. Тот глядел упрямо, но не решался сказать что-либо еще.

– Я не могла им помочь, – сообщила Буря после паузы. – И если бы я тоже попала в тюрьму, им бы от этого не полегчало.

– А почему он не выдал вас? – спросила Омарейл, догадываясь, каким был ответ.

– Такой он благородный, – язвительно отозвалась женщина и встала из-за стола.

– Ладно, – негромко произнесла принцесса. – А почему его не выдали вы?

Долгий, мрачный взгляд, и Буря тяжелой походкой покинула помещение.

– Опять гулять пошла, – фыркнул Май. – Она и правда не может усидеть на месте дольше часа.

Омарейл покачала головой, а затем принялась убеждать друга, что тому стоило вести себя с Бурей поосторожнее.

– Она все-таки пират. Не будь таким беспечным, и хватит нести все, что приходит в голову.

– Благодари небеса, что я такой беспечный! Если бы не это, я бы ни за что не взялся за твое задание.

После этого ответа Омарейл поняла, что любые предостережения будут напрасными.

Но раз уж об этом зашел разговор, она поинтересовалась, почему он согласился помочь. Разве в его, Мая, мире то, что сделала принцесса Омарейл, не являлось страшным злодеянием?

– Но предсказание же ненастоящее. Сова сделала его специально, – ответил он без тени сомнения.

– Да, но… – она испытующе заглянула ему в глаза, – я же не знала этого, когда покинула замок.

Май на мгновение задумался, а затем уверенно сказал:

– Но если бы этого не сделала, то и не узнала бы. Сова – злодейка, а ты – жертва обстоятельств. Хорошо, что ты взяла все в свои руки.

Омарейл чувствовала, что молодой человек говорил искренне.

Позже она написала несколько копий письма для родителей, завернула их и скрепила сургучом. На каждом конверте было два символа: солнце с восемью волнистыми лучами и луна с вписанным в нее полумесяцем. Так обозначались имена «Омарейл» и «Севастьяна».

Май спрятал письма во внутренний карман плаща, и на этом они попрощались. Он и его спутница забрались в старенькую повозку и отправились в Фортосдор, чтобы там вновь сесть на моторную лодку Бури, «Сестру», и вернуться на ней в Астрар.

Глядя вслед покачивающейся повозке, Омарейл почувствовала, что на глаза навернулись слезы. В этот раз прощание было особенно трогательным, ведь она отправляла друга на опасное задание. Правда, ей самой предстояло еще более непредсказуемое путешествие.

Она и Даррит вернулись на постоялый двор. Взяв у хозяина подробную карту Ордора, они отправились в комнату Норта.

– Очевидно, что первым городом должна стать Агра, – произнесла Омарейл, склонившись над желтоватым бумаж-

ным листом.

Даррит кивнул.

– Да, так будет правильнее, – согласился он. – Отсюда до Агры всего сто семьдесят километров.

Он встал у Омарейл за спиной, рассматривая карту через ее плечо.

– Мы сможем отправиться завтра, когда вернется повозка господина Джоя и Бури. В Эльмберте они сядут на регулярный рейсовый экипаж, а местный извозчик придет обратно в Лондрар.

Они разошлись довольно рано. После всех переживаний и утомительной дороги от дома Мраморного человека Омарейл чувствовала себя очень уставшей. Стоило ей лечь в кровать, как она тут же погрузилась в сон. И ей снилась Агра с какими-то невозможными зданиями, огромным количеством людей и миллионами белых шаров, парящих в воздухе.

Она крепко проспала до самого утра.

II
Агра

Утром извозчик встретил Даррита и Омарейл уставшим, недовольным взглядом.

Поездка обещала быть непростой: ехать предстояло больше девяти часов. Но еще больше томила неопределенность, поэтому Омарейл задала мучивший ее вопрос:

– Ты хотя бы примерно представляешь, как мы будем убеждать Патеров, что им стоит признать предсказание недействительным?

Несколько секунд Даррит молчал, продолжая смотреть в окно. Пейзажи нельзя было назвать живописными, но Омарейл находила завораживающей эту безжизненную красоту. Небо, будто нарисованное графитовым карандашом, зависло мрачными громадами над бледно-желтой прошлогодней травой и горчичными высохшими колосьями, окутало серые стволы деревьев. Коричневая земля контрастом подчеркивала и серебро заиндевелых ветвей, и влажную дымку застывшего воздуха.

Наконец Даррит повернулся к девушке. Часть его лица, изувеченная шрамом, оказалась скрыта тенью, другая же была освещена ровным светом из окна. Омарейл в который раз отметила, что черты у Норта были правильными и утонченными, будто этот человек происходил из знатного рода. Особенными были лукавые глаза, чуть сузив которые, он походил на лиса из сказки.

– Примерно представляю, – сказал он и снова перевел взгляд на проплывающий мимо пейзаж.

Это ничуть не уменьшило тревогу Омарейл.

– Луна и солнце, как ты дожил до такого возраста? – спросила она негромко, негодуя из-за отсутствия хоть сколько-то ясного ответа.

– Вы же знаете, меня пытались прикончить, – ответил он спокойно, – просто у них ничего не вышло.

Они молчали около часа. Омарейл размышляла о том, как легко доверилась Норту. Ведь она почти не знала его, а ему стала известна ее личность лишь неделю назад. Но что-то в нем, в его поступках и словах, заставляло девушку верить: на него можно положиться. Такого чувства защищенности у нее не было, даже когда она жила в замке. Там ее частым спутником было одиночество. Несмотря на то что Омарейл была полностью обеспечена всем необходимым, и даже сверх того, в Орделионе она нередко ощущала себя оторванной от всех, чужой, позабытой. Рядом же с этим мужчиной, вопреки ситуации, ей было спокойно.

Скоро праздное ничегонеделание вынудило Омарейл возобновить разговор.

– Ты не женат, – ее голос вырвал Даррита из глубокой задумчивости, поэтому первые секунды он выглядел совершенно растерянно.

Чуть нахмурившись, он отозвался:

– М-м?

– Ты не женат. Это потому что ты – эксплет? – уточнила Омарейл.

Мысли о замужестве время от времени появлялись в ее голове. Теперь, когда появилась надежда избавиться от предсказания, принцесса не могла не думать о возможности романтических отношений. Бериот, правда, уверял, что будь она хоть трижды свободна, мужа бы ей искали среди «достойных» кандидатов, выходцев из первых семей с хорошими связями, но ведь это не исключало симпатию и любовь.

Даррит чуть склонил голову набок, сложил руки на груди и ответил Омарейл:

– Не понимаю, как эти две вещи связаны между собой.

– Ну, наверное, трудно строить отношения, все время думая: «Этот человек любит меня или просто испытывает мои же эмоции?»

– Эксплет в состоянии отличить одно от другого, – отозвался Даррит, слегка пожав плечами.

– То есть дар не мешал тебе?

– Чаще он помогал.

Омарейл в притворном ужасе прижала руки к груди:

– Ты что, нарушал Эксплетарий?

Норт хмыкнул:

– Это выходило непреднамеренно.

– Ох уж эти двойные стандарты! – откликнулась Омарейл, всплеснув руками, а затем начала: – Но ты говорил, что…

– Давайте лучше обсудим более насущные проблемы, – перебил ее собеседник, сменяя тон с шутливого на серьезный. – Мы прибудем в Агру ближе к полуночи. Извозчик довезет нас до постоялого двора на окраине, где мы остановимся на эту ночь, но для нашего дела нужно будет найти хорошую гостиницу в центре.

Он сделал паузу.

– Ваши средства подходят к концу, в то время как нам предстоят довольно крупные траты.

– У меня есть золотой браслет, – поспешила сообщить Омарейл и подняла руку, чтобы продемонстрировать украшение.

– Это будет наш неприкосновенный запас. А в Агре мы попробуем подзаработать.

Омарейл надеялась, что секундный ужас не отразился на лице. Прочистив горло, со всем доступным спокойствием принцесса сказала:

– Но я не умею. Я… ничего не умею.

Губы Даррита искривились в подобии улыбки.

– Не переживайте. Кое на что вы способны. У меня есть

план.

Мать городов, как часто называли Агру, находилась в Агорской долине в колыбели горного массива Монтабарду. Горы окружали холмистую территорию с трех сторон, рисуя необыкновенные пейзажи. Путники подъехали к городу с запада – только оттуда можно было добраться до Агры без препятствий. Уже стемнело, но, оказавшись на Черном увале, с которого открывался вид на всю долину, они увидели ярко освещенный город. В его темной дымке тысячи огней сверкали, точно драгоценности в сундуке.

Агра была совсем другой, не похожей на Астрар. Если столица представляла собой традиционный город, основательно укрепленный и незыблемый, со старинными зданиями, мощным за́мком и массивными стенами из серого камня, то здесь все казалось молодым, вибрирующим от бурлящей энергии и бесстрашно смотрящим в будущее. Даже окраины с широкими улицами – о, теперь Омарейл знала, что такое «широкие» улицы – пестрели фасадами новеньких пятиэтажных домов, что так отличалось от всего, что принцесса видела раньше. Их старая повозка выглядела здесь чужеродно: на мощеных дорогах, гудя, шумя и сверкая начищенными бортами, ездили современные экипажи, автомобили, велосипеды и рикши.

Постоялый двор оказался громким и, по мнению Омарейл, неухоженным и неуютным. Несмотря на поздний час, всюду было много людей: шумные компании и парочки си-

дели в таверне, бродили во дворе, перекрикивались с кучерами, болтали и курили на открытых балконах.

– То, что надо, – пробормотал Даррит, оглядевшись, и Омарейл еще раз обвела взглядом невзрачную постройку, полагая, что-то ускользнуло от ее внимания.

Они расплатились с извозчиком и прошли внутрь. Хозяин двора кинул на них равнодушный взгляд и принялся записывать выдуманные Нортом имена в пухлую книгу. Когда Даррит объявил, что им требуются две комнаты, хозяин еще раз посмотрел на них, на этот раз чуть удивленно, крякнул: «Ну, допустим», – и протянул два ключа.

Когда они оказались наверху, Даррит спросил у принцессы:

– Игральные карты, которые я купил для вас с господином Джоем, еще при вас?

– Да, должны быть где-то, – пожала плечами она.

– Найдите и приходите ко мне, – выдав это указание, он скрылся за дверью своего номера.

Несколько секунд она рассеянно глядела на потертую и явно не раз перекрашенную поверхность.

– А поесть? – негромко простонала Омарейл.

Даррит все же был предусмотрителен. Пока принцесса обустраивалась и освежалась после долгой поездки, он заказал в свой номер выпечку и кофе. Поэтому следующие слова она услышала уже будучи сытой:

– Сейчас я обучу вас игре в покер.

Омарейл несколько секунд молчала, глядя на то, как Даррит, сидя за хлипким на вид столиком, перемешивал карты.

– Прошу прощения, ты не о том ли покере, игра в который запрещена указом Короля и за который грозит ссылка в Успад? – спросила она, но все же опустилась в кресло напротив.

– О, рад, что вы о нем слышали. Не придется объяснять от сотворения. В первую очередь вы должны выучить комбинации…

Омарейл слушала, но думала о другом. Разумеется, азартные игры были не таким большим грехом, как нарушение условий предсказания. На Вольных Утесах Минли было по меньшей мере два места, где играли в покер. Принцесса узнала об этом, еще когда изучала с Бериотом уголовные дела, надеясь выяснить способ получения фальшивого паспорта. Оба игорных дома на Вольных Утесах существовали уже несколько десятков лет, но до сих пор гвардии не удавалось прикрыть их.

И все же было что-то неправильное, с точки зрения Омарейл, в том, чтобы добиваться своих целей, нарушая закон. Предсказание всегда казалось ей какой-то глупой ошибкой – оно не имело смысла, было беспричинно жестоким и неоправданно строгим. Законы же, записанные в Великий Иетихон, создавались выдающимися умами и одобрялись Королем. Если покер был под запретом, значит, сам Король считал это верным.

И Даррит вот так просто предложил ей совершить еще один проступок, нарушить еще одно правило, опуститься еще ниже в собственных глазах?!

Что хуже всего, Омарейл не видела иного выхода. Она не знала, как еще можно было заработать крупную сумму денег. Поэтому все, что ей оставалось, – пойти на этот безнравственный шаг.

Правила игры были довольно просты, тем более Омарейл кое-что слышала о них раньше. Труднее было представить, как, концентрируясь на игре, она, по мнению Даррита, должна была еще и считывать эмоции соперников.

– У вас будет возможность потренироваться, – заявил он, выкладывая перед ними три карты. – Это «флоп». Посмотрите, есть ли у вас выигрышные комбинации, если сложить карты на руках и на столе?

Глядя на Даррита, увлеченного процессом обучения, Омарейл задалась еще одним вопросом.

– Кстати, – произнесла она буднично, – как ты объяснишь Дану трехмесячное отсутствие?

– Я дал господину Джою дополнительное поручение. Он должен отправить послание господину Дольвейну, в котором я объясняю невозможность находиться в школе вплоть до конца учебного года.

– Считаешь, это сработает? Дан тебя не уволит?

– Вы не о том думаете, Ваше Высочество. Все это мелко и не важно по сравнению с тем, что нам предстоит сделать.

Даррит уверенно повысил ставку. Омарейл поддержала.

– Если говорить откровенно, Норт, – произнесла наконец принцесса, – я не могу думать о том, что нам предстоит сделать, так как мне сразу становится ужасно страшно. Поэтому… у меня стрит, и я думаю, ты блефовал. Что у тебя, жалкая пара?

– У меня флеш, – Даррит эффектным движением выложил на стол пять карт червонной масти, – я намеренно вводил вас в заблуждение. Двойной блеф.

Омарейл раздраженно бросила карты на стол:

– Никакой дар не поможет, если мне будет так не везти!

– Что касается покера, Мирра, дело не в везении, а в наблюдательности. Вы – эксплет, а это значит, что для вас не составит труда отличить блеф от действительности.

Они завершили еще три партии, и Омарейл спросила:

– Почему все эксплеты не играют в покер, чтобы разбогатеть?

– Почему вы решили, что они не играют?

Она пожала плечами, а он продолжил:

– Но, по большому счету, это не самый простой путь к богатству. Игра вне закона, подпольные казино тоже. А если и посчастливится найти хорошее место, не стоит надеяться, что его хозяин позволит обчищать игроков на постоянной основе. Слишком удачливого игрока сочтут жуликом и в лучшем случае отправят на улицу. Вскрываемся?

* * *

– Вскрываемся, господин Норк, – тучный мужчина с пенсне, так и не снявший цилиндр, в очередной раз сложил свои карты в одну стопочку, нервно потирая толстым пальцем засаленные края.

Даррит, представившийся господином Норком, несколько секунд угрюмо смотрел в свои карты, а затем кивнул.

Мужчины вскрылись – Даррит проиграл. Они с Омарейл были почти на мели, и принцесса серьезно нервничала, но пока продолжала действовать по плану, избегая крупных побед или поражений. Омарейл рассчитывала, что игра будет идти быстрее и они вернутся на постоялый двор еще до часа ночи. После обучения она просто мечтала лечь спать, но Норт попросил дождаться его, а сам отправился во внутренний двор, общаться с местной шпаной. Омарейл видела через окно, как он подошел к двум широкоплечим молодым людям, с дерзким видом курящим сигареты и по-хозяйски оглядывающим окрестности. Когда Даррит заговорил с ними, они сперва подобрались, будто готовые атаковать в любой момент, а затем вдруг заметно расслабились и даже улыбнулись.

Трое разговаривали не более минуты, а затем один из молодых людей кивнул куда-то в сторону. Даррит проследовал к крайнему в череде номеров, выходивших дверьми пря-

мо на внутренний двор. Он постучал и что-то сказал. Дверь открылась, и худощавая рука буквально затянула мужчину внутрь.

Даррита не было почти четверть часа, и Омарейл начала волноваться, но наконец она услышала стук в дверь.

Когда она открыла, то первое, что бросилось в глаза, – след от ярко-красной помады на мужской щеке. Омарейл невольно прыснула от смеха. Даррит невозмутимо прошел к зеркалу и стер алый отпечаток, а затем заявил, что все выяснил и теперь они отправляются в тайный игорный дом – впрочем, других в Ордоре и быть не могло, – чтобы выиграть немного солей.

Началась новая раздача. Мужчина справа от Омарейл закурил. То, как он выпускал дым, выдавало его: если в душе сосед ликовал, то облако медленно наполняло пространство, а если испытывал досаду – выдыхал напористо, почти резко.

Омарейл плохо чувствовала себя в крохотном душном помещении. Голова болела еще после долгой поездки из Лондрара. Да и в столь поздний час – было около трех ночи – сил на чтение эмоций у нее не было.

Тяжело вздохнув, она посмотрела на свои карты и обомлела. Взглянув на те, что были на столе и считались общими, и сверив их со своими, она поняла, что после последнего добора собрала четыре карты одного номинала. Каре – очень хорошая комбинация. Быстро взяв себя в руки, она мельком

глянула на других игроков. Мужчина в пенсне бросил отрывистое «пас», тогда как Дама повысила ставки. Омарейл почувствовала восторг женщины. У той была сильная комбинация, и была вероятность, что она легко могла победить каре принцессы.

Омарейл мельком взглянула на Даррита. Тот потер левую бровь, что означало: «У меня плохой расклад». Она же в ответ коснулась веером карт правой щеки. «А у меня хороший».

Он повысил ставку, желая вынудить Даму и щуплого господина рядом с ней увеличить банк.

Дым сигарет тяжелым клубом повис в воздухе над столом. Было жарко, отчего у некоторых мужчин лоб покрылся испариной.

– Я пас, – заявил наконец Даррит.

Щуплый тоже выбыл, а вот Дама не сдавалась. Какова была вероятность, что у нее был флеш? Судя по общим картам – невысокая. Омарейл задумчиво закусила губу, а затем повысила ставку, но это были ее последние деньги.

Даррит глядел на нее бесстрастно, но она знала: он был недоволен. Уговор был не вкладывать в игру все монеты.

«Но каре, Даррит, каре!» – подумала Омарейл.

Пришло время вскрываться.

Дама облизала неаккуратно накрашенные губы и позволила себе коварную усмешку. Принцесса нервно сглотнула. Она понимала, что серьезно рисковала, ведь в начале игры у

нее были хоть какие-то деньги, а сейчас она могла остаться без соля в кармане.

– Каре, – выдохнула Дама, триумфально глядя на Омарейл.

У принцессы тоже было каре, а это значило, что она имела лишь один шанс получить деньги: если карты соперницы окажутся меньшего номинала.

Дама по одной выложила карты рубашкой вниз. Десятка червей, десятка крестей, десятка бубен, десятка пик.

Омарейл на мгновение прикрыла глаза. Сжав зубы, она тяжело вздохнула.

– Вам повезло… – произнесла она. – Правда, мне повезло чуть больше.

И она выложила на стол свои карты. Валет червей, валет крестей, валет бубен, валет пик.

Пенсне крякнул, то ли от удовольствия, то ли от разочарования проигранной партией, а Дама была подавлена, но у нее еще имелись деньги, поэтому она продолжила игру.

Принцесса сгребла все фишки и начала строить из них аккуратные башенки. Она была крайне довольна собой.

Сосед с сигарой выиграл следующую партию, но ни Омарейл, ни Даррит, не потратили на нее больших денег. А затем был выход Даррита, и принцесса восхитилась тем, как красиво он все разыграл. Если бы он не почесал правое ухо – признак удачного расклада, – Омарейл поверила бы, что у него слабая комбинация вроде пары или двух. В итоге Щуп-

лый остался с тройкой на руках и без крупной суммы в кармане.

Омарейл почувствовала вкус победы и готова была сыграть еще, но внезапно Норт объявил, что они уходят.

– Удача – изменчива, а я не из тех, кто привык испытывать судьбу.

Принцесса была не согласна. Она только вникла в самую суть и поняла, как заработать еще. Можно было рассчитывать на крупный выигрыш: их партнеры по игре, хотя и обогатили Даррита и Омарейл, все еще имели достаточно золота.

– Я бы хотела сыграть еще партию, – заметила она, с азартом оглядывая остальных.

Дама понимающе хмыкнула, Сигара посмотрел на нее снисходительно. Щуплый мрачно зыркнул, ему определенно не понравилась везучесть этой парочки. А Пенсне – он, казалось, был самым опытным игроком – весомо сказал:

– Послушай своего приятеля, девочка.

Даррит тут же внимательно посмотрел на мужчину. Омарейл и сама почувствовала состояние игрока, когда их взгляды встретились. Пенсне подозревал, что что-то нечисто, и испытывал от этого раздражение. Можно было сказать, что он настроен агрессивно.

Омарейл поспешно встала.

Пока они с Дарритом шли по темной и пустой улице окраины Агры, Омарейл вспоминала самые яркие моменты игры.

– А когда у меня была только пара, но Щуплый сдался! – восклицала она, опьяненная успехом и свежим воздухом. – Это было восхитительно. Жаль, что потом просто ужасно не везло с картами. Но когда я увидела каре… О-о, эта дамочка думала, что выигрыш у нее в кармане!

Даррит смотрел вперед, никак не реагируя на эмоциональный рассказ.

– Но жаль, что нам пришлось так рано уйти. Я бы с удовольствием сыграла еще. Ты слушаешь меня, Норт?

– О да. Я слушаю и думаю о том, что совершил ошибку, познакомив вас с азартными играми. Вы не знаете, когда нужно остановиться.

Омарейл досадливо вздохнула.

– Уверена, это приходит с опытом. Получить который, – с нажимом продолжила она, – можно лишь практикой.

Даррит покачал головой:

– Дело не в опыте. Просто у вас… притупленное чувство опасности. Вы как будто не понимаете всей серьезности ситуации. Безрассудно доверяете незнакомцам, бесстрашно отправляетесь в самые злачные места, с каким-то неясным восторгом пускаетесь в авантюры.

Она чуть помолчала. Затем, укутавшись поплотнее в плащ – не из-за холода, а скорее из-за внезапно навалившейся усталости, – Омарейл ответила:

– Может, поэтому я до сих пор не выбросилась из башни? Потому что я научилась не бояться и не сдаваться?

Даррит вздохнул. Ночь была темная, фонари на улице горели через один, поэтому Омарейл с большим трудом удалось разглядеть выражение его лица. Норт казался уставшим и обеспокоенным.

– Может, – сухо отозвался он. – Но сейчас вам самое время узнать, что такое осторожность.

Неожиданно Даррит обогнал Омарейл на один шаг, чтобы резко развернуться и встать перед ней. Она вздрогнула, оказавшись с ним лицом к лицу.

– Никто не желает вам добра, – проникновенно сказал он.

Дыхание облачком вырвалось из его рта. Она издала нервный смешок:

– Спасибо за слова поддержки, Норт…

– Не думаю, что это повод для шуток.

– Тебя послушать, поводов для шуток вообще нет, – закатила глаза Омарейл. – А ты попробуй относиться ко всему проще. Расслабься хоть немного. Ты же вечно как статуя, – она разгорячилась, желая хоть как-то встряхнуть своего спутника. Он же продолжал смотреть на нее с ледяным спокойствием. – Невыносимо смотреть на твое вечно безразличное лицо! Неужели нельзя хотя бы немного… быть похожим на человека?

– Вас раздражает то, что я способен сдерживать эмоции, или то, что этого не можете вы?

Ее настрой поругаться и поскандалить быстро сошел на нет от этого угрюмого вопроса. Омарейл ждала ответа хотя

бы с легким раздражением в голосе. Что во взгляде мелькнет что-то похожее на возмущение. Но нет: он предлагал ей проанализировать собственные чувства. Так часто делал психолог, который время от времени проводил с ней сеансы. Господин Жукко уверял, что часто мы раздражаемся совсем не на то, на что думаем. Например, ноющая боль может превратить даже самую спокойную, милую беседу в серьезную перепалку. А злость на себя за допущенную ошибку может стать причиной оскорблений в адрес близких. Именно в такие моменты человеку важно прислушаться к себе и понять, что на самом деле вызывает злость.

Омарейл вспомнила все эти нравоучения господина Жукко и ей захотелось зевнуть.

– Пойдем, Норт, мы оба устали, – сказала она примирительно. – Это был длинный день, и я не прочь поспать.

К необычайной радости принцессы в ее номере была ванная комната. Омарейл заглянула в порыжевшее глубокое корыто, подавила брезгливость и стала набирать воду.

Сидя у небольшого зеркала при тусклом свете ночника, Омарейл пыталась руками расчесать длинные волосы. Ей пришлось вновь надеть платье, которое она купила у хозяйки Лондрара, – спать в нем было удобнее, чем в брюках.

Разглядывая свое отражение, она вспоминала, как Норт уверенно выяснял, где можно сыграть в покер, – будто делал это уже не в первый раз. Как он бесстрашно вошел в подпольный игровой клуб, бросив охраннику кодовое: «Мы только

выпить джина». Как равнодушно оглядел партнеров по игре и холодно представился мистером Норком.

Она заметила, что он чувствовал себя своим в подобных кругах. Значило ли это, что такой правильный и дисциплинированный Даррит нарушал закон, общался с преступниками и, луна и небо, использовал дар в своих интересах?!

Омарейл нахмурилась. Отчего-то темное прошлое Норта не пугало и не возмущало ее – от этого становилось не по себе. Все-таки она была будущей Королевой, гарантом соблюдения порядка в государстве.

Видимо, Даррит был прав: с ней что-то не так. Как еще можно было объяснить, что воспоминания о том, как они провели вечер, приводили ее в возбуждение? Она перебирала в голове самые яркие события, и ее сердце билось чаще. Ей хотелось вновь почувствовать этот азарт, это волнение и, конечно, эту сладость победы.

Омарейл чуть вздрогнула, когда что-то хрустнуло за окном. На улице, как и в комнате, было темно, она резко обернулась и уставилась в непроглядную тьму, надеясь увидеть птицу или ветку дерева, что могла царапнуть стекло. Увы, она знала, что там не могло быть ничего подобного: вдоль той стороны фасада проходила открытая галерея, ведущая во внутренний двор.

Омарейл поднялась на ноги и осторожно отошла к кровати, чтобы сменить угол обзора.

Все ее чувства обострились. По телу пошли мурашки, во-

лоски на руках встали дыбом, дыхание участилось. Кто-то тихонько скребся за окном, и через несколько мгновений Омарейл поняла, что ночной посетитель пытался открыть его.

Взломщику удалось справиться со своей задачей быстрее, чем принцессе – добежать до двери и открыть ее. Темный силуэт мелькнул за полупрозрачной занавеской, а в следующее мгновение высокий мужчина уже распахнул окно и оказался в комнате.

Как назло, что-то случилось с замком: Омарейл нервно пыталась открыть его, но ей не удавалось. Не представляя, что делать дальше, она закричала:

– Норт! Помоги!

Взломщик оказался рядом в одно мгновение. Он попытался схватить девушку, но она начала яростно сопротивляться. От ужаса она не помнила себя и просто беспорядочно махала руками, пытаясь пнуть мужчину, поцарапать или укусить. Омарейл никогда не испытывала такого животного страха. Даже столкновение с собакой на улице Астрара не было столь пугающим. Теперь инстинкты полностью взяли верх. Все ее существо сосредоточилось на том, чтобы защитить себя.

Нападавший не ожидал отпора, поэтому замешкался. В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ввалился Даррит. Его синие глаза бешено горели огнем. Ему хватило пары секунд, чтобы оценить ситуацию. Затем он

шумно выдохнул, опустил на мгновение веки, а потом посмотрел нападавшему прямо в глаза. Тот не успел ничего сделать и оказался в плену цепкого взгляда Норта. Несколько секунд – и взломщик обмяк, губы его скривились.

– Кто вы такой и зачем явились? – спросил Даррит твердо, в его голосе слышались стальные нотки.

Омарейл только теперь заметила, что стояла, прижавшись к стене, обняв себя и мелко дрожа. Она осторожно подошла к распахнутой двери. В коридоре появился управляющий. Он открыл было рот, чтобы спросить, что произошло, но замер, увидев взломанную дверь и открытое окно.

– Меня послал Щепка, чтобы забрать его деньги.

– Игрок в покер? – уточнил Норт.

Взломщик просто кивнул.

– Передай ему, что у нас нет его денег. Все, что мы забрали из клуба, было честно выиграно. Если у него есть сомнения на этот счет, он знает, к кому идти с претензиями. Мы не прячемся, хозяин клуба скажет, где нас искать.

Нападавший кивнул. В этот момент его осанка изменилась: он перестал сутулиться, но и агрессии в позе уже не было.

– Ступай, – распорядился Даррит, и взломщик направился к окну. – Через дверь, – процедил Норт.

Высокий мужчина неловко проскользнул мимо Омарейл, стараясь не глядеть на нее, обогнул администратора, который удрученно качал головой, и исчез на лестнице.

– Вот это надо будет оплатить, – администратор указал пальцем на вывернутый замок и, получив от Даррита кивок в качестве ответа, ушел.

Наконец Норт обратил внимание на Омарейл. Прикрыв дверь, он подошел к девушке и чуть склонил голову, чтобы заглянуть ей в глаза. Ее трясло, щеки были мокрыми от слез. Даррит положил руки на ее подрагивающие плечи.

– Мирра, все позади, – мягко произнес он будто пытаясь загипнотизировать ее.

– Я не знаю, почему так напугалась. Просто он… – Омарейл всхлипнула, – Он схватил меня. Я ничего не могла сделать. Мне было так страшно.

Она стала говорить быстро, судорожно глотая воздух, и Даррит осторожно взял в ладони ее лицо.

– Мирра, он больше не тронет тебя. Дыши.

Омарейл действительно начала задыхаться, и Даррит несколько раз повторил «дыши», прежде чем она смогла прислушаться к его словам.

И что на нее нашло? Отчего нападение вызвало столько эмоций, что дрожь до сих пор била ее?

Вздохнув, Даррит отвел ее в свою комнату, усадил на стул и дал стакан воды. Омарейл начала приходить в себя.

– Почему он залез ко мне в номер? – спросила она. – Хотел забрать деньги?

Даррит кивнул. Он стоял у окна и смотрел в черноту ночи – а может, разглядывал собственное отражение в мутном

стекле.

– Но мы же честно выиграли их.

На эти слова он хмыкнул и с усмешкой отозвался:

– И он бы так же честно их украл…

Омарейл вздохнула и сделала глоток.

– Хорошо, что с покером покончено, – пробормотала она, и Норт повернулся к ней, внимательно глядя в глаза.

– Что вы, это была лишь тренировка, – сообщил он. – Игра по-крупному нам только предстоит.

Она застонала. Ей так хотелось покончить с этим, чтобы больше не бояться и не испытывать чувства вины! И, самое главное, не разрываться между «Это нарушение закона!» и «Что такого в безобидной игре в покер?». Это противоречие противным червячком точило ее с того самого момента, как Даррит начал обучение. Разве это не была простая карточная игра, похожая на множество других? И разве кто-то побеждал в ней обманом (кроме них с Дарритом)? Покер не сопровождался жульничеством или вымогательством, а то, что люди добровольно шли на риск потерять все свои деньги, было их решением. Разве не вольны они тратить свои накопления так, как считают нужным?

И все же закон есть закон, и, если каждый будет поступать с ним так, как считает правильным, порядка не будет. Омарейл понимала это и заставляла свой внутренний голос заткнуться.

– Скажите, – Даррит прошелся по небольшой, убого об-

ставленной комнатке и, оказавшись у бара, тоже налил себе воды, – вам и раньше позволяли подобное? – он неопределенно указал стаканом в ее сторону.

Омарейл вопросительно вскинула бровь.

– Хныкать, стонать от досады и закатывать глаза, – пояснил он.

А затем, чуть подняв руки, будто бы говоря: «Только не стреляйте», добавил:

– Вы первая принцесса, с которой я столкнулся, мои знания о воспитании монарших особ весьма скудны.

Омарейл бросила на него раздраженный взгляд исподлобья.

– Сарказм тебе не идет, Норт, – заявила она.

– Думаете, вас он красит? – не остался в долгу Даррит и сделал глоток воды.

Девушка тяжело вздохнула. Она слишком устала, чтобы продолжать эту бессмысленную перепалку.

– Я пойду, – безжизненно сказала она и встала. Но проходя мимо Норта, застывшего у двери, услышала, как он прочистил горло.

– Я считаю, вам нужна охрана, – заявил он, ступая следом.

Они вышли в узкий темный холл и подошли к ее двери со сломанным замком.

– Не скажу, что не привыкла, чтобы кто-то караулил под дверью, пока я сплю. Но ночевать в коридоре – довольно глупая затея…

Даррит мрачно взглянул на Омарейл, затем вошел за ней в ее комнату. Там он демонстративно сел в неглубокое потертое кресло, вытянул ноги в идеально начищенных ботинках и сложил руки на груди.

– Ну, хорошо… – протянула принцесса, хотя и видела что-то противоестественное в том, чтобы спать, пока кто-то посторонний находился в помещении.

Уснуть ей удалось не сразу, несмотря на то что дело близилось к утру. Проснулась она уже в пустой комнате. Судя по длинным теням от солнца, было около девяти.

Сегодня им предстояла поездка в центр города. Предвкушая более близкое знакомство с Агрой, Омарейл собрала свой скромный сверток с одеждой и лалой.

Пока они ехали в повозке, принцесса с любопытством смотрела в окно. Город был красив. Архитектура здесь отличалась от той, что можно было увидеть в Астраре. Дома казались более нарядными, с портиками и лепниной, чугунными балкончиками и отражающими небо окнами мансардных этажей. Улицы – шире, скверы – больше. И повсюду яркие рекламные плакаты. Большинство из них приглашали на удивительные шоу, в цирк и варьете, на премьеры спектаклей в современные театры и на музыкальные концерты. Даже люди были одеты как-то иначе: ярче, оригинальнее, будто каждый пытался сказать своей одеждой: «Я уникален!» Все это нравилось Омарейл.

Наконец повозка остановилась напротив витрины боль-

шого магазина.

– Нам сюда, – сказал Даррит и указал на вход в «Донни Мерката». – Нам предстоит выдавать себя за состоятельных граждан, – прошептал он, склонившись к ее уху, – поэтому требуется сменить костюмы.

Одежда Даррита была безупречна, но, Омарейл предполагала, он не выглядел как знатный господин. Норт отправил принцессу в женский отдел, где ей нужно было приобрести «все, что требуется», в том числе платье, подходящее для похода в театр.

Наконец у нее появилась возможность купить сменную одежду, зубную щетку и расческу. В отделе косметики она приобрела духи.

Платье для театра, казалось, выбрать сложнее прочего, поэтому она отложила эту задачу на самый конец, но в результате справилась очень быстро: серо-синее одеяние, расшитое золотыми звездами и лунами, сразу пришлось ей по вкусу.

А вот другая посетительница, как заметила Омарейл, столкнулась с большими трудностями.

– Это никуда не годится! – едва не плача, воскликнула статная женщина с каштановыми волосами.

Омарейл готова была с ней поспорить – той очень шло платье глубокого винного цвета с плотным корсетом и юбкой воланами.

– Давайте еще раз изумрудное, – вздохнув, устало сказала

покупательница, а затем, заметив в зеркале Омарейл, страдальчески сложила брови домиком.

Принцесса изобразила понимающую улыбку и продолжила рассматривать заколки в небольшой стеклянной витрине.

В это время к ней подошел продавец, чтобы помочь с выбором.

– Мне нужно что-то, что подойдет для театра, – пояснила Омарейл.

Седовласый мужчина взглянул на нее и чуть сощурился. Что-то в том, как он смотрел, не понравилось принцессе. Ей было неприятно его пристальное внимание. «Да не написано же у меня на лице, что я – принцесса!» – пыталась успокоить себя она, но это не сработало.

Они встретились с продавцом взглядами, и в следующее мгновение в блеклых голубых глазах Омарейл увидела настороженность. Мужчина чуть нахмурился и подошел к ней ближе.

– А я раньше вас не видел, – с откровенным подозрением в голосе произнес он.

– Потому что я тут впервые, – пожала плечами девушка, испытывая к собеседнику все бóльшую неприязнь.

– А покажите-ка ваши карманы, госпожа, – сказал вдруг он, и Омарейл опешила.

Краем уха она услышала, как охнула дама, примеряющая платье, как переполошились подручные продавца.

– Вам лучше бы извиниться, господин! – полыхая от гнева

и смущения, ответила Омарейл и гордо подняла голову.

Впрочем, выглядело это не так убедительно, как ей хотелось бы, поскольку сердце ее билось в горле, а руки немного дрожали. Да и голос звучал сдавленно и нервно.

– Стражники! – прорычал продавец, вдруг схватив ее за локоть.

В следующее мгновение к ним подскочили два молодых человека в форме, напоминавшей гвардейскую, но толку от них было мало. Они встали по обе стороны от продавца, и Омарейл просто глядела на них, не зная, что делать.

– Господин Буке! – пискнула одна из подручных, видимо, призывая пожилого мужчину к спокойствию.

– Что здесь происходит? – раздался властный голос, и все обернулись ко входу в отдел.

Даррит, облаченный, как заметила Омарейл, в новый бархатный сюртук благородного синего цвета, с повязанным по последней моде белоснежным шелковым платком-галстуком, вошел точно принц.

Как всегда, быстро оценив ситуацию, он обратился к продавцу, что держал Омарейл за руку:

– Прошу, достопочтенный господин, пояснить, почему вы схватили мою сестру.

Продавец стушевался. Быстро отпустив девушку, он отошел от нее на пару шагов.

– Я, право… – произнес он, растерянно озираясь.

Казалось, он только заметил, что по обе руки стояли го-

товые к атаке стражники, а все подручные глядели на него огромными глазами, взволнованно прижав ладони к груди. Наконец он обратил внимание и на вторую посетительницу: та, очевидно, была потрясена происходящим.

– Я не знаю, что на меня нашло, – хрипло проговорил он.

А вот Омарейл уже поняла. Ее собственные эмоции передались мужчине, и он не смог с ними совладать. Ей стало стыдно.

– Произошло недоразумение, – произнесла принцесса.

– Разумеется, – холодно произнес Даррит, обводя взглядом всех присутствующих.

– Я уже все купила, – негромко произнесла Омарейл, продемонстрировав два бумажных пакета.

Ее спутник кивнул и выставил локоть, уперев руку в бок. Она вопросительно посмотрела на него, не совсем понимая, чего он ждал.

– Благодарю за помощь. Всего доброго, – обратилась она к сотрудникам магазина.

Те неуверенно попрощались, натянуто предложив Омарейл заходить еще. Она подошла к Дарриту, тот все еще выжидательно смотрел на нее, оттопырив локоть.

– Что? – прошептала она.

Тот вздохнул и опустил руку, пропуская принцессу вперед. Уже на улице, когда они чуть отошли от магазина, Даррит повернулся к ней и спросил:

– Вас можно хотя бы на минуту оставить одну, чтобы вы

не ввязались при этом в какую-нибудь заварушку?

Она отвела взгляд, раздраженно вздыхая.

– И еще кое-что: мужчины и женщины, когда сопровождают друг друга, часто ходят под руку.

Он взял ее ладонь, снова выставил локоть и положил ее руку себе на предплечье. Омарейл огляделась. По улице действительно шло несколько пар, и девушки словно бы держались за локоть мужчины.

Они прошли так с Дарритом несколько метров, и принцесса заявила, что это крайне неудобная манера передвигаться.

– Боюсь, вам придется привыкнуть к тому, как вести себя в обществе. Сегодня вечером мы идем в театр.

Даррит одним изящным движением остановил проезжающую мимо повозку, помог Омарейл забраться в нее, поставил пакеты с покупками на предназначенную для этого площадку над задними колесами и сел на скамью напротив принцессы. Дав кучеру знак трогаться, он внимательно посмотрел на спутницу.

– Там будет Патер? – спросила Омарейл, пока деревянные колеса шумно стучали по мостовой.

– И он тоже. Но нам достаточно будет знакомства с кем-либо из приближенных.

Она задумалась.

– Откуда вы узнали, что он будет там? Только вчера мы приехали из Лондрара, а сегодня вы уже осведомлены о том, чем занимается Патер этим вечером.

Омарейл не смогла понять, ухмыльнулся ли он или это шрам вновь создавал иллюзию полуулыбки.

– Местные сообщили мне о самых ожидаемых событиях этой недели. Сегодня состоится премьера «Аны» в Агре.

– Мы идем на «Ану»?! – воскликнула принцесса изумленно.

Она и мечтать не смела об этом. Вот только…

– Там же будет Шторм!

– Именно поэтому будет лучше, если вы не станете выскакивать на сцену и вообще привлекать к себе лишнее внимание. Сможете сделать над собой усилие?

Омарейл фыркнула. Будто она нарочно вечно вляпывалась в истории!

Даррит помолчал немного, а затем, скорее размышляя вслух, чем объясняя что-то Омарейл, проговорил:

– Его Величество высоко оценили этот спектакль. Ни один уважающий себя представитель высшего света теперь не пропустит его. Если Джан Дженна не появится на премьере, я буду готов…

Он замолчал.

– Что ты будешь готов, Норт? – спросила Омарейл, чуть улыбаясь.

Даррит нахмурился, а затем посмотрел ей в глаза:

– Не знаю, я не смог придумать, на какую жертву готов пойти, если окажусь неправ.

Она засмеялась.

– Отрезать себе руку? – предложила принцесса любезно.

– Едва ли, кровожадное создание. Но хватит глупостей, лучше расскажите мне, как так вышло, что вы заставили почтенного господина наброситься на вас, будто вы уличная воровка?

Омарейл досадливо вздохнула и пустилась в объяснения.

Гостиница, в которой они остановились, находилась в самом сердце города. Дома здесь стояли так близко друг к другу, что можно было видеть, что творилось в окнах напротив. Улицы наводнял транспорт, все здесь шумело, гудело, двигалось. Бронзовые фонари зажгли, едва сумерки начали захватывать улицы.

Сам отель «Амбассадор» ничуть не уступал в убранстве королевскому дворцу.

– У меня дома такой же кофейный столик, – счастливо заметила Омарейл, как только оглядела гостиную.

Помимо дивана, двух кресел и мраморного столика, в комнате стоял еще резной письменный стол с вычурным стулом. Две двери вели в просторные спальни.

Омарейл осмотрелась. Обстановка кричала о своей дороговизне, и принцесса спросила:

– Как мы за это расплатимся? Мы купили недешевую одежду, въехали в фешенебельный отель…

– И приобрели билеты в театр по цене, которая до сих пор не укладывается у меня в голове, – заметил Даррит, наливая себе что-то в баре.

– Если я правильно поняла управляющего, нам вообще повезло, что нашлось два билета.

– Мы бы отыскали способ попасть сегодня в театр, не сомневайтесь, – заметил Даррит, делая глоток золотистой жидкости из низкого стакана толстого стекла.

Омарейл опустилась на диван, с наслаждением потонув в мягких подушках.

– Не слишком ли шикарно? – принцесса огляделась. – Если ты думаешь, что я не могу прожить без всего вот этого…

– Это нужно для дела, – перебил ее Даррит. – То, что вы неприхотливы, я с удивлением обнаружил еще в самом начале нашего знакомства.

– В школе? – удивилась Омарейл.

– Я не считаю, что мы были знакомы в школе, – отмахнулся он. – Там я думал о вас как о глупой девчонке-эксплете, которая лезла со своими способностями куда не следует.

Он сделал еще глоток и начал задумчиво вертеть стакан в руках. Спустя некоторое время Даррит снова заговорил:

– Сегодня после театра, если все пройдет успешно, мы снова будем играть в покер. Но на этот раз ставки будут гораздо выше.

Омарейл жалобно застонала.

– Все деньги нужно оставить для игры, поэтому обеда не будет. Рекомендую заглянуть в бар, – сказал он, указав на резной деревянный шкафчик. – И я не стал бы игнорировать эту фруктовую тарелку.

Омарейл последовала его совету, но к вечеру все равно была голодна.

Они провели день за чтением книг и за покером. Омарейл поиграла немного на лале, чтобы привести чувства и мысли в порядок, а затем они с Нортом начали готовиться к выходу в свет.

Платье, которое она купила, было, возможно, несколько вызывающим. Совсем не тот фасон, что носили сейчас современные барышни: со свободным рукавом, прикрывающим костяшки пальцев, чуть завышенной талией, от которой ткань ниспадала до самого пола. Вырез на груди был ниже, чем принято. Принцесса посмотрела на свое отражение в зеркале и с тревогой подумала о том, что скажет Даррит. Чутье подсказывало: он не оценит ни оригинальный силуэт, ни вышивку на тяжелой бархатистой ткани цвета грозовой тучи. Она провела пальцем по созвездию на рукаве.

«Красиво же», – подумала она, заранее защищаясь.

Заколки купить она так и не успела, поэтому была вынуждена оставить волосы распущенными. Бросив последний взгляд в зеркало, Омарейл вышла в гостиную.

Даррит в излюбленной манере стоял у окна, сложив руки в замок за спиной. Едва Омарейл появилась в комнате, он повернулся к ней и застыл.

Затем прикрыл глаза и сжал двумя пальцами переносицу. Принцесса неловко поправила платье на плече.

– Я попросил вас всего об одной вещи, – проговорил Дар-

рит, бросив взгляд на девушку и начав тереть лоб, будто его мучила головная боль. – Не привлекать внимания.

– Платье очень красивое, – проговорила она и закусила губу.

Пускай она и ожидала подобной реакции, видеть ее все равно было неприятно.

– Небеса, дело же не в этом…

Даррит сделал шаг к ней навстречу, но, будто ему было тяжело смотреть на Омарейл, возвел глаза к потолку. Набравшись сил и терпения, он все же подошел к девушке вплотную и начал обходить кругом, будто бы надеясь, что хотя бы сзади наряд будет выглядеть обыденно.

– Оно все в звездах, – констатировал наконец он. – Все, что от вас требовалось, – купить платье в театр, а вы нарядились, как лесная фея. Теперь только и разговоров будет что о вашем туалете.

Вот и предательские слезы появились в уголках глаз, но Даррит этого еще не заметил, поэтому продолжил:

– Вы могли просто отправиться голой, возможно, толку было бы меньше. Вы… вы что, плачете?

Омарейл посмотрела ему в глаза, едва видя сквозь мутные слезы, и, силясь совладать с эмоциями, выпалила:

– Дурак!

Она скрылась в своей комнате, громко хлопнув дверью. Какое-то время девушка плакала по-настоящему. Затем задалась вопросом, что же ее так огорчило, и, не найдя разум-

ного ответа, бездумно уставилась в окно. Даррит решился постучать лишь спустя пять минут.

– Вы успокоились?

Этот вопрос вызвал в душе Омарейл волну гнева, поэтому вместо ответа она швырнула в дверь быстро снятую с ноги туфлю.

– В самом деле… Мирра, я же не сказал, что платье некрасивое. Если это вас расстроило.

Она закатила глаза. Идиот. Если бы она знала, что ее расстроило…

– Вы прекрасно выглядите, но ваш наряд не соответствует поставленной задаче. Я лишь выразил досаду в связи с тем, что вы… – он чуть помолчал, – тем, что ваше одеяние может помешать воплощению плана.

– Ты сказал, что я не должна привлекать внимание *после* того, как я купила это проклятое платье! – выкрикнула Омарейл, не сумев оставить обиду при себе.

За дверью раздался тяжелый вздох.

– Хорошо, я виноват. Был неправ. Сейчас все равно уже ничего не исправить, так что выходите, мы опаздываем.

Омарейл с мрачным удовольствием отметила взволнованные нотки в голосе Даррита.

«Так тебе и надо», – подумала она.

– Мирра, выходите, хватит дуться. Я озабочен тем, чтобы все прошло гладко, не более.

Решив, что он пострадал достаточно, Омарейл открыла

дверь и важной поступью прошла в гостиную, подобрав и надев по дороге туфлю. Она бросила надменный взгляд на мужчину.

Он, словно бы забыв, насколько нестандартно выглядело платье, страдальчески поднял брови, но затем взял эмоции под контроль и просто кивнул.

– Вы готовы? – поинтересовался он, подавая ей плащ с меховым воротом.

– Это лицо человека, который готов? – она указала на собственные заплаканные глаза.

– Что я могу сделать? – спросил он устало.

– Ничего, – ответила она драматично. – Все что мог, ты уже сделал.

С этими словами она позволила Дарриту помочь ей надеть плащ.

Отель находился прямо напротив театра, через площадь, поэтому до него они добрались пешком. Прохладный вечерний воздух помог Омарейл справиться с эмоциями, и в фойе, освещенное сотнями ламп, она вошла с гордо поднятой головой и холодным взглядом. Все в театре Королевы Лорнет выглядело ослепительно и величаво. Широкие мраморные лестницы, шпалеры и картины в массивных рамах на стенах, потолки с лепниной. В гардеробе толпились люди. Дамы в восхитительных платьях ожидали своих спутников, пока те отдавали проворным молодым людям их дорогие меховые

шубы, пальто и сюртуки.

Если Омарейл и думала, что Даррит преувеличивал необычность ее наряда, любые сомнения в его правоте отпали, стоило девушке сбросить с плеч плащ.

Она принялась поправлять прическу, глядя в зеркало и делая вид, что не замечает, как абсолютно все женщины обратили на нее изумленные взгляды. Они действительно были одеты иначе.

Даррит подошел к ней и предложил локоть.

– Достаточно эпатировать публику здесь, пойдемте, нам еще нужно произвести фурор в партере, пока не начался спектакль.

Омарейл улыбнулась и взяла его под руку. Шутка Даррита помогла ей немного расслабиться.

– Норт, а ты не можешь внушить всем равнодушие? – уточнила она, пока они поднимались по лестнице и каждый провожал пару недоуменным взглядом.

– С таким справился бы только Мраморный человек, – ответил он. – Я сделаю что смогу с ближайшими соседями, но на весь театр можете даже не рассчитывать.

Принцесса прислушалась к себе: на самом деле, она не чувствовала неловкости из-за внимания людей. Ей даже доставляло странное удовольствие видеть потрясенные лица некоторых дам.

– Патер на месте, – едва слышно произнес Даррит, и Омарейл с трудом подавила желание начать вертеть головой.

– Где? – так же тихо уточнила она.

– В королевской ложе, – это прозвучало как нечто само собой разумеющееся.

– И я, конечно же, знаю, где это, – процедила Омарейл, – ведь театр – мой любимый вид досуга.

Ее собеседник некоторое время глядел вперед, осмысливая сказанное, затем спокойно объяснил, куда стоило смотреть. Омарейл осторожно обернулась и взглянула наверх. Там на втором ярусе был широкий просторный балкон, богато украшенный позолоченной лепниной. Его обрамляли тяжелые бордовые гардины с золотой бахромой и кисточками.

Сам Джан Дженна сидел, чуть откинувшись на стуле, и разглядеть его из партера было почти невозможно.

Наконец зрители расселись, в зале погас свет, началось представление.

Сердце Омарейл едва не выпрыгнуло из груди, когда на сцене появилась Шторм. Лицо из другой жизни! Было так волнительно увидеть его снова. Ко всему примешивался страх, что Шторм заметит ее, узнает. Точно почувствовав состояние спутницы, Даррит внимательно посмотрел на Омарейл, вынуждая взглянуть ему в глаза.

– Все в порядке, – прошептала она и постаралась собраться.

Не хватало еще, чтобы весь зал занервничал из-за появления звезды спектакля.

Впрочем, скоро все лишние мысли и чувства отошли на

второй план: Омарейл полностью погрузилась в действо на сцене. Шторм была действительно хороша. Спектакль не шел ни в какое сравнение с эпизодами, которые принцесса видела летом.

А музыка! Что за музыка! Омарейл вытягивала шею, чтобы разглядеть скрипачей и флейтистов в оркестровой яме. Звук был такой мощный, проникновенный, он лился, заполняя все вокруг.

Девушка сопереживала героям, от чувств в груди не хватало места, а когда закончился первый акт, аплодировала, должно быть, громче всех.

Если бы Даррит не подхватил ее и не повел к ресторану, она, наверное, стояла бы там еще четверть часа, просто пытаясь осмыслить увиденное.

В ресторане публика чинно расхаживала с бокалами шампанского и восторженно обсуждала спектакль. У некоторых дам в глазах стояли слезы, и они промокали их белоснежными платочками.

Даррит пообещал раздобыть чего-нибудь перекусить и ушел, Омарейл же осталась ждать его у колонны, отрешенно глядя вдаль. Она думала о двух вещах: о том, каким впечатляющим был спектакль, и о том, как сильно она хотела есть.

– А вот и вы, – раздалось у нее над ухом, и Омарейл вздрогнула.

Обернувшись, принцесса увидела смутно знакомое лицо. Женщина лет сорока с острыми, чуть хищными, но привле-

кательными чертами, темными глазами и густыми бровями озорно смотрела на нее, ожидая, когда девушка узнает ее.

– Вы были сегодня в магазине, – поняла наконец Омарейл. – Примеряли платье… Выбрали винное. Вам к лицу.

– Я могла прийти хоть в мешке, – отмахнулась незнакомка, – потому что все обсуждают только одно платье…

Она окинула наряд Омарейл многозначительным взглядом.

– Омелия Зарати, – произнесла дама и протянула руку, обтянутую черной перчаткой до локтя.

Омарейл удивленно моргнула, услышав знакомое имя, а затем вспомнила, что Дан рассказывал о клане Зарати. Фамилию носили многие представители знати, огромная семья расселилась по всему Ордору.

– Приятно познакомиться, госпожа Зарати, мое имя – Мирабель Аррит, – ответила Омарейл, точно как они с Дарритом договорились, и пожала кончики пальцев женщины. – Но я прошу всех звать меня Мира.

Они должны были выдавать себя за знатных господ, поэтому решили оставить принцессе ее новое вымышленное имя, но придали ему аристократичности. Мирра – смола, которую часто использовали для врачевания. Это имя они оставили для тех случаев, когда Омарейл следовало выдавать себя за простолюдинку. Знать же имела право давать детям любые имена, подчеркивающие особое происхождение. «Мира» было вполне подходящим. Омарейл начала чувство-

вать себя профессиональной мошенницей, потому что Мирабель Аррит была третьей ложной личностью девушки.

– Тогда я настаиваю на «Омелии», – ответила собеседница, улыбнувшись, и на мгновение сжала ладонь Омарейл. – А теперь скажи мне, дорогая, где ты набралась смелости, чтобы так шокировать местное общество?

Омарейл улыбнулась уголками губ.

«Между смелостью и глупостью очень тонкая грань», – подумала она.

Разговор с новой знакомой протекал легко и шутливо. Они успели обсудить и спектакль, и платья, и даже погоду, когда наконец к ним подошел Даррит с двумя миниатюрными огуречными сэндвичами.

Мира представила Омелию и «брата» друг другу. Норк Аррит пришелся госпоже Зарати по вкусу: та быстро завязала с мужчиной непринужденный разговор, во время которого красиво смеялась и похлопывала Даррита по руке.

Омарейл была очень довольна, все шло даже лучше, чем они планировали: влиться в местное общество при помощи богатой одинокой красавицы было бы нетрудно. Даррит умел быть очаровательным, когда хотел, и они могли этим воспользоваться. Но Омарейл по-настоящему растерялась, когда к их беседе присоединился муж Омелии, господин Зарати.

Его присутствие, впрочем, ничуть не помешало женщине оказывать Дарриту всяческие ненавязчивые знаки внима-

ния. Это показалось Омарейл немного странным и смущающим.

Когда они с Дарритом вернулись на свои места, он прошептал:

– Я не был готов к подобному, но, похоже, ваша манера привлекать к себе внимание сыграла нам на руку.

– Да? – скептически отозвалась она.

– Вы разве не слышали? Господин Зарати работает в городском совете. Думаю, не ошибусь, предположив, что он лично знаком с Патером и даже вхож в его дом. Все не могло сложиться лучше.

Омарейл покосилась на своего спутника:

– А ты уверен, что муж Омелии не захочет тебя пристрелить, если увидит в ее компании?

– Нам нужна его компания, а не ее.

Принцесса не смогла ответить, так как начался второй акт. Весь спектакль оставил очень глубокое впечатление. Омарейл даже не представляла, что театр – это настолько волнительно и эмоционально.

Зрители рукоплескали, заставляя Шторм и других актеров кланяться и кланяться, принимать цветы и снова выходить на поклон.

Джан Дженна тоже активно хлопал – Омарейл взглянула на его ложу и наконец смогла рассмотреть мужчину. На вид ему было не больше сорока. Длинные темно-рыжие волосы Патера Агры аккуратно лежали на плечах, красиво контра-

стируя с изумрудно-зеленым камзолом. Он широко улыбался, демонстрируя всем ряд ровных белых зубов.

И ее новая знакомая, Омелия, сидела в той же ложе! Чуть поодаль от господина Дженны. Омарейл поняла, что Даррит был прав: им повезло познакомиться не просто с представителями высшего света, но с приближенными Патера.

Когда публика устала благодарить актеров, все начали покидать свои места. Даррит сообщил, что им следовало вновь попасться на глаза Омелии. Это оказалось непросто – большое количество народа затрудняло воплощение любого плана.

Но вот Омарейл заметила в толпе фигуру в винном платье. Женщина широко улыбалась, обсуждая что-то со своим спутником.

– Ох, дорогая! – воскликнула Омелия, едва заметила Омарейл, а затем зашептала ей в самое ухо: – Нас сейчас познакомят с этой девочкой, Шторм Эдельвейс! Пойдемте с нами.

Манера держаться так близко и прикасаться к людям во время разговора показалась Омарейл излишне фамильярной, но она сделала вид, что не испытывает никаких неудобств.

– Ох, я бы с радостью, но мы жутко спешим… – ответила принцесса, поглядывая на Даррита.

– Увы, – он широко улыбнулся, шрам искривился, но улыбка все равно вышла обворожительная. – Было очень приятно познакомиться, госпожа Зарати, господин Зарати.

Мы с сестрой вынуждены покинуть театр.

– В таком случае, мы приглашаем вас на обед! – заявила Омелия. – И это не обсуждается, не правда ли, дорогой? – она легонько ткнула кулачком мужа в плечо.

Тот кивнул, криво ухмыльнувшись. Омарейл попыталась прочесть его чувства, но уловила лишь сдержанную надежду на согласие.

– Отказ будет воспринят как оскорбление, – в явно шутливой манере поддержал жену господин Зарати.

– Что ж, вы загнали нас в угол, – отозвался, улыбаясь, Даррит.

– Волшебно! – воскликнула Омелия. – Где вы, говорите, остановились?

– «Амбассадор», – ответил Даррит, и женщина кивнула.

– Ну, конечно! Это лучший отель в городе! Мы оставим приглашение у привратника.

– Разумеется.

Норт смотрел вслед уходящей паре, продолжая улыбаться.

– Сотри с лица этот радостный оскал, – мрачно бросила Омарейл.

Большинство зрителей уже забрали свою верхнюю одежду, поэтому они свободно подошли к гардеробу.

– Вам бы тоже не помешало научиться фальшиво улыбаться и делать комплименты просто из вежливости, а не потому что вы так думаете, – заметил Даррит, пока они ждали своей очереди.

– Это еще зачем?

– Во-первых, если все пойдет по плану, вам предстоит общаться с людьми, и вежливая улыбка – один из инструментов в арсенале коронованной особы. А во-вторых, нам сейчас пригодится немного вашего актерского таланта.

И как бы Омарейл ни мечтала нормально поужинать и улечься поскорее в кровать, она помнила, что им предстояла игра в покер. На ее вопрос, куда они должны были отправиться, Даррит туманно ответил: «Увидите».

Пока они тряслись в экипаже, который остановил Норт, она поинтересовалась, откуда он знает, как вести себя среди недобропорядочных граждан.

– После школы я не сразу пошел учиться в университет, – услышала она многозначительный ответ.

– Играл в покер? – уточнила она мрачно.

Все-таки ей было приятнее думать о Даррите как о «хорошем парне».

– Если вы о том, что я знаю, где можно сыграть партию, я узнал об этом вчера от местных, пока вы спали в отеле.

И все же он не ответил «нет»…

Они оказались в респектабельном районе, на улице, где вплотную друг к другу расположились изысканные коттеджи из темного кирпича. Их интересовал крайний в этой череде дом. Толстые белоснежные колонны обрамляли крыльцо с шахматной плиткой, справа и слева от входа в кадках росли карликовые ели. На черной двери блестела в свете фонаря,

подвешенного к козырьку, табличка с надписью «Улица Льва и Кошки, 18».

Даррит постучал в дверной молоток в виде бронзовой головы лиса с кольцом в пасти. Тук. Тук-тук-тук. Тук-тук.

Некоторое время ничего не происходило. Затем послышался скрип замка, и дверь приоткрылась. Невысокий полноватый мужчина в черном сюртуке коротко поклонился.

– Мы получили приглашение от господина Тумана.

Мужчина кивнул и позволил им войти. Холл был пуст и тих, но большое количество верхней одежды на вешалках говорило о том, что где-то здесь был прием.

Гостей проводили в небольшую комнату и оставили одних. Не сговариваясь, Омарейл и Даррит молчали. Они неподвижно стояли у беломраморного камина, взглядом оценивая богатую обстановку. Синие стены, вычурные бронзовые светильники, дорогой ковер на полу. Над камином в толстом багете с позолотой было огромное изображение лисы, бегущей по лесной тропе.

Наконец к ним вышел элегантно одетый мужчина. Костюм из плотного коричневого материала был дополнен песчаной жилеткой в клетку, из-под нее выглядывал воротник белоснежной рубашки, стянутый широким галстуком шоколадного цвета. Он подошел ближе, и Омарейл почувствовала тяжелый запах шафрана и амбры.

Окинув взглядом нетрадиционное платье принцессы, он перевел взгляд на Даррита. Судя по всему, оставшись до-

вольным увиденным, он произнес:

– Приветствую, господа, в Доме Черных Дверей.

Происходящее начало казаться Омарейл по-настоящему странным. Если ранее она думала, что это был лишь потайной игорный дом, вроде того, где они были с Дарритом предыдущей ночью, только элитный, то теперь ей стало ясно, что за фешенебельным фасадом скрывалось нечто большее.

Даррит хладнокровно смотрел на мужчину, но отчего-то принцессе показалось, что он тоже был удивлен.

– За какую дверь вы хотели бы заглянуть, мои дорогие гости?

Вопрос был с подвохом. Если это был Дом Черных Дверей, не следовало ли из названия, что двери здесь были одинаковыми? Мужчина посмотрел Омарейл в глаза, и она прочитала в его взгляде спокойствие, близкое к безразличию, лишь с легким намеком на веселье.

– Мы не осведомлены об особенностях данного заведения, – решил быть откровенным Даррит. – Нам объяснили, как сюда попасть, так как мы заинтересованы в партии в покер.

Мужчина зашипел, подняв руки в оборонительном жесте.

– Что вы, господин! У нас нет ничего подобного!

Омарейл переглянулась с Дарритом. Обоим было ясно, что мужчина лгал, а точнее – намеренно неискренне произносил эти слова, точно боялся, что кто-то мог их подслушать. Формальность его возражения поставила девушку в тупик.

– Понимаю… – проговорил Даррит. – Может быть, вы проведете экскурсию, чтобы мы сами выбрали дверь?

Мужчина в коричневом рассмеялся. Смех, по мнению Омарейл, был у него совершенно дурацкий. Очень неестественный и неоправданно веселый.

– Что вы, любезный, каждый может войти только в ту дверь, которая ему полагается. А что скрывается за другими, видеть посторонним не положено.

Мужчина присел на спинку дивана, положив ногу на ногу, и взгляд Омарейл привлекли его носки: один был коричневый, а другой – желтый. Ощущение нормальности происходящего ускользало от нее.

– Норк, может… – начало было она, но Даррит именно в этот момент громко обратился к чудаковатому человеку.

– Тогда покажите ту дверь, что нам, по-вашему, подойдет.

Их взгляды встретились. Мужчина в коричневом низко поклонился.

– Извольте, господа, – он театральным жестом указал на проем, который вел к лестнице. – Но сперва прикоснитесь к богине.

Даррит и Омарейл подошли к гипсовому бюсту на высоком постаменте. Женщина с пустыми белыми глазами глядела поверх их голов, ее туника едва прикрывала грудь и одно плечо. Волосы, похожие на змей, локонами лежали на высоком лбу, висках и шее.

Омарейл посмотрела на скульптуру и неуверенно прикос-

нулась к колену. Даррит дотронулся до ступни.

Человек в коричневом важно кивнул, а затем подошел к бюсту и склонил свое ухо к ее устам.

– А-а-а, – протянул он загадочно, – теперь мне все понятно. Богиня точно знает, что вам подойдет.

Пока они поднимались по узкой лестнице, проходя мимо множества черных дверей, Омарейл старалась не волноваться. «Пускай все идет своим чередом», – решила она, слишком уставшая и голодная, чтобы анализировать ситуацию.

Однако когда они с Дарритом взглянули друг на друга, ей, видимо, не удалось скрыть озадаченное выражение лица, так как он склонился к ней и прошептал:

– Не стоит переживать, он просто одурманен травой.

Омарейл изумленно приоткрыла рот. Конечно, она понимала, что это значило: Севастьяна училась с представителями аристократии, а те не гнушались легких наркотиков.

– Ты серьезно? – прошептала она возмущенно. – Куда ты меня притащил?!

– А вы что думали, мы в обители небесных сестер?

Нет, на дом служительниц Храма Света это ни в коем случае не походило.

Наконец троица оказалась в небольшой комнате, где за столом с зеленым сукном сидели женщины и мужчины в дорогих нарядах. Некоторые из них курили сигары, почти у всех рядом стоял бокал с напитком.

Крупье был одет в элегантную жилетку кровавого цвета,

его тоненькие усики были аккуратно причесаны и прилизаны, в точности как и жидкие волосы.

Даррита и Омарейл приняли в игру. Атмосфера здесь была совсем не та, что в предыдущем игорном доме: чувствовалось, что люди в этом месте проигрывали не только дома, но и целые деревни.

Омарейл сперва пасовала, но вот ей наконец досталась пара. Многие решили не поддерживать, однако двое мужчин с энтузиазмом принялись повышать ставки.

По их взглядам принцесса легко прочла, что они блефовали. У одного совершенно точно не было ничего, только отчаянная решимость уж в этом-то круге обставить соперников. У второго, возможно, тоже была пара. Он повышал ставку почти без надежды, веря лишь в собственные актерские способности. А те были у него на высоте!

Но вот Омарейл вновь повысила, взяв в долг несколько фишек у Даррита, и первый соперник все же сдался. Второй продолжал уверенно ухмыляться, беспечно бросая в центр стола еще фишки.

Омарейл выдержала эффектную паузу и предложила вскрываться.

Продемонстрировав двух королей, она выразительно подняла брови, ожидая увидеть боль поражения в глазах мужчины. Но тот лишь улыбнулся уголками губ и выложил пять карт одной масти.

– Флеш, – протянул он, расплываясь в ехидной улыбке.

Омарейл изумленно смотрела на карты. Как это было возможно? Молодой человек с рыжеватой бородкой совершенно точно не испытывал ни триумфа из-за отличной комбинации, ни надежд на большой куш.

Принцессе стоило большого труда не перевести на Даррита возмущенный взгляд.

Далее игра для нее складывалась совсем неудачно, она потеряла все деньги, которыми поделился с ней ее спутник, и едва не попала в рабство. Мужчина с длинной черной бородой предложил Дарриту поставить на кон «девушку». Когда Норт справедливо заметил, что не может ставить то, что не принадлежит ему, мужчина пояснил:

– Поставь ее долг. В случае моей победы должна она будет мне, – и нехорошо улыбнулся.

Даррит сквозь зубы отказался, а потом обчистил бородача, продемонстрировав каре против стрита.

Омарейл почти спала, сидя за столом, когда Даррит прикоснулся к ее локтю и сообщил, что они уходят. Она не спорила ни секунды, с удовольствием покинув это безумное место.

III
Джан Дженна

Ресторан отеля «Амбассадор» был оформлен очень элегантно. Деревянные панели на стенах были того же цвета, что и модные плетеные стулья, белоснежные скатерти покрывали столы. Чудесные гризайли потолка искусно имитировали лепнину, вызывая желание прикоснуться, чтобы убедиться: это действительно только живопись. У стены рядом со входом на кухню стоял длинный старинный буфет на шесть дверей. Там за мутноватым стеклом была красиво расставлена посуда, лежали сложенные стопками накрахмаленные скатерти.

На каждом столике посетителей ждали ваза со свежими цветами – это в феврале! – и идеально ровно размещенные тарелки, ложки, вилки и бокалы.

Но Омарейл не обратила внимания ни на интерьер, ни на сервировку. Все, что заботило ее: возможность наконец сытно поесть.

Когда яичница из трех яиц, несколько полосок бекона,

фасоль, запеченные томаты с базиликом, гренки и картофельная запеканка исчезли с ее тарелки, принцесса наконец счастливо выдохнула и, налив себе кофе из серебряного кофейника, взглянула на Даррита.

Он смотрел на нее с нескрываемым весельем.

– Что? Я не ела целые сутки.

Выбрав из сдобы, предложенной на большом блюде с голубой росписью, булочку с корицей, она спросила у Норта, много ли им удалось заработать. Тот неторопливо кивнул, тоже наслаждаясь горячим ароматным напитком. Ему неожиданно шел образ довольного жизнью выходца из первых семей. Даже шрам вписывался, обещая какую-то загадку.

Но Омарейл знала, что это была лишь игра. Вот Даррит отставил в сторону белую фарфоровую чашечку, вот чуть склонился вперед, взглянул на принцессу – и она увидела, что во взгляде его лисьих глаз не было ни лености, ни сытой поволоки.

– Нам нужно будет заехать в банк, чтобы положить деньги на счет. Но могу сказать, на какое-то время наша миссия обеспечена средствами.

– Это отлично, Норк, спасибо. Если бы не ты…

Несмотря на успешный вечер, она была расстроена тем, что так плохо проявила себя накануне. Омарейл не хотела быть благотворительным проектом Норта Даррита. Она готова была принимать его помощь, но плыть по течению, пол-

ностью полагаясь на другого человека, – это было не для нее.

– Любое мастерство приходит с опытом, – безразлично ответил ее собеседник, продолжая завтрак. – Тем временем кое-что другое сложилось вчера весьма удачно. Во многом благодаря вам.

Это слабо ее утешало, но она оценила попытку Норта приободрить ее. Как бы то ни было, принцесса намеревалась сделать существенный вклад в их общее дело, просто ей нужно было немного больше времени, чтобы понять этот странный, нелогичный мир.

– Я уже подходил к управляющему, он передал мне приглашение от четы Зарати, – продолжил тем временем Даррит.

Девушка удивленно подняла брови:

– Так быстро?

Времени новые знакомые зря не теряли. Омарейл взяла открытку, которую Норт извлек из внутреннего кармана сюртука. На плотном картоне цвета слоновой кости с одной стороны был изображен герб с трехглавым зайцем, с другой – витиеватым почерком со множеством завитушек был написан текст приглашения. Внизу подпись: «Господину и Госпоже Аррит с любовью от Омелии».

– Этой женщине должно быть чертовски скучно, раз она пригласила в дом первых встречных, – заметила Омарейл. – Она ведь нас совершенно не знает, но вот уже признается в любви…

– Я рад слышать, что вы начали понимать значение слова «осторожность», – откликнулся Даррит, раскрывая свежую газету.

– Раньше я и представить не могла, как много странных людей нас окружает, – серьезно ответила Омарейл.

Даррит резко подался вперед. Он выпрямил спину, сжал страницы «Вестника Ордора» и нахмурил брови.

Омарейл попыталась заглянуть в газету, но Даррит уже опустил ее, внимательно посмотрев на девушку.

– Ваша сестра в Успаде, – сказал он.

Ее тело окатило холодом, а затем бросило в жар. Как могло произойти, что Севастьяна оказалась в тюрьме? В голове Омарейл за секунду пролетела тысяча мыслей.

– Но… как? Что случилось? – воскликнула принцесса, чувствуя, как от тревоги сжимает грудь.

– Ах, только через неделю, – Даррит чуть расслабился и отложил газету.

Сделав последний глоток уже, должно быть, остывшего кофе, он пояснил:

– Очевидно, они с господином Дольвейном посещают все города. Я так понимаю, это часть предсвадебной подготовки.

Омарейл несколько секунд бессмысленно смотрела на собеседника, а затем зашипела так яростно, как только могла себе позволить в многолюдном ресторане:

– Ты совсем с ума сошел? Я решила, что ее отправили за решетку!

Для того чтобы выразить все кипящие в душе чувства, она пару раз хлестнула его льняной салфеткой по колену.

– Ведите себя потише! – возмущенно обратился к ним мужчина за соседним столиком, но его спутница посчитала замечание неуместным и гневно осадила:

– Прекрати выставлять себя на посмешище, Барт!

– Господа, прошу! – недовольно воскликнул проходящий мимо официант.

Даррит многозначительно посмотрел на Омарейл. Она попыталась совладать со своей злостью, взяла газету и впилась взглядом в первую полосу. Там была большая фотография, изображающая очень хрупкую девушку со светлыми локонами и темноволосого мужчину с суровым взглядом.

Омарейл нежно провела пальцем по волосам Севастьяны. Ее сестра была невероятно красива и изящна. Даже через снимок чувствовалась ее беззащитная и в то же время непреодолимая женственность.

– О небеса! Какая она… – выдохнула принцесса и почувствовала, как отчего-то спазмом сжало горло.

Плакать ей не хотелось, но тоска завладела всем существом. Омарейл перевела взгляд на лицо Бериота. Тот был и правда похож на Дана, только черты Советника были жестче, острее. В отличие от сразу располагающего к себе брата, Бериот казался более хищным и опасным.

Было так непривычно и странно смотреть на людей, которых она знала вечность, а видела впервые…

– Я было огорчился, – уже совершенно спокойно сказал Даррит, – так как ваш друг не смог бы передать послание в ближайшее время. Но у него еще есть шанс сделать это до их отъезда из столицы.

– После того как я подумала, что Севас в тюрьме, все остальное меня уже не так волнует, – отозвалась Омарейл, положив газету себе на колени, чтобы потом отнести в номер и вырезать фотографию сестры. – Какой у нас план?

– Зарати ждут нас к обеду. До тех пор…

– …мы можем погулять по Агре? – предположила Омарейл с надеждой.

Даррит несколько мгновений бесстрастно смотрел на нее, а затем ответил:

– Как пожелаете. Если только в это время вы готовы будете рассказать мне все, что знаете о Джане Дженне.

Патер Агры никогда не был интересным собеседником. Или, если углубиться, сам Джан Дженна, кажется, не считал разговоры с принцессой хоть сколько-то полезными или любопытными. Но из того, что Омарейл слышала о нем от родителей, Бериота и даже других Патеров, этот человек был большим любителем увеселительных мероприятий. Званые вечера, цирковые представления и шоу, которые он устраивал в своем поместье, были известны на весь Ордор. Попасть на его вечеринку было мечтой многих.

Кое-кто считал Джана Дженну поверхностным. Кое-кто считал, что это мнение завистников. Как бы там ни было,

Агра росла, как не рос никакой другой город. Многие значимые премьеры проходили здесь сразу после того, как отгремели в столице, а порой успешные шоу именно тут начинали свой путь. В Агру стремились актеры и музыканты, атлеты и трюкачи, артисты разных жанров и направлений. И именно за счет зрелищ богател этот горный, скупой на дары край.

Процветал тут и туристический бизнес. Множество отелей, где можно было остановиться на ночь-две, чтобы посмотреть очередной мюзикл, развитые транспортные сети, большое количество компаний-перевозчиков и людей, занимающихся частным извозом. Наконец, кафе и рестораны – их тут было бессчетное множество. Во время прогулки Омарейл и Даррит успели посетить пять самых разных заведений.

– Я не могу поверить, что вы снова хотите есть, – заявил Норт, когда принцесса с горящими глазами предложила ему зайти в кафе с яркой вывеской.

– Дело же не в еде, – пояснила она, – просто мне нравится погружаться в атмосферу. Вот здесь, например, все разноцветное, – она огляделась, войдя в теплое помещение. – И пахнет ванилью. Посмотри, розовые пончики! Мятные чашечки! А какие хорошенькие бирюзовые конфетки… О небеса, как тут мило.

– У меня ощущение, что я оказался в кукольном домике, – с неприязнью заметил Даррит.

– Ну и пускай. Норк, – она использовала имя, которым

представлялся Даррит в Агре, – нельзя все время быть таким серьезным!

Она обратилась к продавщице с просьбой сделать ей чашечку кофе с ореховым сиропом.

– Я заставлю тебя смеяться, Норк Аррит, – сказала она с притворной угрозой.

Он ничего не ответил, просто сел на небесно-голубой диван и стал наблюдать за тем, как принцесса делала глоток за глотком, время от времени ставя чашку на лимонного цвета столик.

– Если вы не станете ничего есть у Зарати… – предупреждающе начал он, на что его спутница просто фыркнула.

– Норк, я хоть раз подводила тебя, когда дело касалось еды?

И все же она несколько недооценила гостеприимство этой семьи.

Дом Семи Ив находился в том же районе, что и Дом Черных Дверей, только на еще более респектабельной улице. Особняки здесь стояли не так близко друг к другу и были заметно больше по размеру.

Даррита и Омарейл встретил дворецкий, который предложил пройти в голубую гостиную. Там их ждал господин Зарати. Он читал газету в невероятно вычурном кресле, больше походившем на трон со всей этой резьбой и позолотой. На маленьком столике из лазурита стояла чашечка из тончайшего фарфора.

– Моя дорогая Омелия ожидает вас в своем будуаре, госпожа Аррит, – обратился он к Омарейл, едва та вошла в комнату.

Тут же девушка в черном платье и белом переднике сделала книксен и скромно произнесла:

– Госпожа, я провожу вас.

Омарейл оставила Даррита с хозяином дома и отправилась наверх, к Омелии.

Дом был обставлен шикарно, но несколько безвкусно, точно под его крышей было собрано все самое дорогое, на что только посчастливилось упасть взгляду хозяев. А портрет мужа и жены, что висел на главной лестнице, был написан так манерно, что Омарейл захотелось испортить его какой-нибудь хулиганской надписью, просто чтобы тот не выглядел настолько слащаво.

Будуар Омелии был полон всяких женских штучек: от необычных плательных вешалок с лентами до множества бутылочек для духов и пудры у большого зеркала.

Сама хозяйка комнаты сидела у окна, ее малиновое платье из парчи, атласа и шелка лежало красивыми складками на бархатном пуфе, эффектно ниспадая на пол.

– Ах, мое прекрасное дитя! – воскликнула Омелия, протягивая руки к Омарейл.

Та растерянно подошла ближе и испуганно вздрогнула, когда женщина порывисто встала и расцеловала гостью. Правда, их щеки ни разу не соприкоснулись, поцелуи были

ненастоящими, и это еще больше озадачило принцессу.

Хозяйка усадила Омарейл на искусно расшитую банкетку и спросила:

– Расскажи мне, милая Мира, как прошло твое утро?

Омарейл все еще не могла привыкнуть к этой эмоциональной, фамильярной манере общения. А снисходительность, которая звучала во всех этих «дитя» и «милая Мира», вызывала в ней нервную дрожь. И ведь она чувствовала, что Омелия действительно испытывала симпатию к малышке Аррит. Но только ответных чувств такая ярая забота и нежность почему-то не вызывали.

Запрятав свое брюзжание – а некоторые мысли в ее голове звучали голосом Даррита, – Омарейл постаралась сосредоточиться на том хорошем, что видела в госпоже Зарати.

– Спасибо, любезная Омелия, – ответила она, надеясь, что это прозвучало не слишком наигранно. – Мое утро было чудесным. Сначала мы с братом позавтракали в ресторане отеля, а затем отправились на прогулку. Я впервые в Агре и, если честно, просто влюбилась в город!

Последние слова дались Омарейл легко, так как были чистой правдой. Она рассказала своей новой подруге, какие места они успели посетить и что особенно запомнилось из увиденного. Поведала о кофейнях, в которые не пускал ее Норк, опасаясь, что она потеряет аппетит к обеду. Эта история вызвала у Омелии смех.

– Дорогая, ты просто очаровательна! Такая непосред-

ственность!

Омарейл натянуто улыбнулась.

– Расскажите, дорогая Омелия, что еще непременно стоит посмотреть в Агре? Мы уезжаем через несколько дней, и я не знаю, когда сможем приехать вновь…

«Скажи, – подумала принцесса, глядя в карие глаза, – ведь ты так хочешь порадовать свою новую подругу. Ты всем сердцем хочешь сделать ее пребывание в Агре незабываемым!»

– О, Мира, есть кое-что, что вы обязаны увидеть до отъезда! – воскликнула Омелия. – Постой-ка, какой сегодня день?

Женщина выдвинула один из ящичков изящного письменного стола и извлекла оттуда записную книжку.

– Да, вот, все верно! – воскликнула она, открыв нужную страницу. – Завтра в доме Патера Агры состоится прием. И, дорогая, ты просто должна там побывать! Джан Дженна – великий шоумен. Каждый организованный им праздник – это… это… не описать словами!

– Ах, я слышала об этом от друзей брата, – отозвалась Омарейл с придыханием.

Она не могла сказать, откуда взялась эта ложь, но она получилась так естественно, так натурально, что показалась ей весьма удачной.

– Конечно! Кто не слышал о приемах Джана Дженны! Я постараюсь достать два приглашения и, если это мне удастся, оставлю их у вас в отеле.

Омарейл и Омелия спустились в столовую, где их уже ждали мужчины. Стол ломился от еды, и каждое блюдо было изобретательнее другого. Принцесса действительно была не голодна из-за многочисленных перекусов, но была вынуждена попробовать то, что больше всего хвалили хозяева. Даррит ехидно посматривал на нее. Он щурил свои хитрые глаза и, кажется, ухмылялся – Омарейл не могла сказать наверняка из-за шрама.

После трапезы слуги подали кофе. Собрание переместилось к камину, где были приветливо расставлены кресла, обитые зеленой парчой.

– Расскажите о вашем поместье, Норк, – попросила Омелия и положила ладонь на руку Даррита.

Тот совершенно невозмутимо и равнодушно начал описывать вымышленный дом и сад, где якобы провели детство наследники Арритов. Руку он не отнимал, и госпожа Зарати будто бы неосознанно поглаживала его пальцы, внимательно слушая скучнейший рассказ.

Омарейл, пускай не имела большого опыта в светских приемах, все же считала такое поведение неуместным. Удивленно округлив глаза, она взглянула на мужа Омелии. Принцесса предполагала, что он просто не видел, что происходило у него под носом, поэтому никак не реагировал. Но тот со снисходительной улыбкой наблюдал за своей женой, будто она была милым щенком, играющим с собственным хвостом.

Омарейл дважды моргнула и отвела взгляд. Даррит наконец потянулся, чтобы поставить чашечку с кофе на столик, и освободил свою руку.

– Вы такой талантливый рассказчик! – заметила Омелия.

Омарейл скептически посмотрела на женщину. Даррит совершенно не старался сделать свою историю хоть сколько-то увлекательной, скорее наоборот – он точно задался целью усыпить всех какими-то жутко неинтересными подробностями вроде прокладки канализационных труб. Поэтому слова хозяйки она могла принять только за лесть.

– Благодарю, – ответил Даррит, сложив руки на груди, – мне часто это говорят, а ведь я никогда специально этому не обучался.

Омарейл с трудом сдержала смешок. Зная Норта всего неделю, она уже точно могла сказать, когда он шутил, даже если на лице его не было никаких признаков веселья.

– Так жаль, что вы скоро уезжаете, – заметила Омелия, облокотившись на резной деревянный подлокотник. Это позволило ей быть настолько близко к Дарриту, насколько только возможно, оставаясь на разных креслах.

– Да, дела не терпят отлагательств. Но мы получили большое удовольствие от посещения Агры.

– И, уверена, получите еще большее, – загадочно пропела Омелия, сжала на мгновение плечо Даррита, а затем, томно улыбнувшись, добавила: – Завтра состоится прием у Патера. Я пообещала малышке Мире достать для вас приглашения.

Даррит застыл на короткое мгновение – лишь на долю секунды, – а затем вдруг тепло улыбнулся собеседнице.

Он посмотрел ей в глаза и проникновенно произнес:

– Это приятная новость, Омелия. Мира очень любит вечеринки. Да и я с удовольствием вспомню, каково это – держать женщину в своих руках, – тут он смущенно замешкался, – кхм, во время танца, я хочу сказать.

Омелия расплылась в довольной улыбке, жесты ее стали ленными, плавными, вся поза выражала неподдельный интерес к Норку Арриту.

Омарейл наблюдала за развернувшейся сценой с ледяным спокойствием. Она, как и Даррит, уже поняла, что хозяйка дома прониклась особой симпатией к своему гостю. Решив использовать это, Норт продемонстрировал ответный интерес к Омелии, приправив, судя по всему, внушенными эмоциями. Он хотел наверняка заполучить приглашение в дом Джана Дженны.

– Я слышала, что приемы у господина Патера королевские, – решила заполнить образовавшуюся паузу Омарейл.

– Ах, королевские не идут ни в какое сравнение! – воскликнула Омелия, наконец переключив внимание с Норта на Миру.

Омарейл вежливо улыбнулась:

– Вы и в Астраре бывали?

– Ах, конечно, нас приглашают в Орделион не меньше трех раз в год.

– О, в самом деле? – принцесса оживилась. – И как там?

– Вы же родом из Астрара, – с долей изумления произнесла Омелия, – неужели ни разу не бывали при дворе?

Омарейл принужденно рассмеялась.

– Бывали, разумеется. Я хотела спросить лично о ваших впечатлениях.

Даррит глядел на принцессу крайне недовольно, но госпожа Зарати приняла объяснение гостьи.

– Разумеется, я люблю королевские балы! Последний, посвященный помолвке принцессы Бенедикт и господина Советника, был просто волшебным!

– Принцесса Севастьяна очень красивая, правда? – с улыбкой произнесла Омарейл.

И Омелия ее горячо поддержала. С пять минут они обсуждали платье невесты в тот день – Омарейл могла это себе позволить, ведь она видела фотографии – и немного внимания уделили жениху.

Мужчины скучали, но вдруг Даррит поймал момент, когда обе дамы замолчали, и произнес:

– Все это было бы не так интересно, если бы принцесса Омарейл имела матримониальные планы.

Хозяева дома удивленно взглянули на гостя.

– Ну, случиться этому не суждено, – вздохнула Омелия.

– Почему? – тут же отозвалась Омарейл. – Ведь она может выйти замуж, просто это будет фиктивный брак.

Ее собеседница фыркнула:

– Это будет полная бессмыслица.

– Ну, все семьи разные, разумеется, – сказала принцесса, всеми силами стараясь не звучать саркастично или многозначительно.

Видимо, ей это не совсем удалось, так как Даррит одарил ее предостерегающим взглядом.

– Да и разве свадьба Ее Высочества не была бы таким же фарсом, как вся эта история с предсказанием?

Госпожа Зарати ахнула, прижав ладони к щекам. Господин Зарати, в свою очередь, взглянул на девушку с интересом.

– Откуда такие радикальные взгляды у столь юной особы?

Снисходительная манера общения четы Зарати немного раздражала Омарейл, но она решила не обращать на это внимания, эмоционально ответив:

– Потому что я представляю, каково ей! Вы можете вообразить: всю жизнь провести взаперти, не видя в глаза ни одного человека. Разве это гуманно? Разве нельзя было придумать какой-то способ позволить принцессе жить нормальной жизнью?

– Но какой? – возмущенно спросила Омелия. – Если она встретится с живым человеком, начнется гражданская война.

– Да, при условии, что предсказание реально, – кивнула Омарейл многозначительно, а поймав еще один недовольный взгляд Даррита, продолжила: – Но даже если это так:

разве не зависит от самих же граждан, начнется война или нет? Если все жители королевства просто примут решение не начинать гражданскую войну, когда принцесса выйдет из башни, все будет хорошо! И у нас будет настоящая наследница.

Пока Омелия приходила в себя от дерзких рассуждений девушки, господин Зарати хмыкнул, а затем склонился вперед и заговорил тише, чем раньше:

– Вы затронули тему, которая меня самого давно волнует. И знаете, к каким умозаключениям я пришел?

Омарейл с надеждой взглянула ему в глаза. Неужели они повстречали разумного человека…

– Что на самом деле принцессы нет, – сказал господин Зарати веско и многозначительно, и плечи принцессы разочарованно опустились. – Новорожденный умер при родах, и по какой-то причине, вероятно, по состоянию здоровья, Король и Королева не смогли больше зачать наследника. И чтобы не ставить под вопрос тему о престолонаследии, – здесь он сделал театральную паузу, – они выдумали историю о принцессе, которая якобы живет в Лебединой башне. Фактически же после смерти Его Величества от лица принцессы будет править его жена. Если только она не умрет раньше.

Девушку так разозлила беспечность, безразличие, с которыми мужчина говорил о смерти ее родителей, что Омарейл вскочила с кресла, готовая к словесной атаке. Ее глаза светились праведным гневом. Даррит, быстро оценив ситуацию,

тут же подскочил к Омарейл и усадил обратно. Опустившись перед девушкой на одно колено, он заставил ее посмотреть на него.

– Тише, тише, Мира, – успокаивающе пропел он.

Она вздохнула и, взглянув в глубокие синие глаза, почувствовала, что пелена ярости постепенно исчезла.

Даррит встал и повернулся к хозяевам:

– Прошу простить мою сестру. Она действительно глубоко переживает за принцессу Омарейл. – А затем негромко добавил: – Ассоциирует себя с ней, возможно…

Зарати понимающе кивнули и снисходительно, не без сожаления, взглянули на девушку. Омарейл старалась взять себя в руки – не стоило мешать Дарриту налаживать контакт.

Именно этим он и занялся, вернувшись в свое кресло: начал расточать комплименты в адрес хозяйки дома, возвышать заслуги хозяина и расхваливать безупречный вкус, с которым был выстроен особняк.

Омелия нежно улыбалась ему, смущенно хихикала и несколько раз с добродушной благодарностью похлопала по колену. Господин Зарати продолжал делать вид, что ничего не замечает. Даже соприкоснувшихся лодыжек.

Никогда прежде принцесса не была так рада покинуть какое-то место. Даже из собственной башни она уходила с меньшим рвением – все-таки Орделион был ее домом.

– Это было тошнотворно, – сообщила Омарейл, едва они с Дарритом сели в экипаж.

Он ухмыльнулся.

– Вы так говорите, потому что с вами никто не заигрывал, – пошутил он, и Омарейл поняла, что ее спутник был в прекрасном настроении.

– Как я могу завидовать вам, если на самом деле не существую? – с наигранным изумлением воскликнула она.

Даррит улыбнулся, и на этот раз это точно была не иллюзия, ведь шрам тут же искривился, а в уголках глаз появились морщинки.

– Если честно, меня от этой семейки бросает в дрожь, – сообщила Омарейл серьезно. – Мне кажется, они немного чокнутые. Или я ошибаюсь? Скажи: то, как Омелия открыто флиртовала с тобой прямо при муже, и то, как спокойно он это воспринимал, – это нормально?

Ее собеседник задумчиво потер щетинистый подбородок.

– Знаете, понятие нормы… – начал было он, и принцесса громко фыркнула, закатив глаза:

– Ответь по делу, Норт!

Он вздохнул:

– Я вижу, вы не утруждаете себя самоконтролем.

– Но-о-орт, – мрачно протянула Омарейл.

– Поведение семьи Зарати выходит за рамки того, что принято считать нормой в моем окружении. Однако не могу сказать, что меня шокирует происходящее. Они своеобразные люди, но, как и все, имеют право на тот образ жизни, который им по вкусу. Если это не нарушает границ других

людей, разумеется.

Принцесса несколько секунд изучала лицо Даррита.

– Ты, оказывается, дипломат, Норт Даррит. Бериоту понравился бы твой ответ. Обычно он говорит так же витиевато и предусмотрительно.

Она задумчиво уставилась в окно:

– Как считаешь, Бериот знает о Сове?

– Вполне вероятно, что нет. Если госпожа Дольвейн использует свой дар для управления теми, кто ее окружает, ей не играет на руку, чтобы кто-либо знал о нем. Вспомните Пилигрима: люди обычно не очень довольны, когда знают, что ими манипулируют.

Омарейл вздохнула:

– Надеюсь, ты прав, Норт. Потому что свадьба Севастьяны все равно состоится, и я хочу, чтобы ее муж оказался достойным человеком. Если Сова управляла Бериотом так же, как Даном, он… ну вроде бы ни в чем не виноват.

Она чуть помолчала, разглядывая фасады с яркими вывесками, что проплывали за окном. Ее мысли скакали от Зарати и приема у Патера к Севастьяне, Бериоту, родителям и предсказанию.

Чуть позже, пока повозка продолжала, поскрипывая, везти их по улицам города, Омарейл спросила о планах Даррита до вечера воскресенья.

– Полагаю, что, если мы не получим приглашение к зав-

трашнему утру, я организую встречу с Омелией. Думаю, мы случайно столкнемся где-то, если она будет намерена выйти из дома. Или я окажусь настолько нетерпелив, что навещу ее без формального приглашения.

– А я бы хотела узнать больше и о Джане Дженне, и о других Патерах. Где я могу раздобыть подборки старых газет?

Даррит одобрительно кивнул:

– Ваш паспорт при вас?

Омарейл действительно держала документ во внутреннем кармашке своего плаща, но напомнила, что Мираж Селладор была в розыске. Даррит равнодушно ответил:

– Не думаю, что эта информация достигла провинциальных библиотек.

Он вообще был достаточно уравновешен, учитывая ситуацию, в которой они оказались. Омарейл прислушалась к себе – она тоже сохраняла внутреннее спокойствие. Разумеется, ее волновало, что думали родители о ее исчезновении, что замышляла Сова, ожидал ли их с Нортом успех во всей этой авантюре. Но пока принцесса просто старалась не углубляться в свои переживания и продолжала идти вперед – как тогда, в поле, когда вдалеке виднелись огоньки Эльмберта. И, как и тогда, она старалась расслабиться, ведь Даррит сказал, что так будет проще.

– Сколько именно удалось заработать на игре в покер? – спросила она, кивнув своим рассуждениям. – И нужно ли нам еще?

– Разумеется, нам нужно еще, – отозвался Даррит, снимая перчатки и доставая из внутреннего кармана своего нового элегантного сюртука сложенный вчетверо листок. – Это сумма на моем счете. Половину ее мы заработали вчера. Вторая половина принадлежит мне, это мои личные сбережения. Мы сможем запустить руку и в них, но все же будет хорошо, если эти средства останутся при мне.

Омарейл понимающе кивнула. Впрочем, в случае благоприятного исхода, она ни за что не оставила бы Норта без личной благодарности Ее Высочества. Сейчас же, понимая, что будущее было слишком туманно, она не хотела ничего обещать.

Она взглянула на сумму и окинула Норта оценивающим взглядом. Шестьдесят две тысячи солей!

– У учителей, конечно, хорошая зарплата, но чтобы иметь такие сбережения, просто экономии будет маловато, – заметила она.

– У меня очень скромные запросы, – пожал плечами Даррит и отвернулся к окну.

Омарейл чуть сощурила глаза.

– Что-то ты не договариваешь, Норт.

– Не все ли равно, Мира? – он посмотрел ей в глаза, и она удивилась, что ее любопытство вызвало в нем раздражение.

Решив отложить эту тему до лучших времен, она сказала:

– Этих денег, я имею в виду, даже половины суммы, должно хватить, чтобы до самой свадьбы Севастьяны жить при-

певаючи в хороших отелях с полным пансионом.

– Вы не учитываете возможные дополнительные траты. Только на одежду мы потратили восемь тысяч сто двадцать четыре соля. А перемещения между городами? Увы, поезда для нас закрыты – в вокзальных кассах могут быть списки разыскиваемых, для покупки билетов требуется паспорт. Это значит, что нам придется искать более сложные и наверняка дорогостоящие способы передвижения.

– Я это понимаю, – вздохнула Омарейл. – Просто мне совсем не понравилось играть в покер.

– Когда вы выигрывали, говорили иначе. Но, по большому счету, в вашем присутствии сегодня нет нужды. Вы можете остаться в отеле.

Сперва ее задело то, что Даррит не считал ее хоть сколько-то полезной. В первую ночь она неплохо помогла, они были отличной командой! Но поразмыслив, Омарейл решила, что действительно не прочь на эту ночь снять с себя обязанность по добыванию денег и передать ее Норту… Она поблагодарила его и с улыбкой подумала о хорошей ванне.

Так за разговорами они довольно быстро приехали в отель. До ужина было еще около часа, и Омарейл с Дарритом решили остаться в гостиной и почитать.

Какое-то время принцесса была погружена в книгу, которую нашла на полке в номере. Приключения мальчика, путешествующего при помощи камня по волшебным мирам, было в меру увлекательным, в меру забавным.

Даррит же читал собственную книгу небольшого формата, которую носил в кармане плаща. Омарейл вдруг стало интересно, с каким же произведением не расставался ее спутник и почему из книги, как перышки, торчали небольшие закладки.

– Что это? – спросила Омарейл, указав на томик.

Даррит повертел книгу и ответил:

– Я отмечаю любимые моменты.

Она несколько секунд просто смотрела на него. Затем наконец произнесла, стараясь, чтобы интонации не получились слишком уж издевательскими:

– Зачем?

Он дернул плечом и перевернул страницу.

– Привычка, – бросил он и вновь углубился в чтение.

Омарейл покачала головой. Как можно быть настолько цельным человеком? Все в нем, от идеально начищенных ботинок до вот этих закладок, было подчинено рассудку, дотошному следованию порядкам, правилам и каким-то собственным ритуалам.

– Ты знаешь, что ты – страшный зануда?

– Раньше я пребывал в счастливом неведении на сей счет, но вы не устаете повторять мне об этом, поэтому да, теперь я знаю.

Она закатила глаза, а затем все же поинтересовалась, что он читал.

– Это сборник поэм, баллад и рассказов.

– Они тебе так нравятся, что ты носишь книгу в кармане?

– Вы носите с собой кусок деревянной доски, – заметил он, неосознанно прижимая томик к груди, будто защищая.

Омарейл тут же подалась вперед:

– Эй, лала – не доска! И чего ты сразу нападаешь? Я просто хочу знать: чем так хороши эти истории?

Он пожал плечами:

– Я расслабляюсь, когда читаю их. Я слышал их еще от Фраи, когда был ребенком.

Это кое-что объясняло.

– Прочитай мне что-нибудь. Что-то, что нравится тебе больше всего, – попросила принцесса, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза.

Даррит пару мгновений смотрел на Омарейл недоуменно, будто она попросила открыть окно и начать громко петь гимн Ордора. Затем откашлялся, открыл книгу и начал читать. Его низкий голос звучал певуче и проникновенно:

– Его вели на казнь под ликование толпы, а он не мог поверить: ему действительно пришел конец. И как? Вот так бесславно, на площади, перед гневливым сбродом. Слепая ненависть невежд, бессмысленная смерть и торжество врага. Он был так близок, чтоб сделать трон своим, и, о, что за король бы был Свартур! Его лицо слепили боги, в глазах сверкала сталь, стальным же был кулак. С ним даже бравый воин страшился схватки. Он власть держал, он знал ей цену и никогда так с нею не играл, как позволял себе «безгрешный» истин-

ный наследник.

Но есть всему финал. Свартур его боялся. Больная, седовласая колдунья ему все предрекла, но он наивно верил, что и судьбу он победит, как победил когда-то кровь, и знать, и озлобление народа.

Все ближе, ближе к плахе с каждым шагом, Свартур мятежно поднял взгляд. Там, наверху, на вычурном балконе стоял король, правей – Герой, а рядом для него награда – сестра наследника прекрасная Нимея.

Свартур уверен был, что вся резвящаяся чернь познает, *что* есть ничтожный, вздорный, суетный король, и пожалеет, что так поспешно отказалась от строгого, но сильного владыки. Однако в тот момент король надменно созерцал сраженного врага.

С ним рядом, с ликом сожаленья напополам с прощающею миной, вздыхал Герой. Великий рыцарь, что смог раскрыть все «козни хитрого Свартура», спас королевство и освободил Нимею от узурпатора коварных планов. Свартур скривил с презреньем губы, желая показать, что даже так считал их всех ничтожествами, не понимающими истинную сущность власти.

Затем холодный взгляд скользнул к лицу напуганной Нимеи. Она стояла там, бледна, с румянцем на щеках как в лихорадке. Медь обрамляла мрамор ее прекрасной кожи, лучи играли в волосах. Ехидная улыбка покинула уста Свартура. Он поглядел в ее зеленые глаза внимательно и смело.

Нимея всхлипнула, коснулась жениха руки и скрылась в замке. Ей претила сама идея смотреть на смерть, пусть даже и злодея.

И вот Нимея оказалась у двери, которая вела во владения Свартура. Еще три дня назад он здесь работал – за этим письменным столом, сидел на этом стуле.

– Повинен в нападении на шесть семей высокой крови, – раздалось над толпой на площади.

«Повинен, – ответил мысленно Свартур, – мы к ним нагрянули средь ночи. Одни из них сгорели заживо в своем старинном замке. Других – отправили в полет с высокой башни. Третьи, прослышав о моих беседах, пошли на компромисс гораздо легче».

Меж тем Нимея увидела в столе закрытый ящик. И зная, в комнаты хозяин не вернется, при помощи ножа взломала маленький серебряный замок.

– Повинен в убиении бессчетного числа людей из бедняков.

«Повинен. Глупцы не понимали, что их пустые бунты лишь сердили. Какая трата времени и сил!»

Нимея медленно открыла загадочный тайник. О небеса!

Засушенное ландыша соцветье… Она, гуляя, собрала букет и, не успев дойти до комнат, столкнулась со Свартуром в коридоре. Он попросил, сверкнув глазами, отдать ему цветы. Когда невинный, нежный стебелек был сжат в его перчатке, у девушки перехватило дух. Почувствовав опасность, она по-

кинула поспешно коридор, а он… он сохранил ее невольно отданный подарок.

– Повинен в отравлениях влиятельных, порядочных господ.

«Повинен, что очистил всю верхушку от недалеких дураков, поставив на их место тех, кто был готов служить. Повинен, но не чувствую вины».

Нимея слышала, как участился сердца стук: там, в тайнике, лежал ее прекрасный гребень. Она его когда-то обронила. А он… он точно вор, его себе забрал и спрятал.

– Повинен в предательстве Его Величества и королевства в целом.

«Повинен, за то и поплачусь».

Нимея третий дар достала. Письмо для нее самой. «Я знаю, ты не прочитаешь, и оттого я смел… – посланье начиналось. – Лишь о тебе я грезил, – писал он острой, но разборчивой манерой, – лишь для тебя затеял всю игру!»

Забрав и гребень, и пергамент, и цветок, Нимея вышла в коридор, прошла от залы к залу – и, наконец, увидела двоих. Жених и брат. Те подошли, обнять пытались, но девушка шагнула чуть назад.

– Как все прошло?

– Довольно быстро, – заверил брат.

– Он улыбался.

Нимея удивленно взглянула жениху в глаза.

– Смотрел на наш балкон и улыбался. Больной мерзавец.

Но она не разделила возмущений. Лишь вспомнила две строчки из письма: «И перед смертью, стоя на коленях, я вспомню твои дивные глаза. И улыбнусь. Прощай, моя голубка. Чудовище способно на любовь».

…И сможет ли она смотреть как прежде на брата и любимого Героя? Кто теперь жертва, кто злодей? И не припомнит ли при первом же семейном споре, как трепетно любил ее Свартур? И не подумает ль однажды: «Ах, лучше б выбрала его»?

Так навсегда коварная усмешка застыла на красивых, изящно нарисованных устах».

Мелодичность рассказа и мягкий голос Даррита погрузили Омарейл в легкую дрему, из которой ее вырвал стук в дверь. Она резко распахнула глаза и удивленно взглянула на Норта. Тот тут же подобрался и громко спросил:

– Кто?

– Вы просили принести вам вечернюю газету, господин, – раздался за дверью юный голос.

Мальчишка-разносчик передал Дарриту свежую прессу, получил монету и ушел.

Расслабившись, Омарейл взяла в руки лалу и стала играть на ней, вспоминая давно забытые мотивы. От музыки ее отвлекло мягкое «хм». Она посмотрела на Даррита, удобно устроившегося в кресле, но из-за газеты не увидела его лица.

– В чем дело? – спросила она.

– Ни в чем.

Принцесса продолжила играть. Никак не получалось закончить колыбельную, пальцы делали не те движения, и мелодия выходила неправильная. Тут снова раздалось:

– Хммм.

– Ну что там? – нетерпеливо поинтересовалась Омарейл.

Даррит чуть отогнул газету, чтобы встретиться с девушкой взглядом, немного помолчал и сказал:

– Ничего.

Но когда раздалось третье «хм», Омарейл не выдержала. Вскочила, обошла кресло, встав у Норта за спиной, и стала тоже читать статью.

– То есть какой-то сумасшедший заявляет, что нас ждет гражданская война… Но мы же с тобой знаем, что предсказание – выдумка Совы!

Омарейл нервно прошлась по комнате.

– Это просто какой-то чудак, – подвела она итог, надеясь, что Даррит поддержит ее в этом. Потому что отчего-то ей стало страшно.

– Именно, – кивнул он, и Омарейл выдохнула. Но он продолжил: – Выдумка Совы. И она не захочет, чтобы об этом знали. В особенности – ваши родители. Даже если сейчас они и вы, по мнению госпожи Дольвейн, единственные, кто осведомлен о вашем побеге, этого достаточно, чтобы она начала действовать.

Он отложил газету и весомо произнес:

– Ей важно доказать Его Величеству, что предсказание ис-

тинно.

Омарейл схватила газету с кофейного столика.

– Но это, – потрясла она бумажным изданием, – какой-то псих. Да таких, должно быть, сотни.

– Верно. Но не все они попадают в вечернюю газету, – Даррит прикрыл на мгновение глаза. – И вот это – повод для беспокойства.

Омарейл взглянула на первую полосу.

– Это «Вестник Агры». Псих тоже в этом городе. Давай попробуем найти его завтра и расспросить.

Даррит коротко кивнул, а затем взглянул на часы и сообщил, что им пора идти на ужин. Сразу после трапезы он оставил Омарейл в номере, взяв с нее обещание, что она не покинет пределов комнаты, и отправился в Дом Черных Дверей.

К полуночи Омарейл овладела легкая тревога. Она не знала, в каком часу должен был вернуться Даррит. Когда они играли в покер вместе, то покидали игорный клуб глубокой ночью. Причин для беспокойства, казалось бы, не было, но она не могла успокоить колотящееся сердце, как ни старалась.

Походив по комнатам и поиграв на лале, она вышла на балкон, надеясь, что свежий воздух и ночная прохлада заставят ее организм беспокоиться о собственном состоянии, а не о Норте Даррите. Продрогнув до костей и уже собираясь уходить, она вдруг услышала голоса. Говорили на балко-

не ниже.

– Спасибо, что сообщили, господин Фон, – произнес мужчина басом.

Омарейл почувствовала запах сигар.

– Разумеется, пока это еще неофициальный рапорт. Я знаю наверняка только о трех домах. Рейд продолжается.

Повисла долгая пауза.

– Думаете, Дженна действительно не знает? – спросил господин Фон, а затем стушевался и торопливо произнес: – Это останется строго между нами.

– Даже у стен есть уши, – сказал второй человек, но все же продолжил: – Знает или нет, он ничего не может сделать. К завтрашнему дню в Агре не останется ни одного игорного дома, и я смогу поехать домой. Эта командировка порядком затянулась.

Голос мужчины звучал довольно и насмешливо, а у Омарейл сердце совершило кульбит и начало биться в районе горла. Она старалась не шевелиться, чтобы ненароком не спугнуть двух собеседников. Но те решили скрыться в номере. Последнее, что она услышала было басистое:

– Видят небеса, я наведу в этом городе порядок.

У нее не было времени думать. Не зря она волновалась весь вечер! Она надела свои старые брюки, меховую жилетку, накинула плащ так, чтобы капюшон скрывал ее лицо, и спешно покинула номер. В ее кармане звенели несколько солей, которые она сгребла с тумбочки в комнате Даррита.

Поймав повозку, она объяснила извозчику, что хотела бы сойти в сотне метров от известного ей адреса. Всю дорогу до Дома Черных Дверей Омарейл нервно потирала костяшки пальцев, дергала ногой и беспрестанно выглядывала в окно, пытаясь понять, как долго оставалось ехать. Наконец повозка остановилась – за углом от нужного дома, как принцесса и рассчитывала. Она суетливо расплатилась и попросила дождаться ее. Показав извозчику горстку золотых, она сообщила, что вернется через четверть часа.

Тротуар был пуст. Одинаковые особняки, выстроившиеся в ряд, смотрели на улицу черными окнами. Тишина, точно густой кисель, заволокла все вокруг.

Озираясь и торопливо ступая к Дому Черных Дверей, Омарейл пыталась понять, добрались ли стражники – или кто бы ни проводил рейды – до этого места. Она постучала в дверь, как помнила, стучал Даррит. Тук. Тук-тук-тук. Тук.

Никто не открыл. Либо всех уже арестовали, либо пароль регулярно менялся. Она начала колотить по деревянной поверхности, желая привлечь внимание. Прошло не меньше минуты, прежде чем в узком проеме появилось лицо знакомого дворецкого.

– Что вам, милое дитя? – спросил он, увидев Омарейл, которая намеренно скинула капюшон.

Ей показалось, что ее лицо должно было вызвать доверие. Взглянув в глаза пожилому мужчине, Омарейл сосредоточилась на передаваемых эмоциях. Безмятежность. Радость

встречи. «Гостью нужно впустить и выслушать».

– Сюда едут стражники, – торопливо прошептала она. – Сегодня проводят рейды по игорным домам. Вас всех арестуют.

«Верь мне. Я говорю правду. И начинай беспокоиться». С каким трудом она сдерживала всю тревогу, все волнение, от которых тряслись поджилки!

Рука мужчины дрогнула, но он не торопился впускать принцессу.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, добрая девушка.

Тогда Омарейл все же позволила истинным чувствам проскользнуть, чтобы испугать дворецкого по-настоящему. Затем она воспользовалась его замешательством и просто вломилась в помещение. Не дожидаясь, пока он попытается остановить ее, она пробежала мимо «богини» и стремительно взлетела по лестнице.

Даррит был в той же комнате, что и в прошлый раз. Он ошарашенно уставился на Омарейл, не сумев сохранить бесстрастное выражение. Другие игроки и сотрудники игорного дома тоже посмотрели на нее с немым вопросом в глазах.

– Есть большая вероятность, что сегодня сюда наведаются стражники, – сообщила она негромко, пытаясь отдышаться.

Эти слова, произнесенные на выдохе, прозвучали в комнате подобно взрыву. В следующее мгновение все начали вскакивать со своих мест, суетиться, забирать фишки и деньги.

Внизу послышались какие-то звуки. Омарейл в мгновение ока подскочила к Дарриту и потянула его в сторону окна. Он быстро спрятал в карман мешочек с золотыми и послушно шагнул следом. Вместе они открыли деревянное окно и выглянули наружу. Там вдоль фасада шел парапет. Он был достаточно широк, чтобы можно было пройти, но находился на высоте третьего этажа, и от самой мысли о том, чтобы совершить по нему прогулку, подкашивались ноги.

– Это безумие, – решительно заявил Даррит.

Звуки на первом этаже стали громче. Был слышен топот ног. Омарейл заметила, что кое-кто из игроков уже выбежал из комнаты, туда, на лестницу, и теперь она могла различить их испуганные голоса.

Не дожидаясь, пока ее спутник проанализирует шансы на успех, она просто вылезла в окно и, прижимаясь спиной к стене, встала на парапет. Начав медленно передвигать ноги, не смея отрывать их от поверхности, Омарейл продвигалась в сторону водосточной трубы. Там не было и двух метров, но из-за страха, что сводил все мышцы, ей показалось, будто это было путешествие длиною в вечность. Она даже не оглядывалась, чтобы убедиться, что Даррит тоже вылез из окна. Ей хватило нескольких ругательств, которые она расслышала позади, чтобы перестать волноваться хотя бы об этом.

Принцесса схватилась за трубу с таким облегчением, что несколько мгновений ей просто не хотелось двигаться. Затем, убедившись, что труба не отвалится, девушка начала

спускаться. Ее ладони потели. Несколько раз она едва не рухнула вниз, но все же сумела удержаться. Когда до земли осталось около метра, она спрыгнула и тут же посмотрела наверх. Даррит все еще стоял на парапете! Чего же он тянул?

Но затем она догадалась: он не стал спускаться одновременно, чтобы труба не оторвалась от стены под их общим весом. Теперь, когда Омарейл была в безопасности, он тоже начал спуск.

И тут из окна, через которое они покинули комнату, высунулся человек.

– Хэй! Тут еще двое! Они лезут вниз по водостоку.

Омарейл не могла и предположить, что по трубе можно спускаться так быстро! В конце пути Даррит просто сорвался вниз и тут же, не давая себе времени на передышку, выдохнул:

– Бежим!

– Не сюда! – принцесса дернула его за рукав и побежала к забору, что отделял Дом Черных Дверей от соседнего.

Они уже слышали голоса – кто-то бежал к ним со стороны улицы, – когда им все же удалось перелезть через преграду. Они пересекли небольшой дворик с зеленым газоном и вновь оказались у забора.

– Жизнь меня к этому не готовила, – кряхтя, сообщила Омарейл, взбираясь по рукам и плечам Даррита на очередное препятствие.

– Мне тоже стоит заняться спортом, – заметил он, подтя-

нувшись, чтобы последовать за спутницей.

Когда они пробежали по следующему двору и вновь оказались у забора, Омарейл простонала:

– Я сейчас умру!

– Вам кажется, – отозвался Даррит и подсадил ее.

Преодолев еще несколько препятствий, они наконец оставили позади последний дом и оказались на улице, где Омарейл должен был ждать извозчик.

Но дорога была пуста.

– Что за… Проклятье! – выдохнула она, задыхаясь, но затем оглянулась и увидела повозку.

– А… Туда!

Они заскочили в темный салон, Омарейл крикнула в окошко:

– Обратно в «Амбассадор», – и повозка тронулась.

На улице слышались крики и лай собак, но чем дальше, тем тише становились звуки. Наконец они выехали на шумный проспект и затерялись в массе таких же черных экипажей. Омарейл откинулась на спинку диванчика и шумно выдохнула. Еще несколько секунд она сидела, прикрыв глаза.

– Итак, – произнес Даррит бесстрастно, – а теперь расскажите, что произошло и как вы оказались за пределами номера вопреки обещанию оставаться в отеле?

Девушка открыла глаза и изумленно уставилась на собеседника.

– Я тебя спасла вообще-то! – возмутилась она.

– Вы едва не попались стражникам, это было в высшей степени безрассудно.

Несмотря на холодный тон и равнодушное лицо Даррита, Омарейл чувствовала, что он злился. Если бы только у него был карандаш, он уже отстукивал бы Нортастерскую польку.

– То есть надо было позволить им арестовать тебя?

– Я бы попался в первый раз. Выяснив мою личность, мне назначили бы штраф – не более. Каким именем представились бы вы?

Она сжала зубы. Разумеется, она не думала об этом, когда летела его спасать!

– Ты просто неблагодарная свинья! – сообщила она, сложив руки на груди.

– Вот именно, – отозвался он сурово. – В следующий раз решите погеройствовать – помните об этом.

К утру оба чувствовали себя лучше, поэтому за завтраком Даррит принес свои извинения за то, что «возможно, был резок вчера». Омарейл никогда не могла дуться долго, поэтому, сделав гордое лицо, простила. Затем она рассказала Дарриту, как оказалась в Доме Черных Дверей.

– В первую очередь вы должны думать о своей безопасности, – сообщил он, когда лед между ними подтаял.

Она чуть призадумалась, а затем ответила:

– Я всегда так и делала, Норт. Я мало беспокоилась о ком-то, кроме родителей и Севастьяны. То, что я даже не сомне-

валась, отправившись к тебе на выручку, наоборот, радует меня. Значит, для меня еще не все потеряно.

«Или значит, что ты стал мне как родной, – насмешливо подумала она, но говорить не стала, – что, естественно, ерунда, учитывая, что мы по-настоящему знакомы всего неделю».

– Если вы о том, что я сказал тогда в отношении мистера Джоя…

Она кивнула:

– Я, конечно, начала тебя немного ненавидеть в тот момент, но потом поняла, что ты прав.

Даррит отложил в сторону серебряный нож и задумчиво потер подбородок.

– Знаете, вы меня удивляете. С того самого момента, как я узнал, кто вы, меня не перестает изумлять ваша личность. Вас не пугают испытания, вы не брезгливы, сильны духом, самоотверженны, способны на сострадание и готовы признавать свои ошибки. Вы всю жизнь провели запертой в собственных комнатах, не зная объятий и не видя мира. Откуда в вас эта любовь к людям и к жизни?

Омарейл покраснела: отчего-то слова Даррита смутили ее. Ей было приятно, никто никогда не оценивал ее личность вот так откровенно. Обычно ей говорили, что она умна, если справлялась со сложной задачей, или хвалили, когда она делала что-то, по общему мнению, правильное. Севастьяна могла заметить, что любила чувство юмора Омарейл, а Бе-

риот обращал внимание на соответствующие статусу поступки. Но Даррит отметил качества, которые она сама не знала о себе. И она не представляла, что на это ответить. Ее спас официант, предложивший еще кофе и круассанов.

– От Омелии не было никаких вестей? – спросила Омарейл у Даррита, намеренно меняя тему разговора.

– Нет, поэтому, я считаю, мне следует навестить ее.

– О… не боитесь, что она набросится на вас?

– Возможно, в этом и заключается ее план. Не будем разочаровывать.

– Но мне совсем не хотелось бы, чтобы из-за этого приглашения пострадала чья-то честь! – с издевкой сказала Омарейл.

– Не беспокойтесь, я не из тех, кто пробирается в дом к замужним дамам и пользуется своим обаянием ради собственной выгоды.

– Я, вообще-то, о твоей чести, – усмехнулась она. – Омелию, как и ее мужа, не особенно беспокоят такие тонкости. А ты – человек порядочный. Она затянет тебя в шелковые сети – не успеешь понять, что произошло…

– Я беру назад все добрые слова, что сказал о вас, – заявил он, поджимая губы, и Омарейл рассмеялась.

А вскоре Норт обнаружил в газете объявление, оставленное Маем. Зашифрованное послание давало понять, что господин Джой справился с возложенной на него задачей: письмо Омарейл было передано Севастьяне.

В то время как Даррит отправился в гости к Зарати, Омарейл поехала в магазин. Они условились встретиться в номере в час дня.

Несмотря на то что принцессе очень нравилось платье со звездами, она знала, что не может дважды выйти в нем в свет. Ей требовался новый наряд для приема у Патера, и она отправилась на улицу, которая славилась лучшими магазинами. Наступило воскресенье, поэтому было людно, но это совершенно не мешало Омарейл наслаждаться неспешной прогулкой. Она посетила три салона с вечерними платьями и довольно быстро совершила покупку. На этот раз она выбрала классический фасон. Нижняя ткань была гладкой на ощупь, сверху же был слой мягкого фатина. Приятный пудровый цвет очень шел принцессе, подчеркивая и холодные серые глаза, и легкий румянец на бледных щеках.

Увесистый пакет не очень-то располагал к долгим гуляниям, поэтому, выпив кофе, Омарейл отправилась к Улице Лип, чтобы поймать там повозку.

Ее внимание привлек необычно громкий, зычный голос, который раздавался откуда-то из толпы. У каменной стены, что отделяла торговую улицу от жилых домов, стоял мужчина, вокруг которого собрались зеваки. Мужчина выглядел странно: одежда его была выцветшей и потертой. Коричнево-серый балахон был подпоясан обычной веревкой. Он был лысым, со светло-голубыми глазами, которые горели сумасшедшим огнем.

– Придет день Суда, придет и расплата за грехи! – вещал он. – И полягут те, кто был нечестив, от рук истинных верующих!

Омарейл хотела было уже пойти дальше, как мужчина провозгласил:

– Она уже идет! Она уже тут! Я чувствую ее королевский дух! Она – среди нас.

Принцесса замерла и вся сжалась – так проявлял себя страх. В следующее мгновение она встретилась взглядом с этими безумными светлыми, похожими на льдинки глазами. Ее пронзил такой фейерверк из эмоций, что она отшатнулась. Она не смогла разобрать ничего из того, что ощутила.

– Кто среди нас-то? – раздался вдруг голос из толпы.

– Она! – воскликнул лысый оратор и вытянул вперед жилистую бледную руку, указывая точно на Омарейл.

Все начали оглядываться, и девушка тоже посмотрела назад, будто ожидая увидеть там кого-то еще.

– Она! – повторил мужчина, тряся пальцем. – Гражданская война!

Толпа выдохнула и отвернулась. Разумеется, никто не думал, что сможет увидеть некое воплощение гражданской войны, прогуливающееся по улице. Первой мыслью Омарейл было сразу же уйти. Но ведь они с Дарритом сами хотели найти этого сумасшедшего, о котором рассказывал «Вестник Агры». И, сомнений не было, она его нашла.

Мужчина продолжал выкрикивать разные лозунги, ни к

чему не призывая, просто уверяя, что он обладает таинственными знаниями о грядущем. Люди сменяли друг друга: одним надоедало слушать крик шумного «пророка», другие с интересом подходили узнать, в чем дело. Омарейл, стараясь, чтобы мужчина ее не видел, обходила зрителей, подбираясь ближе.

И вот она оказалась в метре от него. Набрав воздуха в грудь, чтобы выдать очередное сообщение, он закашлялся, когда совсем рядом послышался голос:

– Как вас зовут?

Омарейл в упор смотрела на «великого предсказателя», и его определенно напугал неожиданный вопрос.

– Я – Мир Ленар, – сообщил наконец он. – А ты кто?

Вопрос был задан с безумной улыбкой и хитро сощуренными глазами: будто он точно знал, кто стоял перед ним.

– А я Мира, – ответила она, пытаясь прочитать эмоции мужчины.

Он ликовал, и Омарейл стало совсем не по себе. Но она не могла просто взять и уйти. Если Даррит был прав и этого человека отправила Сова, принцесса хотела узнать – зачем.

– Встретились Мир и Мира, и мир покачнулся, узнав, что не будет прежним! – заорал сумасшедший.

Ее сердце заколотилось громко и болезненно, будто в груди все сжалось и ему, бедному, не хватало места. И свой необъяснимый страх Омарейл передала Миру Ленару. Он вздрогнул.

– Ты знаешь Сову?

Мужчина не смог справиться с эмоциями – как со своими, так и с чужими, – и испуганно распахнутые глаза ответили за него.

– Зачем она тебя послала? Чего вы пытаетесь добиться? – зашептала Омарейл, склоняясь к Миру.

Но тот вместо всяких слов просто схватил ее за руку, заставляя наклониться еще ниже.

– Скоро узнаете, Ваше Высочество, – проговорил он внезапно вменяемым, обычным, разве что взволнованным голосом, а затем оттолкнул девушку и заверещал, возвращаясь в образ городского сумасшедшего: – И разверзнется бездна, и в бездну ту…

Омарейл сделала пару шагов назад, а затем развернулась и быстро пошла прочь. Ее трясло от произошедшего, она все еще чувствовала цепкие пальцы на своей руке.

Однако долгая дорога до отеля успокоила ее, поэтому, придя в номер, она просто устало упала на диван, не в силах начать рассказ.

– А у тебя что? – спросила она вместо этого, увидев озабоченное лицо Норта.

Тот потирал переносицу, что было верным признаком внутренних переживаний. Даррит явно был не в духе. Он поднял на нее мрачный взгляд, вздохнул и ответил:

– Приглашения у меня. Я заказал экипаж, который доставит нас в предместья Агры. Дорога займет около получаса,

поэтому нужно будет выезжать в шесть тридцать.

– А я тем временем беседовала с Миром Ленаром. Это тот городской сумасшедший, о котором мы читали в газете…

Она пересказала Дарриту все, что произошло, и он не скрывал интереса, задавая уточняющие вопросы.

– Полагаю, скоро госпожа Дольвейн узнает о вашем местоположении. Нам нельзя задерживаться в Агре.

Омарейл кивнула.

– Но пока она не знает, зачем я здесь, а значит, никак не выследит.

– Она неглупа, поэтому сможет рано или поздно предположить, что мы задумали. – Даррит неосознанно провел пальцами по шраму на щеке.

Так он не делал никогда, и принцесса с тревогой предположила, что это было признаком сильных переживаний. Выглядел жест нервно и смятенно.

– Ты начал сомневаться в правильности наших действий? – спросила она взволнованно.

– Несомненный плюс этого плана в том, что он понятен, конечен и не терпит трактовок. Патеры вынесут вопрос на голосование и либо аннулируют предсказание и все указы о нем, либо кто-то проголосует против, и эта дорожка будет для нас закрыта. Но я считаю правильным начать именно с нее. Потому что все прочие пути слишком непредсказуемы и содержат много неизвестных.

Кого убеждал Даррит – ее или себя, – так и осталось за-

гадкой.

– А что ты думаешь насчет этого Мира Ленара? – спросила Омарейл. – Я чувствую, он может причинить много вреда.

– Вероятно, задумка Совы сводится к тому, чтобы дискредитировать власть, и вас в частности, с низов. Да, кто-то пропустит его слова мимо ушей, а кто-то запомнит. И в нужный момент госпожа Дольвейн использует это против нас.

Омарейл устало нахмурилась:

– И что делать? Попытаться запугать его?

– Избавимся от этого – появится новый, – категорично ответил Даррит. – Все, что нам остается, – быть настойчивыми в достижении своей цели. И пошевеливаться.

Они немного помолчали, каждый задумавшись о своем, а затем отправились на обед в ресторан отеля.

– Ты был хмурый, когда я пришла, – заметила Омарейл, едва утолив голод прекрасным томатным супом и каре из ягненка. – Что-то пошло не так с Омелией?

Даррит раздраженно отложил в сторону салфетку и сделал глоток воды.

– Ситуация немного вышла из-под контроля, но, думаю, это ни на что не повлияет.

Омарейл замерла, а затем отложила в сторону приборы, сжала руки в замок и с интересом уставилась на собеседника.

– Так, так, так, у Норта Даррита что-то вышло из-под контроля. Я хочу услышать подробности.

И она улыбнулась от явного дискомфорта, который испы-

тывал мужчина. Глядя куда-то в сторону, он сказал:

– Омелия была одна, когда я пришел, и наш разговор закончился поцелуем, что не входило в мои планы.

– О-о-о, но постой-ка, Даррит, я думала, ты не из тех, кто пробирается в дом к замужним дамам и пользуется ситуацией! – глумливо воскликнула она.

– Вот поэтому не хотел обсуждать с вами то, что произошло, – он обвиняюще указал на собеседницу пальцем, но Омарейл это только развеселило.

Она сочувственно поджала губы и состроила печальное лицо.

– Соблазн оказался слишком велик?

– Омелия, вероятно, поняла, что я хотел получить приглашения, она же рассчитывала на поцелуй. И не намеревалась выпускать меня из дома ни без одного, ни без другого.

Омарейл с притворным сочувствием покачала головой и даже похлопала Даррита по руке. Он сжал челюсть.

– Бедный Норт, коварная Омелия заманила тебя в ловушку. Принудила к поцелую. Надеюсь, ты возмутился ее безнравственностью и, выхватив приглашения из ее развратных рук, выскочил из особняка?

– Для вас это шутка, но напрасно вы веселитесь. Эта ситуация может стать проблемой, если господин Зарати узнает о случившемся.

– Я знаю, Норт, что все веселятся напрасно. Веселье – не то, чему должны посвящать время достопочтенные гражда-

не. Но разве мы с тобой не пришли к выводу, что мужа Омелии не очень-то беспокоят ее заигрывания?

– Когда я уходил, Омелия намекнула, что ее муж будет не очень счастлив узнать о таком, поэтому попросила молчать о случившемся. Она была полна ликования и предвкушения. Это не совсем вязалось с образом смущенной неверной жены, которая боится быть пойманной.

Омарейл задумчиво разламывала ложечкой остатки щербета.

– Н-да, Даррит, ну ты и устроил заварушку на ровном месте. Тебя вообще одного оставить нельзя! – она насмешливо подняла бровь.

– Я нахожу вашу манеру обращать против меня мои же слова, сказанные когда-то, крайне раздражающей.

Девушка широко улыбнулась.

– Никто не идеален – это правда. Что ж, жду с нетерпением, когда смогу посмотреть, как ты будешь выкручиваться из этой истории.

После ужина они вернулись в номер, чтобы начать сборы. Когда, сделав прическу, макияж и надев новое платье, Омарейл вышла из своей комнаты, она увидела Даррита в нарядном сюртуке глубокого синего оттенка. Под сюртук был надет темно-шоколадный жилет, расшитый шелковой нитью того же цвета. У самого горла мужчины был аккуратно завязан коричневый шелковый галстук, заколотый золотистой брошью. Белоснежная рубашка создавала яркий контраст

всему наряду.

Даррит внимательно глядел на свое отражение, пытаясь решить, на какой ноге была более подходящая обувь: на правой у него был коричневый ботинок, на левой – черный.

– Определенно коричневый, – вынесла свой вердикт Омарейл, и Даррит посмотрел на принцессу.

Несколько мгновений он просто молча разглядывал ее, лицо не выдавало никаких эмоций.

– Ботинок… коричневый, – пояснила она, ей отчего-то стало неловко от внимательного взгляда.

– Позвольте отметить, сегодня вы выглядите по-королевски.

Дорога до особняка Джана Дженны действительно заняла полчаса. Омарейл пыталась обсудить с Дарритом их план, но тот говорил сухо и неопределенно.

– Всему свое время, – ответил он на вопрос «Как я пойму, что мне делать?».

– Вы сказали, мы должны пошевеливаться, – заметила принцесса не без раздражения.

Она и без того по большей части находилась в состоянии постоянной неопределенности. Сейчас, когда дело близилось к серьезным действиям, ей хотелось быть готовой.

– Нам будет проще общаться, если вы не будете запоминать каждое мое слово, – заметил Даррит надменно.

– Обещаю, не буду, как только ты перестанешь вечно хму-

риться и ворчать, как будто вся наша жизнь – одна сплошная проблема.

– Я довольно часто пребываю в хорошем настроении, – отозвался он, равнодушно пожав плечами.

– Тебе кажется, – язвительно ответила ему Омарейл, и он улыбнулся.

Уже в конце поездки Даррит перевел задумчивый взгляд с темных аллей за окном на Омарейл. Несколько мгновений он просто разглядывал ее лицо, потирая подбородок. Затем наконец произнес:

– Нам нужно сделать все возможное, чтобы познакомиться с Патером и получить приглашение на личную встречу. Сегодня мы не будем вести серьезных переговоров, но если нас представят, мы постараемся вызвать у него интерес и желание продолжить знакомство. Я предполагаю, вам придется использовать для этого свое обаяние.

Он сказал это так серьезно, что Омарейл не выдержала и прыснула от смеха. Он вопросительно поднял черную бровь.

– Глупая затея, Норт, – пытаясь подавить смешки, сказала принцесса, – я не умею кокетничать. Не стоит рассчитывать на это.

– Вашего природного обаяния будет достаточно, – ответил он ровно. – Будьте собой.

На ее щеках вспыхнул румянец, но она надеялась, этого не было видно в полутемном салоне экипажа. Даррит вновь

отвернулся к окну.

Наконец экипаж подъехал к особняку внушительных размеров. В центре круглого двора бил фонтан со скульптурой в форме лисы, он подсвечивался разными цветами, отчего казалось, что пестрой была сама вода. Извозчик остановился у входа в дом, Даррит выбрался из повозки и помог Омарейл. Они оказались на огромной мраморной лестнице. Вход в особняк с двух сторон охраняли белоснежные колонны. Два человека в красных ливреях с золотым шитьем стояли по обе стороны от гигантских дверей.

Омарейл и ее спутник прошли через холл с двумя большими лестницами и оказались в длинной галерее, пол которой был в шахматном порядке устлан черными и белыми мраморными плитами. По правую руку стену покрывали деревянные панели с развешанными на них картинами. Слева стена была почти прозрачной благодаря огромным окнам и дверям с расстекловкой в мелкую клетку. С внутреннего дворика сюда проникали разноцветные огоньки фонарей. Вращаясь на специальных дисках, они создавали своим светом волшебную атмосферу.

Даррит и Омарейл прошли до конца галереи и оказались в огромном зале с высоким потолком. Золотой плафон – расписанный потолок – был украшен живописными пейзажами. На стенах лепнина с позолотой и свет сверкающих светильников отражались в многочисленных зеркалах. Пол был выполнен из различных пород темного дерева.

Громко играла музыка – в тот момент, когда пара вошла в зал, квартет музыкантов, расположившийся на небольшом постаменте, исполнял современную песню в классической обработке. Многие танцевали. Несмотря на то что Омарейл и Даррит приехали к началу, народу было уже предостаточно. Вдоль стен стояли столики с закусками и напитками. На ближайшем к ним, покрытом белоснежной длинной скатертью, была сооружена целая пирамида из хрустальных бокалов. Молодой человек в ливрее начал наливать игристое вино сразу из двух бутылок, и напиток лился, наполняя верхние сосуды, спускаясь ниже и ниже. Бармен менял бутылки на новые, и вот наконец все бокалы оказались до краев наполненными розоватой жидкостью с пузырьками. Тут же несколько гостей, наблюдавших за этим небольшим представлением, начали тянуться за вином, едва не разрушив хрупкое сооружение.

Даррит получил два бокала и передал один Омарейл.

Рядом столы ломились от закусок. Канапе из овощей и сыров соседствовали с кусочками копченой рыбы, сэндвичи с чесночным маслом были веером разложены на большом блюде, окруженные тарталетками с паштетом. Рулетики из баклажана с грецким орехом, груша с козьим сыром и корзиночки с грибным муссом создавали многоцветные композиции на бесконечно длинной полосе белой скатерти и точно кричали: «Съешь меня!»

– О небо, – прошептала Омарейл.

– Может быть, теперь вы сможете наконец утолить голод, – прокомментировал это Даррит.

Она жадно улыбнулась.

– Не забудьте, – прошептал ей на ухо Норт, – зачем мы сюда пришли.

Разумеется, она помнила. Чтобы полюбоваться воздушными гимнастами, которые выделывали трюки прямо под расписным потолком. И понаблюдать, как иллюзионист показывал карточные фокусы под гипнотизирующую музыку.

Сам Джан Дженна прибыл спустя час после начала. Для торжественного появления раскрыли стеклянные двери, и хозяин особняка эффектно прогарцевал в зал на белоснежном жеребце. Толпа ликовала, гудела и свистела. Джан Дженна, высокий, худощавый, с длинными темно-рыжими волосами, убранными в хвост, одаривал всех очаровательной улыбкой, особую прелесть которой придавали чуть неровные зубы. Его глаза светились задором. Одеяние – обтягивающие штаны в черно-белую клетку, кроваво-красный сюртук и черный атласный цилиндр – выдавали смелую и неординарную личность.

И, небеса, как его любила публика! С появлением хозяина вечеринка ожила, и он все время был в центре внимания. Молодой мужчина проследовал, не слезая с лошади, к башне из бокалов и взял нижний. Разумеется, все остальные с грохотом упали на пол и разбились. Гости закричали от восторга. Музыка теперь стала энергичнее. Танцы – быстрее и

зажигательнее.

И Омарейл чувствовала эту невероятную энергию, которую выплескивали четыре сотни людей. Она не могла сопротивляться безумному восторгу толпы, ее затрясло от возбуждения, ей хотелось танцевать всю ночь, бить посуду и творить невообразимые вещи.

Она почти сделала шаг вперед, в самую гущу событий, но кто-то остановил ее. Взял аккуратно под локоть и повел прочь.

Они с Дарритом оказались во внутреннем дворе – там, где совершали свой волшебный танец цветные фонари. Спутник вынудил принцессу посмотреть ему в глаза, но, точно почувствовав все то, что бурлило в ее груди, сделал шаг назад.

– Вы не должны поддаваться этим эмоциям, – сообщил он серьезно, для убедительности выставив руки вперед, будто намеревался удержать ее, реши Омарейл убежать обратно в зал. – Чувства не ваши. Но глупостей можете наделать именно вы.

Адреналин еще не перестал бурлить в ее крови, девушка порывисто шагнула к Дарриту и зашептала:

– Может быть, я хочу наделать глупостей. Может быть, я хочу… Я хочу…

Она рассматривала его лицо, пытаясь подобрать слова, которые описали бы ее состояние. Но Даррит покачал головой:

– Послушайте меня, Мира. Вы должны прийти в себя. Вспомнить, зачем мы здесь. Нам необходимо познакомиться

с Джаном Дженной, чтобы убедить его на собрании Патеров проголосовать за аннулирование предсказания.

Омарейл прикрыла глаза, чтобы собраться с мыслями. Когда она снова посмотрела на Даррита, в ее взгляде не было больше сумасшедшего блеска.

– Да. Да, конечно, я помню. Как мы это сделаем?

– Полагаю, попробуем заручиться помощью наших знакомых.

Против воли Омарейл обернулась, точно ожидала увидеть Омелию прямо у себя за спиной.

– Ты их еще не видел?

– Видел, – кивнул Даррит, – но теперь, когда Дженна появился, будет уместно подойти и выразить господам Зарати свое почтение.

И они отправились на поиски Омелии и ее мужа. Найти их оказалось несложно: господин Зарати стоял недалеко от столика с бренди в компании невысокого полноватого мужчины в военной форме, а Омелия танцевала неподалеку с внушительного вида господином. Тот был высок, широкоплеч и носил пышные бакенбарды, какие были в моде полстолетия назад.

Господин Зарати представил Даррита и Омарейл своему знакомому.

– Господин Фон, – произнес он, и круглый мужчина с широким носом и близко посаженными глазами протянул Норту ладонь для рукопожатия.

Омарейл же удивленно распахнула глаза. Где она слышала это имя? Она пыталась прислушаться к разговору, но тот не дал ей никаких зацепок, кем мог быть этот господин. Она поняла лишь, что господин Зарати был знаком с ним по службе.

Наконец танец закончился, и Омелия со своим кавалером подошли к компании.

Мужчина с бакенбардами оказался господином Бельтезером, комиссаром королевской гвардии. И едва Омарейл услышала его зычный, глубокий голос, сразу вспомнила, почему фамилия «Фон» показалась ей знакомой. Эти двое – Фон и Бельтезер – беседовали тогда на балконе «Амбассадора» о рейдах по игорным домам.

– Разве комиссар королевской гвардии не служит в Астраре? – уточнила она, стараясь не расставаться с образом наивной дурочки.

– Я приехал в Агру по делам, – ответил ей комиссар.

Взгляд проницательных голубых глаз приковал Омарейл к месту. С этим мужчиной стоило быть настороже.

– О, это чудесно, когда работа позволяет путешествовать! – воскликнула она, улыбаясь от уха до уха.

Комиссар бросил на нее лишенный интереса взгляд и, кивнув из вежливости, отвернулся.

– И как эффектно вы оповестили о своем визите, – произнес Зарати неожиданно холодно.

Бельтезер не шелохнулся, только посмотрел на собеседника из-под густых каштановых бровей.

– Мне далеко до умений господина Дженны производить впечатление.

Господин Зарати прочистил горло.

– В другой раз почему бы вам просто не въехать в здание Совета на лошади?

– Что вас так раздосадовало, господин Зарати? Разве ваше окружение не любит эффект неожиданности?

Муж Омелии выглядел напряженным, будто беседовал с ядовитой гадюкой, которая может накинуться в любой момент.

– Разумеется, я поддерживаю всяческую борьбу с правонарушениями. Но делать это за спиной у Совета… Все равно что целовать мою жену в моем собственном кабинете. Несколько неэтично, не находите?

Омарейл едва не пропустила эту шпильку в адрес Норта. Он же, на мгновение растерявшись, быстро пришел в себя и продолжил равнодушно рассматривать публику.

– А теперь карамантана! – громко провозгласил вдруг Джан Дженна, и все завизжали от восторга.

Омарейл и Даррит переглянулись. Толпа вдруг встала, почти одновременно повернувшись к хозяину особняка, который взобрался на стол в конце зала. Заиграла музыкальная композиция, которая вызвала еще больше радостных криков. Музыка нарастала по громкости, скорости и экспрессии, и вот на самых напряженных аккордах Джан Дженна начал танцевать. И все гости начали повторять его движения. Тол-

па двигалась синхронно – очевидно, многие уже хорошо знали все па. И Омарейл снова начала заводиться, заряжаться от людей и их безумных эмоций. Принцесса начала танцевать со всеми, быстро поняв нехитрый рисунок танца. Она тронула Даррита за плечо, но не было похоже, что тот собирался присоединиться.

Наконец Дженна слез со стола, а Омарейл схватила Омелию за руку и повела к галерее: там можно было спокойно поговорить.

– Омелия, здесь потрясающе! – воскликнула принцесса, едва они оказались чуть вдали от громыхающей музыки и беснующейся толпы. – Большое спасибо за приглашение!

Заведенная танцем, она намеренно была так эмоциональна, чтобы заставить собеседницу чувствовать себя щедрой и великодушной. Но при этом слова не были ложью: Омарейл действительно было интересно.

– Ох, достать его было непросто, – отозвалась Омелия. Она была довольна тем, что ее широкий жест был оценен. – Джан обычно очень тщательно подбирает гостей. Но он позволил мне в виде исключения пригласить своих людей!

Омарейл взяла Омелию за руки. Та любила прикасаться к собеседникам, и принцесса почти неосознанно решила скопировать ее манеру.

– Вы… Вы знакомы с ним лично? – произнесла она благоговейно.

– Барти работает с ним, так что да, иногда мы ужинаем

вместе, – пожала плечами Омелия, улыбаясь.

– Как же вам повезло… – протянула Омарейл, а затем смущенно отвернулась. – То есть… Я хочу сказать… Простите, это неуместно…

Ловушка сработала. Омелия тут же навострила уши и заговорщически прошептала:

– Так-так-так, Мира, в чем дело? Ты можешь сказать мне абсолютно все, девочка моя.

– Ну, просто господин Дженна, он такой… потрясающий.

– Ах, малышка… – вздохнула Омелия и потрепала Омарейл по щеке, от чего той пришлось сжать зубы, только чтобы не сказать что-нибудь дерзкое. – Он совсем не для тебя.

– Но… Но мне хочется хотя бы просто поговорить с ним.

Омарейл пришлось потрудиться, чтобы передать собеседнице сострадание и желание помочь. И, судя по следующим словам госпожи Зарати, ей это все-таки удалось.

– Я могу тебя познакомить с ним, конечно, – сказала она неохотно и закатила глаза. – Но, прошу, воспринимай это просто как полезную связь. Не строй никаких планов на его счет, этот мужчина любит только Агру, больше ни для кого в его сердце места нет.

Принцесса кивнула, светясь от счастья.

– Только… хотела спросить вас кое о чем еще… Сегодня днем, когда мой брат вернулся от вас…

Омелия вопросительно подняла бровь, ожидая продолжения.

– Он выглядел очень обеспокоенно. Ничего не объяснил, но я видела, что он озабочен чем-то. Что… Что произошло?

Должно быть, невинный взгляд Омарейл и ее робкий голосок показались женщине очень забавными: она простодушно рассмеялась и снова прикоснулась к щеке девушки.

– Дорогая моя, не переживай, я просто немного с ним поиграла.

– Поиграли?

– Да, я склонила его к поцелую, – Омелия кокетливо взмахнула ресницами. – А потом сказала, что муж убьет, если узнает.

– Но зачем? Если господин Зарати будет сердиться из-за этого, зачем вы поставили моего брата в такое положение?

Омарейл считала, что ее смело можно было выпускать на сцену вместе со Шторм. Образ несмышленой дурочки, едва ли не впервые вышедшей в свет, давался ей легко, она была в нем крайне убедительна. Омелия покачала головой и снисходительно посмотрела на собеседницу.

– Не уверена, что ты поймешь меня, но, возможно, когда-нибудь… Твой брат – очень привлекательный мужчина. Мрачный, загадочный, с этим своим шрамом. И синие глаза, заглядывающие прямо в душу, ох! Дразнить таких – одно удовольствие. А дразнить моего мужа – это еще более увлекательно.

Омелия приобняла Омарейл и заговорщически прошептала в ухо:

– Никто никого не убьет, не волнуйся, солнышко. Просто я немного повеселюсь, вот и все. Знаешь, это ужасно скучно – быть светской дамой.

Наверное, разговор закончился бы какими-то незначительными фразами, если бы, взглянув за спину Омелии, Омарейл не увидела гостью в потрясающем белом платье. Принцессу прошиб холодный пот.

Это была Шторм.

Полет госпожи Эдельвейс по галерее можно было бы назвать красивым: она гордо ступала в пышном платье со множеством блестящих кристаллов на многослойном мягком фатине, с развевающимися каштановыми волосами и горящими глазами. С легкой завистью Омарейл подумала, что Шторм действительно куда больше походила на принцессу, чем она сама.

Как бы то ни было, настоящая наследница престола была вынуждена скрывать свою личность, поэтому она отвернулась к окну и сделала вид, что размышляет об услышанном.

– Вы знаете, – начала она, судорожно соображая, какая тема была бы достаточно интересной для госпожи Зарати, чтобы та не увидела проходящую мимо звезду большой сцены, – я не очень разбираюсь во всех этих играх.

– Дитя, у тебя все впереди.

– Не знаю, – Омарейл пожала плечами, наблюдая через отражение в стекле, как Шторм прошла мимо.

Небеса, какое платье! Оно мерцало, как снег на солнце.

– Мне кажется, Норк просто подберет мне подходящего жениха, и на этом все мои игры закончатся…

– Они только начнутся, Мира!

Омарейл обернулась к Омелии:

– Когда вы познакомите меня с господином Дженной?

Женщина скуксилась.

– Эти темы не должны встречаться в одном разговоре, дорогая. Джан – не пара для такой, как ты.

– Для какой – такой? – капризно спросила Омарейл.

– Такой… правильной.

Девушка убедилась, что Шторм прошла в зал, и постаралась побыстрее закончить беседу:

– Ладно, пускай. Я просто хочу познакомиться с ним. Вы обещали! Пойдемте, брат, наверное, меня обыскался.

Нужно было предупредить Норта. Омарейл взяла Омелию за руку и повела на главную танцевальную площадку. Там в это время оперная певица пела арию под ультрасовременный аккомпанемент. Джан Дженна восседал на невесть откуда взявшемся рояле, дирижируя мини-оркестром. В театре этот мужчина выглядел куда более сдержанным. Здесь же он позволял себе невероятные вещи, от которых дамы, имеющие веера, в смущении прикрывали лица, остальные – просто охали и краснели.

Омелия выразительно посмотрела на свою спутницу, как бы говоря: «И с этим человеком ты хочешь организовывать субботние чаепития?»

Ария подошла к концу, и гости начали шептаться и оборачиваться. Вскоре в центре внимания оказалась новая гостья – все расступались, чтобы дать дорогу и в то же время внимательно рассмотреть Шторм Эдельвейс. Джан Дженна спрыгнул с рояля и подошел к девушке, чтобы поприветствовать ее. Он сделал глубокий театральный поклон и поцеловал кончики ее пальцев. Та держалась холодно и независимо.

Омарейл в это время пыталась взглядом отыскать Даррита. Он стоял у колонны рядом с господином Зарати. Видимо, они о чем-то беседовали, но разговор прервался вызванным ажиотажем.

Омарейл проскользнула сквозь толпу и оказалась рядом с Нортом. Они обменялись многозначительными взглядами, но ни один из них ничего не сказал.

Вновь заиграла музыка, кавалеры начали приглашать дам. Шторм оказалась в центре зала с Патером Агры. А Омелия вдруг подошла к Дарриту и томно произнесла:

– Кажется, вы хотели почувствовать женщину в своих руках…

Норт невозмутимо обратился к ее мужу:

– Если господин Зарати не возражает…

Тот усмехнулся, в то время как его жена откровенно рассмеялась.

– Разумеется, – господин Зарати выглядел совершенно спокойно, – вы сделаете мне одолжение. Я один не способен удовлетворить страсть Омелии к танцам.

Омарейл видела, как старательно Даррит обходил в танце Шторм и Дженну. Но только мелодия завершилась, Омелия вернулись к принцессе и тут же заговорила:

– Посмотрите, господин Дженна полностью завладел вниманием госпожи Эдельвейс. Не самое ли время пойти поздороваться, Мира? Одним разом я познакомлю тебя и с Джаном, и с этой актрисой.

Омарейл едва не закатила глаза.

– Да, разумеется… – пробормотала Омарейл, – я только хотела спросить кое-что у господина Зарати…

Тот обратил к ней заинтересованный взгляд.

– Почему вам не нравится Бельтезер? – спросила она.

Тот пару секунд смотрел на девушку, его тонкие губы были плотно сжаты. Затем он проговорил:

– С чего бы мне, представителю власти, не любить служителя закона?

Омарейл чуть улыбнулась и, открыто глядя на мужчину, мило сказала:

– Я же только что спросила вас об этом.

Он чуть сощурил глаза, будто силился понять, действительно ли Мира Аррит была такой наивной дурочкой, за которую себя выдавала. Затем вздохнул и ответил:

– У таких, как господин Бельтезер, происходит профессиональная деформация. Они начинают быть излишне подозрительными и видят преступления даже там, где их нет.

– Он подозревает вас в чем-то? – воскликнула Омарейл

изумленно и прижала руки к груди.

– Гвардейцы Короля в большинстве своем фанатичны. Готовы искоренять зло и творить справедливость денно и нощно.

Омарейл почувствовала мурашки на коже, вспомнив Пилигрима. Господин Зарати тем временем продолжил:

– Никто не безгрешен, моя дорогая. Уверен, даже у вас найдется пара секретов, о которых вы не хотели бы рассказать комиссару. Я нахожу его общество нервирующим.

– Но Омелия танцует с ним уже второй раз, – не смогла не отметить девушка.

– Она любит дразнить меня. К тому же эта женщина обладает удивительным даром: мужчины в ее присутствии начинают терять бдительность.

Омарейл рассмеялась. В этот момент к ним подошел Даррит с тарелкой, полной закусок.

– Надеюсь, вы не вините их в этом? – шутливо уточнила она, глядя на Зарати многозначительно.

– Я готов простить небольшие оплошности, но лучше не проверять границы моего благодушия, – ответил он и хлопнул Даррита по плечу.

Тот продолжал делать вид, что не понимает намеков, и предложил собеседникам угоститься тарталетками.

Наконец всех гостей пригласили в сад. Кавалеры тут же принялись снимать сюртуки, чтобы накинуть их на плечи замерзающих дам.

Среди голых деревьев и композиций из туй артисты устроили представление с огромными белыми шарами. Гигантские сферы, под музыку подбрасываемые в воздух, демонстрировали мистический танец. Омарейл была заворожена зрелищем. А потом начался фейерверк, какого она не видела даже в Астраре на свой собственный день рождения.

Она бы любовалась и любовалась, но тут Даррит взял ее под руку и куда-то повел. Омелия, господин Зарати и еще несколько гостей стояли рядом с Джаном Дженной. Шторм среди них не было.

– Представьте нас, пожалуйста, – напряженно потребовал Даррит у Омелии, определенно опасаясь возвращения госпожи Эдельвейс.

Та не сразу отвлеклась от фейерверка и удивленно подняла брови.

– Сейчас? – вымолвила она.

Норт посмотрел ей в глаза и медленно кивнул. Женщина вздохнула и тронула стоявшего совсем близко хозяина праздника за плечо:

– Джан, дорогой, это, как всегда, великолепно!

– Это новые пиротехники. Обрати внимание на синхронность выстрелов! – Патер Агры выглядел как мальчишка: восторженно распахнутые глаза, легкая полуулыбка и раздуваемые ветром рыжеватые волосы, которые уже порядком выбились из хвоста.

– Мастерское исполнение, – заметил Даррит, и господин

Дженна перевел на него взгляд.

– Ах, Джан, это наши новые друзья, о которых я тебе говорила, – подхватила Омелия, – Норк Аррит и его сестра Мира Аррит.

Мужчины пожали друг другу руки. Омарейл выдохнула – она даже не заметила, что задержала дыхание.

– Джан Дженна, полагаю, не нуждается в представлении, – улыбнувшись, произнесла Омелия и, решив, что выполнила свой долг, вновь обратила взор к фейерверку.

И тут дверь, что вела на террасу, открылась.

– Шторм, – прошептала Омарейл, заметив выходящую в сад девушку в белом.

– Надеюсь, у нас будет возможность побеседовать, я давно хотел с вами познакомиться, – произнес Даррит, пристально глядя в глаза господину Дженне, и взгляд того переменился.

Если до этого Патер смотрел на новых знакомых рассеянно, очевидно, более увлеченный салютом, то теперь он с интересом рассматривал собеседника. Мужчины коротко поклонились друг другу, и Даррит с Омарейл неторопливо ушли в противоположном от Шторм направлении, изображая полную заинтересованность салютом.

– Долго она тут собирается оставаться? – тихонько простонала Омарейл. – Я уже устала и хочу в отель.

Даррит скосил на нее глаза, и она ожидала отповеди. Но вместо того чтобы отчитывать девушку за ее жалобы, он повернул ее лицом к себе и сказал:

– Закройте глаза.

– Предлагаешь вздремнуть стоя? Насколько я знаю, стоя спит только лошадь? Я что, на нее похожа?

– Только когда фыркаете. Закройте глаза и расслабьтесь.

– Опять… – пробормотала она, но послушалась, чувствуя себя глупо.

– Реагировать на эмоции людей – не всегда плохо, иногда это может быть полезно. Главное – контролировать процесс. Сейчас вокруг нас сотни людей, и у вас есть возможность подпитаться их эйфорией.

Омарейл это показалось затруднительным. Если раньше она готова была поддаться влиянию окружающих, то теперь ее мысли были заняты Патером, Шторм и тем, что пока все шло не очень гладко.

– Расслабьтесь, почувствуйте энергию, как делали это раньше, – гипнотизировал ее Даррит своим голосом, – но не позволяйте ей сбить вас с ног, – он говорил почти нараспев. – Почувствуйте поток и медленно наполняйте им себя, пока не поймете, что вам достаточно…

Она действительно почувствовала энергию. Сначала это было похоже на легкие вибрации, от которых ей стало трудно дышать, – но это были приятные, волнующие ощущения. Затем возбуждение начало нарастать, и вот Омарейл распахнула глаза, неспособная больше просто стоять на месте от всего этого ликования в душе. Ее губы против воли растянулись в улыбке. Она чувствовала, что в ней открылось второе

дыхание: казалось, она способна свернуть горы.

– Пойдем изучим дом, – выдохнула она.

Некоторые помещения были закрыты – очевидно, чтобы держать любопытных гостей подальше от частных комнат. Но все залы, ближайшие к танцевальному, были доступны для посетителей. В некоторых гостиных и небольших приемных сидели люди – они отдыхали от шумной вечеринки, пили напитки, курили.

– Так не пойдет, – произнесла Омарейл, закрывая очередную дверь. – Смотри, вон там отгорожено, давай пойдем туда!

– Разумеется, для этого там и висит гостеприимная табличка «Не входить», – проворчал Даррит, перешагивая через натянутую ленту.

Они оказались в темном коридоре с тусклыми светильниками. По обе стороны шли деревянные двери, по три справа и слева.

Омарейл осторожно приоткрыла ближайшую.

– Что вы рассчитываете тут найти? – прошептал Даррит ей в затылок.

– Хочу понять, что за человек, этот Джан Дженна. Проникнуть в его личные комнаты означает проникнуть под эту оболочку весельчака, которую он показывает.

Комната оказалась практически пустой, здесь стоял лишь рояль, да на окнах висели тяжелые темно-красные гардины.

Вторая комната оказалась туалетом.

А вот за третьей дверью наконец обнаружилось кое-что интересное: там была внушительных размеров библиотека с двумя этажами стеллажей. Чугунная винтовая лестница вела наверх, от нее расходились узкие балкончики второго яруса.

Омарейл оглядела комнату и прошла вглубь. Даррит тихо ступал следом.

– Тут книг даже больше, чем у меня, – произнесла Омарейл, проводя пальцем по корешкам, а затем скривилась: – Пыли тоже.

– Не везде, – отозвался Даррит. – Вот эти господин Дженна, судя по всему, читает.

Омарейл подошла к спутнику, и они вместе уставились на стеллаж с настольными книгами Патера Агры.

Часть из них была посвящена истории, политике и управлению. Но одна полка заинтересовала принцессу больше других.

– «Искусство создавать праздник», – прочитала она на корешке, – «Перфоманс как наука», «Анатомия развлечения». Он серьезно подходит к делу…

Она достала том «Как сотворить праздник», заинтересовавший ее яркой обложкой, и заметила, что там, у самой стенки стеллажа, пряталась еще одна книга.

– «Математика покера»! – воскликнула она. – Я так и знала!

Даррит взял том из ее рук и повертел. Страницы были местами загнуты, обложка потерта. Из книги торчали разно-

цветные закладки.

– Он играет, – резюмировал Даррит.

– Он не просто играет, – отозвалась Омарейл. – Я уверена, он знает о каждом подпольном казино в этом городе. И помнишь разговор господина Фона и Бельтезера на балконе? Фон сказал: «Думаете, Дженна правда не знает?» Я думала, они говорили о том, знает ли Патер об этих игорных домах. Но, судя по тому, что сказал господин Зарати насчет их внезапного появления и каких-то действий за спиной, на балконе они обсуждали, действительно ли Дженна не знает о рейдах. Ведь он мог как-то помешать. Они переживали именно об этом.

– Если так, то я бы предположил, что он не только знает об игорных клубах, но и владеет ими. И сейчас я вспоминаю, как видел на стене Дома Черных Дверей изображение лисы. Из картин и гербов, развешанных в этом доме, можно сделать вывод, что это семейное животное господина Дженны.

Даррит и Омарейл многозначительно переглянулись и именно в этот момент услышали шаги в коридоре. Быстро убрав все книги обратно в стеллаж, они замерли, озираясь. Шаги приближались, теперь слышался и мужской голос.

Даррит подхватил Омарейл за талию и увлек за тяжелую портьеру, что разделяла две части библиотеки. В следующее мгновение дверь открылась, и в помещение вошли двое.

– Миленько, – прозвучал знакомый голос.

– Шторм! – едва слышно произнесла Омарейл. Даррит

кивнул.

– Не хочу хвастать, – ответил другой, низкий, чуть хрипловатый, – но это собрание считается одним из лучших частных собраний в Ордоре. Патер Лебрихана все время намекает на масштабы, якобы правое крыло его библиотеки могло бы сравниться с моей скромной коллекцией, но главное ведь не количество, а качество. Здесь можно найти такие редкие издания, что Лебрихану и не снилось.

Повисла пауза, во время которой, как предположила Омарейл, Шторм осматривала полки. Затем послышался девичий вздох.

– Ну что ж, это… поразительно, – в словах госпожи Эдельвейс не было и капли восхищения.

Омарейл подумала, что если Джан Дженна хотел произвести на Шторм впечатление, то выбрал не самый лучший способ. Эта девушка не была глупа, но никогда не проявляла большой любви к книгам и знаниям. Омарейл заметила, как Даррит покачал головой, как будто думал о том же самом, и беззвучно хихикнула.

– Если говорить откровенно, книжек мне хватает в школе, – скучающе произнесла Шторм.

Хозяин дома немного помолчал.

– Я забыл, что вы учитесь в школе. Разумеется… мне говорили об этом. Что ж, тогда вам будет интересно взглянуть на это.

Послышался звук выдвигающегося ящика, шорох дерева

о дерево, и затем вскрик Шторм:

– Проклятье, что это?!

– Моя коллекция червей, – с гордостью произнес господин Дженна. – Вот кольчатые. Вы, кажется, должны проходить их по биологии. Вот здесь у меня странички из атласа, черви в разрезе и…

Омарейл прикрыла рукой глаза, силясь при этом не рассмеяться. Можно было подумать, что это Патер Агры провел в уединении всю жизнь, ни разу не общаясь с противоположным полом. А ведь ему было не меньше тридцати пяти.

– Уму непостижимо, – мрачно отозвалась Шторм.

Надо отдать ей должное, истеричные нотки быстро исчезли из ее голоса.

– Может быть, мы вернемся в танцевальный зал? – предложила она холодно. – Гром, должно быть, ищет меня.

– Гром?

– Мой агент. Вас представили ранее, помните? – Ох, от голоса девушки могли замерзнуть все реки Ордора.

Тишину разорвал хохот Дженны.

– Шторм и Гром? – проговорил он сквозь смех, и Омарейл отчетливо представила, как госпожа Эдельвейс надменно закатила глаза.

– Да. Забавно, не правда ли? – процедила Шторм. – И вы, разумеется, первый, кто обратил на это внимание.

Мужчину не трогали язвительные комментарии спутницы. Он продолжал посмеиваться, открывая девушке дверь.

Наконец замок щелкнул.

Еще несколько секунд Омарейл тихо стояла на месте, прислушиваясь, но слышала только дыхание Норта.

– Что будем делать? – спросила она, выходя из своего укрытия. – С Дженной мы познакомились, но не похоже, что нам удастся поговорить с ним, не попавшись на глаза Шторм.

Даррит посмотрел на письменный стол в центре комнаты и коснулся выдвижного ящика.

– Только не говори, что хочешь взглянуть на червей! Кошмар, – Омарейл содрогнулась.

Всю жизнь оторванная не только от людей, но и от животных, она крайне брезгливо относилась ко всякой ползучей живности. Ее отношения со зверьем были сложными. Собаки и лошади вызывали страх – на них она готова была смотреть только на расстоянии. Кошки и кролики до сих пор не попадались ей на глаза, но эмоции у девушки при мысли о них появлялись скорее негативные. К птицам принцесса относилась спокойно, так как те иногда прилетали к ее окошку, и она кормила их, но никогда не трогала – придворные лекари уверяли, что так можно подцепить заразу.

Она уже стояла у двери, и Даррит подошел ближе, чтобы выйти в коридор, как Омарейл заметила на столике белую сумочку.

– О нет! – только и успела воскликнуть она, и дверь, рядом с которой они стояли, открылась.

Прятаться было поздно, поэтому Омарейл просто медлен-

но повернулась к человеку, решившему войти в библиотеку.

Шторм застыла на пороге, не веря своим глазам. Ее взгляд метался от Омарейл к Дарриту.

Через пару мгновений за ее спиной появился и хозяин дома.

– В чем дело? Что вы здесь делаете? – спросил он строго.

– А мы искали уборную, – глупо улыбнувшись, произнесла Омарейл.

Даррит в это время полностью завладел вниманием Дженны. Их взгляды соединились, и через несколько томительных секунд Патер Агры расслабил воинственно напряженные плечи.

– Это частная территория, гостям сюда не положено.

– Ох, мы не знали, простите, – ненатурально солгала Омарейл.

– Там висит табличка, – Дженна кивнул головой.

– А мы подумали, что это для прислуги…

Разговор выглядел глупо, еще больше нелепости ему придавало то, что они продолжали стоять по разные стороны дверного проема. И Шторм продолжала прожигать Омарейл взглядом.

– Ну, раз уборной тут нет… – проговорила принцесса и протиснулась мимо одноклассницы.

Даррит вышел следом, но вдруг остановился и сказал Дженне:

– У вас восхитительная библиотека.

Тот неожиданно расплылся в широкой, гордой улыбке. Так мог бы улыбнуться отец, довольный успехами сына.

– Благодарю.

– Краем глаза заметил сборник записей лондов. Впечатляет. Издания не новые…

– Верно, верно, этим томам более сотни лет. Их приобрел еще мой дед…

Шторм вышла из библиотеки, прижимая к себе белую сумочку.

Дженна в приглашающем жесте предложил Дарриту пройти вперед, они пошли по коридору, обсуждая книги. Омарейл и Шторм, переглянувшись, отправились следом.

– Что ты здесь делаешь? И с ним?! – эмоционально прошептала госпожа Эдельвейс.

– Это долгая история. Видишь ли… Что ж, полагаю, я могу сказать тебе правду.

Омарейл тяжело вздохнула, затем бросила короткий взгляд на девушку.

– Дело в том, что я – не Мираж. Меня зовут Мира, и Норт – мой брат.

Шторм недоверчиво посмотрела на собеседницу:

– Брат?

Омарейл пожала плечами, будто говоря: «Можешь не верить, но это так». Шторм немного помолчала, а затем зло спросила:

– Почему ты убежала перед конкурсом?

Плечи принцессы опустились. Она была совершенно не готова обсуждать столь незначительные вещи теперь, когда было так много других забот.

Они оказались в общем коридоре. Пока Даррит продолжал беседовать с Дженной, Омарейл пыталась отвлечь собеседницу от ненужных мыслей.

– Потому что, Шторм, у меня были серьезные проблемы, и конкурс – последнее, что меня интересовало.

Конечно, она немного лукавила: тогда, в прошлом, «Листопад» казался важным. Но извиняться было бесполезно.

– Лучше скажи, чего это Дженна прилип к тебе? – сменила Омарейл тему, уверенная, что разговор о хозяине вечеринки отвлечет Шторм от давних проблем.

Так и вышло. Девушка метнула мрачный взгляд на мужчину, что неторопливо шагал впереди, и ответила:

– Потому что у меня гастроли, и я должна завязывать полезные связи.

– Это объясняет, почему *ты* терпишь его присутствие, но он…

– Почему бы о его мотивах тебе не спросить у него самого? – недовольно фыркнула Шторм.

Омарейл чуть нахмурилась:

– Нет, знаешь, для того чтобы посплетничать, у меня есть кандидатура получше.

Они вышли в танцевальный зал. Музыка здесь не прекращалась, многие пары все еще были на паркете, хотя Омарейл

не представляла, как можно было вынести столько танцев.

Они остановились у стола с вином. Дженна на правах хозяина взял несколько бокалов, изобразил, что жонглирует ими, разумеется, не подкидывая на самом деле, и передал Дарриту, Омарейл и Шторм. Последняя хмуро приняла напиток, чуть отошла и проворчала:

– Что за клоун.

Увлеченный беседой с Дарритом, Дженна не услышал этих слов, а вот Омарейл расслышала вполне отчетливо.

– А мне кажется, он милый, – сказала она.

– Посмотри на этот идиотский наряд.

Да, красный сюртук выглядел вызывающе, а клетчатые штаны вообще не выдерживали критики. Но странным образом мужчине шло такое эпатажное облачение, особенно в сочетании с густым, длинным, рыжим хвостом. Омарейл пожала плечами.

К ним сзади незаметно подплыла Омелия.

– Вот вы и познакомились, – пропела она.

– Ах, Омелия! – воскликнула Омарейл, несколько напуганная внезапным появлением женщины. – Представляешь, мы столкнулись со Шторм и господином Дженной в библиотеке. И Норка теперь просто не заставить замолчать, они уже полчаса обсуждают *книги*, – она скорчила скучающую мину, рассчитывая, что Омелия снисходительно улыбнется в ответ.

Но та, прищурившись, взглянула на Даррита. Тот молча кивал рассказу собеседника, по его лицу было трудно про-

читать какие-то эмоции. Тут Дженна прервался и обвел взором всю компанию.

– Знаете, я настаиваю на том, чтобы завтра мы устроили совместный обед. Мои повара сделают что-нибудь ошеломительное. Омелия, Барти будет на службе, но вас я жду. Госпожа Эдельвейс, господин и госпожа Аррит.

Госпожа Зарати улыбнулась уголками губ. Для нее, судя по всему, приглашение не было чем-то экстраординарным. Шторм же скривилась:

– Если мой агент…

– Я не возражаю, – раздался тихий мужской голос, и Омарейл вновь вздрогнула.

Этот Гром никак не оправдал своего имени, появившись неожиданно тихо.

Шторм скуксилась, а затем взмахнула рукой, недовольно бросив: «Отлично».

– Спасибо за приглашение! Я буду счастлива прийти, – заявила Омарейл. – Правда, Норк? Мы сможем?

Тот коротко кивнул. Она облегченно выдохнула. Это означало, что они могли наконец уйти с праздника, у них все получилось.

Следующее утро, начавшееся много позже обычного, принцесса Омарейл провела, анализируя события минувшего дня. Заказав дополнительную чашечку кофе, она почувствовала, что готова обсудить свои мысли с Дарритом.

Тот был погружен в себя, безразлично смотрел в про-

странство и неторопливо потягивал нечто, что значилось в меню как «Аромато». Девушка уловила запах кофе, нотки кориандра, корицы и чего-то еще, трудно отделимого от общего букета.

– Я переживаю, что у нас могут возникнуть проблемы из-за Шторм, – произнесла Омарейл, отламывая ложечкой кусочек зефира.

Даррит медленно перевел на нее задумчивый взгляд, пару раз моргнул и наконец стал смотреть осознанно.

– Вчера я удостоверился, что госпожа Эдельвейс покинула поместье раньше нас, у нее не было возможности сказать лишнего, – заверил ее собеседник. – К счастью, она демонстрирует мало интереса к окружающим людям, а ко мне испытывает чувства, близкие к отвращению. Думаю, я смогу удержать ее от того, чтобы сказать что-то неуместное. Но это возложит на вас больше ответственности.

Омарейл изумленно подняла брови.

– Вы хотите сказать, источать еще больше обаяния, чем вчера? – саркастично уточнила она.

Потерев подбородок, Даррит с сомнением произнес:

– Нет, не думаю, что такая тактика сработает. Ваше дело – задавать вопросы. Чем больше, тем лучше. Нужно разговорить Дженну, чтобы понять, что он за человек, какие у него слабости, на что мы можем надавить.

Омарейл беззаботно взмахнула десертной ложечкой.

– Легко! И это отлично впишется в мою роль в глазах Оме-

лии. Она считает, что мне нравится Дженна.

Последнее заинтересовало Даррита. Он хмыкнул и уточнил, как на это отреагировала госпожа Зарати.

– Начала отговаривать меня влюбляться, – скривилась Омарейл. – Сказала, что в его сердце есть место только для Агры.

Даррит снова хмыкнул.

– Только вот для Шторм в его душе местечко нашлось. Чем я хуже?

– Я надеюсь, вы это не всерьез, – с толикой удивления отозвался ее собеседник, но девушка лишь фыркнула.

У Омарейл было в запасе еще одно платье, скромное по крою, длинное, сшитое из мягкой серой шерсти, украшенное белыми кружевными манжетами и воротником. Оно было достаточно простым, но дорогая ткань делала наряд достойным того, чтобы находиться в нем в гостях у Патера.

Даррит тоже сменил бархатный сюртук на повседневный, из синего сукна. Неизменной оставались белоснежная рубашка и начищенные до блеска ботинки, на этот раз – черные.

Джан Дженна принял гостей в розовой столовой. Помещение оставляло странное впечатление: цвет, использованный в интерьере, был приятным, но розовым в комнате было абсолютно все, начиная от стен и пилястр и заканчивая скатертью и посудой.

Сам хозяин выглядел при этом вполне обычно: одетый по моде, без эпатажных деталей. Шторм усадили по правую руку от него, и даже надменное выражение ее лица не портило идиллической картинки: интересный мужчина и красивая девушка с гривой каштановых волос, оба, будто специально, одетые в зеленые тона. Они выглядели гармонично даже в этом безумном интерьере.

Поначалу разговор не клеился. Омелия и Дженна бодро обсуждали погоду, утренние газеты и какие-то местные новости. Но каждый раз, когда хозяин задавал вопрос Шторм – а делал он это часто, – она неохотно отвечала, и эта натянутость убивала любую атмосферу безмятежности. После пятой попытки Патера разговорить госпожу Эдельвейс, Омарейл, которой было неловко из-за поведения девушки, ответила на вопрос вместо нее:

– А я очень люблю радио. Одно время могла слушать его просто часами, хотя тогда, лет семь назад, там почти не было ничего интересного.

– У вас было радио семь лет назад? – изумленно спросил Дженна. – Мне казалось, тогда приемники были только у гвардейцев и Его Величества.

– Ах, ну, может, не семь… – неловко протянула Омарейл. – Но оно появилось у нас довольно рано. Норк обожает технические новинки, он увлекается Наукой. Поэтому у нас дома полно разных штучек.

Она почувствовала на себе взгляд Шторм. Игнорируя де-

вушку, принцесса спросила:

– А вы чем увлекаетесь, господин Дженна?

– Я много в чем нахожу удовольствие, – беззаботно ответил мужчина, – чтение, музыка, театр, концерты, цирк, спорт…

– Ах, хотела бы я иметь возможность почаще ходить на разные представления, – вздохнула Омарейл. – Что бы только не отдала за это!

– Что же вас останавливает? Вы ведь из Астрара, верно? В столице нетрудно найти себе занятие на вечер.

Омарейл скромно улыбнулась:

– Да, но брат считает, я должна уделять больше времени полезным вещам вроде чтения, музицирования или живописи.

Джан улыбнулся, обратив взгляд на Даррита.

– Для девицы это, разумеется, лучшее времяпрепровождение.

Омарейл невольно покосилась на Шторм. Девушки обменялись многозначительными взглядами, полными скрытого бунтарства, но ничего не сказали. Зато отозвалась Омелия:

– Ах, вы, мужчины, только и думаете о том, как бы запереть нас, женщин, на замок. Сами же не гнушаетесь самых безобразных развлечений.

– Госпожа Зарати, что вы такое говорите?! – ехидно ответил Дженна. – По мне можно писать энциклопедию достопочтенного господина. Только благоразумные развлечения.

«Здравомыслие и добродетель» – вот мой лозунг.

– Ваш лозунг, господин Дженна, «Используй обстоятельства», – Омелия насмешливо улыбалась, – что и написано на вашем гербе, прямо под этой хитрой рыжей лисицей.

Тут заговорил Даррит.

– Мне кажется, вы наговариваете на господина Дженну, госпожа Зарати, – подхватывая их ироничный тон, произнес он. – Трудно представить, что Патер Агры мог сделать что-то, чтобы вы обвиняли его в безрассудстве.

Этот вопрос вызвал целую лавину историй. Дженна, вместо того чтобы протестовать, когда Омелия рассказывала о его безумствах, смеялся и уточнял детали, которые упускала женщина.

Омарейл находила большинство ситуаций забавными, однако у Шторм они не вызвали и тени улыбки. Девушка была тиха и мрачна.

– …по крайней мере, это был подарок, – услышала Омарейл конец очередной истории. – Господин Дженна сделал его по собственному желанию. А вот отдать семейный особняк какому-то бродяге…

– Дорогая, я не просто отдал его! – отозвался хозяин дома, зачесав рукой длинные волосы набок.

– Хуже, мой дорогой господин Дженна, вы проиграли его…

Мужчина и женщина загадочно переглянулись.

– Да, увы, я считаю, что выполнить обещание – это дело

чести. А раз я пообещал тому человеку отдать свой дом, если проиграю, именно так и пришлось поступить.

Омарейл заметила, как Даррит неторопливо откинулся на спинку стула. Она и сама обратила внимание на эту историю. Едва ли Дженна играл с этим бродягой в прятки…

– Я прекрасно вас понимаю, – произнес Даррит многозначительно. – Карточный долг – действительно дело чести.

В комнате повисла тишина. Норт улыбался и щурился, напоминая сытого кота. Дженна несколько секунд смотрел собеседнику прямо в глаза. Наконец уголок его рта пополз вверх, губы сложились в усмешку.

– Я не говорил, что это был карточный долг, – заметил Дженна.

Он совершенно не выглядел напуганным.

– Ох, прошу прощения, – неискренне произнес Даррит. – Разумеется, речь о любого рода долге.

Вплоть до конца обеда Шторм молча гоняла по тарелке еду – Омарейл едва ли видела, чтобы девушка что-то ела. Иногда они встречались взглядами, но быстро отворачивались друг от друга. Это нервировало. Принцессе казалось, что ей стоило поговорить с госпожой Эдельвейс наедине.

Десерт им накрыли на застекленной веранде с видом на зимний сад. На небольшом круглом столе стояли разнообразные сладости: банановый пудинг, малиновое желе, яблочный пирог с орехами и вкуснейший горячий кофе с корицей. Омарейл очень хотела попробовать все эти угощения,

но, прежде чем усаживаться на мягкий стул, произнесла:

– Простите, мне нужно освежиться после столь плотного обеда. Госпожа Эдельвейс, вы со мной не пройдетесь?

Шторм – то ли от столь почтительного обращения, то ли просто от того, что Омарейл заговорила с ней, – застыла, удивленно глядя на принцессу. Но ей быстро удалось взять себя в руки. Мельком взглянув на Дженну, она пожала плечами и вышла следом за Омарейл.

Завернув за угол, они оказались в той самой галерее с большими окнами, шахматным полом и деревянными панелями на стенах.

– Чего тебе? – без церемоний произнесла Шторм, когда обе убедились, что остались наедине.

– Я просто хотела поговорить с тобой, потому что, мне кажется, между нами есть какие-то недомолвки…

Шторм скривила губы и снова дернула плечом.

– С чего ты взяла, что мне не плевать? – спросила она. – У меня своих забот достаточно, до тебя мне дела нет.

Омарейл не знала, что сказать. Почему она решила, что им нужно было поговорить?

– Мне не плевать, – твердо ответила она. – Во-первых, я хотела бы еще раз пояснить по поводу «Листопада».

Шторм картинно закатила глаза. Но Омарейл ясно почувствовала заинтересованность, помноженную на обиду. Такая необычная смесь вынудила ее чуть отступить назад.

– Я очень хотела прийти, – искренне произнесла принцес-

са, – но господин директор узнал, что я – не та, за кого себя выдаю. Мне пришлось сбежать, я просто не могла появиться на конкурсе, так как у меня были бы проблемы.

Зеленые глаза Шторм оставались холодными, но Омарейл чувствовала ее возмущение.

– Ну прости меня, – простонала Омарейл. – Тебе не кажется, что это уже пройденный этап?

Тут Шторм внезапно выдохнула, и с нее будто сошла вся спесь.

– Да, проклятье, это вообще все не важно. Конкурс, школа, оценки. Кому какое дело?

Омарейл пару секунд смотрела на собеседницу, пытаясь уловить ее эмоции. Опустошение, ощущение безнадежности и тихий, едва ощутимый гнев. Вот что чувствовала Шторм Эдельвейс.

– Что с тобой? – спросила Омарейл. – Ты какая-то несчастная.

Какое преуменьшение!

Девушка резко вскинула голову, каштановые волосы яростно взметнулись. Шторм склонилась к собеседнице так близко, что их носы едва не соприкоснулись, и прошипела:

– Почему бы тебе не спросить у твоего «*брата*», может, он объяснит, если ты такая недалекая, – «брата» она выплюнула так ядовито, что сомнений не оставалось: Шторм ни на секунду не поверила в их родство.

– А Норт-то тут при чем?

Шторм распрямилась. Она была выше принцессы и оттого смотрела на нее сверху вниз.

– Знаешь, с самого нашего знакомства я пытаюсь понять: может быть, ты действительно такая дурочка, за которую себя выдаешь?

Омарейл сложила руки на груди:

– Я не дурочка, Шторм. Просто мы с тобой живем в разных реальностях. Для нас очевидны разные вещи.

Девушки сердито смотрели друг на друга несколько секунд.

– Я понимаю, зачем ты меня позвала, – сказала наконец Шторм, надевая маску холодного безразличия.

Зная госпожу Эдельвейс уже не первый день, Омарейл догадывалась, что предположения ее окажутся далеки от реальности, но все же вежливо поинтересовалась, что та имела в виду.

– Вы с Дарритом, который, кстати, тебе такой же брат, как и мне, что-то задумали. И ты боишься, что я вас выдам.

Когда Омарейл попыталась возразить, Шторм подняла руку и продолжила:

– Мираж, дорогуша, я знаю, что, несмотря на имя, он не из первых и не из вторых семей. Даррит – сирота без рода и без титула. И то, что вы тут рассказываете про свои поместья, радио и собственные оранжереи – такая чушь! Даррит – никто, как и ты. И я не знаю, чего вы пытаетесь добиться, но, вот что, – Шторм широко улыбнулась, – я не осуждаю. Никто

не хочет быть ничтожеством. Каждый из нас вынужден пробиваться в этой жизни так, как умеет. Именно поэтому мы сейчас пойдем на эту проклятую веранду, я продолжу делать вид, что не возражаю против компании Джана, он будет делать вид, что без ума от меня, а вы с Дарритом продолжите плести свои невнятные интриги. А потом мы просто разойдемся, и, надеюсь, наши дорожки больше не пересекутся.

С этими словами Шторм пошла обратно к мужчинам и Омелии, оставив Омарейл в недоумении. Что ж, разговора по душам опять не получилось, но, по крайней мере, удалось решить вопрос с разоблачением: госпожа Эдельвейс не намеревалась бежать к Патеру с воплем: «Мошенники!» Поэтому, пару раз глубоко вздохнув, принцесса пошла следом за Шторм.

Едва девушки присоединились к компании, Даррит, продолжая их с Дженной и Омелией разговор, заметил:

– Но это спорный вопрос. Как вы можете называть патриархальным общество, где престол может наследовать женщина? Как вы знаете, до Короля Сола женщины никогда не имели власти.

– Дорогой Норк, – отозвалась Омелия, жеманно махнув рукой, – этот жалкий аргумент используют все мужчины, стоит начаться подобному разговору. Но не кажется ли тебе, что этого маловато, чтобы говорить о каком-то равенстве?

– Да и принцесса у нас ненастоящая, – подхватила Омарейл, быстро понимая, к чему Даррит завел эту беседу.

Она села на свободный стул и, пока молодой слуга наливал ей кофе, продолжила:

– Всем ведь понятно, что она не сможет быть полноценной Королевой. Так что править будут окружающие ее Советники. И Патеры, – она мягко указала рукой на Дженну.

Тот улыбнулся:

– Скорее уж госпожа Дольвейн.

Омарейл резко взглянула на него. Значит, роль Совы не была секретом для Совета!

– Так что в любом случае у власти будет женщина. Справедливость восторжествует.

Пока принцесса пыталась взять себя в руки – или хотя бы оставить свои эмоции при себе, – Даррит сказал:

– В чем же тут справедливость, если молодая девушка вынуждена всю жизнь провести взаперти?

Джан Дженна нахмурился:

– Да, положение Ее Высочества действительно удручает.

Он казался искренним, но ни Омарейл, ни Даррит не решились продолжать разговор в присутствии Омелии и Шторм. Зато позже мужчины удалились, чтобы посмотреть на рыб в пруду Патера. Принцесса надеялась, что ее спутник потратит эти минуты наедине с хозяином дома, чтобы обсудить нелепость предсказания.

– Ну что же, милая Шторм, – повернулась вдруг Омелия к темноволосой девушке. – Кто пытается сосватать тебя с нашим Патером?

Омарейл чуть удивленно подняла брови. Госпожа Эдельвейс несколько секунд безразлично смотрела на собеседницу, а затем равнодушно ответила:

– Мой агент и мои родители. Они считают, что это прекрасная партия.

– А ты сама что думаешь?

– А я думаю, что мне восемнадцать и мне рано замуж.

В голосе Шторм слышалось отчаяние. Девушка пыталась прикрыть его напускным спокойствием, но это ей совершенно не удавалось: не нужно быть эксплетом, чтобы понять, какие чувства обуревали ее.

– К чему же такая спешка? – голос Омелии звучал участливо.

Омарейл не ждала, что Шторм ответит, но та сказала:

– Мой агент выяснил, что Дженна находится в активном поиске невесты. И я, по мнению Грома, отлично на эту роль подхожу. Уж не знаю, с чего он взял, но…

Она замолкла, похоже, решив, что и так сказала лишнего. Омелия накрыла ее ладонь своей и веско произнесла:

– Джан – прекрасный человек, но крайне неподходящая пара для такой девушки, как ты. Или как ты, если уж на то пошло, – она перевела взгляд на Омарейл.

От взгляда принцессы не ускользнуло то, как Шторм воинственно прищурилась. Не желая накалять обстановку еще больше, Омарейл спросила:

– И кто же та счастливица, что будет достойна вашего Па-

тера?

Ей с трудом удалось не звучать саркастично. Но Омелия не оценила стараний девушки.

– Вы обе слишком хорошенькие, чтобы тратить свою молодость и красоту на кого-то вроде Джана! – немного сердито сказала она, будто отчитывала несмышленых детей, которые никак не могли выучить урок. – Он не оценит, что за сокровище ему достанется, и вот это вот все, – она неопределенно взмахнула рукой в сторону девушек, – будет медленно увядать, пока ваш муж творит великие дела, развивая Агру.

– Хорошо, – кивнула Омарейл, а затем присела на стул рядом с Омелией и, загадочно взглянув на нее, сказала: – Я обещаю, что не буду выходить замуж за господина Дженну, если вы ответите на один вопрос…

Омелия посмотрела на принцессу.

– Он играет в покер?

Женщина всхлипнула, прижав руки к груди. Шторм издала изумленный смешок. Но все эти жеманства не произвели на Омарейл никакого впечатления. Она приблизилась к Омелии, заглянула в глаза и попыталась вызвать ощущение доверия, желание поделиться.

– Играет же? Скажите, это останется только между нами, правда, Шторм? – беглый взгляд на госпожу Эдельвейс, полученный короткий кивок в ответ, и Омарейл продолжила: – Да и кто нам поверит? Просто потому, что вы якобы что-то сказали, никто не прислушается к нашим словам. Просто

кивните, если да.

Омелия не смогла противостоять взгляду принцессы. Она медленно кивнула, а затем картинно спрятала лицо в ладонях.

Омарейл довольно откинулась на спинку стула.

– Я так и знала, – улыбаясь, сказала она.

– И чего ты радуешься, дурочка? – хмуро поинтересовалась Шторм.

Судя по реакции девушки, мысленно та уже вышла замуж за господина Дженну и теперь думала, что делать с тем, что ее супруг нарушает закон и играет в азартные игры.

Омарейл недовольно сложила руки на груди, но от улыбки избавиться не смогла. Пазл в ее голове сложился. Она точно знала, как убедить Джана Дженну выступить за отмену предсказания.

– А чего мне грустить, мне за него замуж не выходить, – цинично ответила Омарейл, наблюдая, как сереет лицо Шторм.

Принцессе тут же стало неловко, она отчетливо почувствовала отчаяние собеседницы и едва сама не погрузилась в пучину страданий.

Наконец вернулись Даррит и Дженна. Шторм с раздражением покосилась на обоих. По лицу первого невозможно было что-либо прочесть, второй же казался довольным.

– А почему бы вам не взглянуть на мою комнату кривых зеркал? – вдруг воскликнул хозяин дома, потерев руки.

И они отправились куда-то по длинному коридору, увешанному причудливыми картинами. Пока они шли, Омарейл вынудила Даррита чуть отстать:

– Омелия подтвердила, он играет в покер, – прошептала она.

– И весьма трепетно относится к карточным долгам, – добавил Даррит.

– Кажется, мы нашли решение.

– Осталось лишь убедить господина Дженну на партию.

Омарейл небрежно махнула рукой:

– Ну, это-то не составит для тебя большого труда.

Обычно бесстрастное лицо Норта сейчас выдало эмоции: Даррит был польщен.

– Он пригласил нас завтра вечером на ужин, – заметил он, подавляя ухмылку. – Вероятно, мы будем одни, поэтому сможем вывести его на партию.

– Третья встреча за три дня, – прокомментировала услышанные новости Омарейл. – Даже я знаю, что это… ммм, нетрадиционно.

– Джан Дженна вообще не традиционен. С ног до головы, – отозвался Даррит и прошел вперед, чтобы придержать дверь для своей «сестры».

Комната кривых зеркал была предсказуемо увешана зеркалами, но такими, которые искажали отражение до неузнаваемости.

Омарейл никогда не видела ничего подобного, поэтому

провела пятнадцать потрясающих минут, хохоча без остановки. Она с азартом переходила от зеркала к зеркалу, становясь то пухлой коротышкой, то тощей девчонкой с непропорционально широкими ногами.

Джан Дженна был доволен произведенным эффектом. Остальные гости не проявили такого энтузиазма: Даррит скучающе ходил следом за Омарейл, без интереса примеряя разные образы. Шторм на отражения даже не смотрела. Омелия и подавно не находила занятие любопытным.

У одного из зеркал Дженна подошел к Дарриту и положил руки ему на плечи.

– Обаяние не спрячешь даже за кривым зеркалом, – сказал он многозначительно.

Это привлекло внимание Омарейл. Она заметила, что лицо Норта окаменело, однако он никак не отреагировал на комментарий. Увидела она и утомленный взгляд Омелии, направленный на этих двоих. А та, взглянув на Омарейл, многозначительно подняла бровь. И тут картинка в голове принцессы начала складываться.

– Джан Дженна любит мужчин, – заявила Омарейл, когда они с Дарритом уже ехали в повозке обратно в отель.

Синие глаза посмотрели на нее пронзительно и будто бы недовольно.

– Севастьяна рассказывала мне об этом, – продолжила она, в то время как Даррит отвернулся и стал смотреть в окно. – Вот почему Омелия продолжает повторять, что он мне

не пара. Ни мне, ни Шторм.

В салоне повисла тишина.

– А ты? – произнесла она осторожно.

Даррит медленно, очень медленно, перевел на нее взгляд, и Омарейл тут же пожалела, что задала вопрос.

– Я – нет, – ответил он холодно.

Омарейл пожала плечами:

– Я просто уточнила. Вы так… подружились…

– Вы, быть может, считаете, будто я всемогущ. И тем не менее даже я не способен одновременно внушать симпатию и при этом не вызывать ее.

Омарейл пару минут смотрела на проплывающие за стеклом дома.

– Ты не думаешь, что поощрять его чувства – жестоко?

Если до сих пор взгляд Даррита был колючим, как мороз, то теперь он начал метать ледяные стрелы.

– Вы думаете, мне это доставляет удовольствие? – прошипел он. – Вам прекрасно известно о том, как я отношусь к манипулированию людьми.

Норт выдохнул, стараясь совладать с раздражением.

– Может быть, есть какой-то другой способ?.. – несмело проговорила принцесса.

– Что, по-вашему, я делаю? – поинтересовался Даррит, когда ему удалось справиться с собой. – Поглаживаю его колено под столом?

Надев маску ледяного спокойствия, он посмотрел на

принцессу.

– Ну, нет, конечно… – смутилась Омарейл.

– Я разговариваю с Дженной, только и всего. Я даже почти не использую дар.

Омарейл улыбнулась.

– Конечно, господин Обаяние, вы вскружили ему голову своим шармом. К чему что-то внушать, когда несчастный мужчина сам пал жертвой вашей мрачной привлекательности.

Даррит пару мгновений смотрел на Омарейл, сложив руки на груди и сжав губы. Затем он сказал:

– Я чувствую, что вы издеваетесь, но не понимаю – почему.

Омарейл вздохнула. Она не любила заниматься самокопанием и разбираться, почему совершала те или иные поступки, но все же ответила:

– Твоя бесстрастная манера вызывает у меня непреодолимое желание дразнить тебя, пока ты не начнешь хотя бы постукивать карандашом. Иногда мне так и хочется кинуть мокрым полотенцем, чтобы стереть это выражение замороженной рыбы с твоего лица.

Даррит помолчал, затем язвительно произнес:

– Откуда вы знаете, как выглядит замороженная рыба?

Принцесса фыркнула:

– Раньше для меня это было ничего не значащее выражение. Когда-то Севастьяна описывала Бериота именно так. Но

когда я познакомилась с тобой, слова дополнились образом.

Хотя Норт и не счел нужным отвечать на этот выпад, Омарейл все же задалась вопросом: как он до сих пор не отказался от идеи помогать ей?

На следующий день в газете снова появилась заметка о Мире Ленаре. Даррит прочел ее за завтраком вслух.

– Что-то я не пойму, – нахмурившись, произнесла Омарейл, – почему газета печатает что-то подобное? Статья, конечно, критикует Ленара, но почему редактор вообще пропускает такое?

– Технически здесь нет ничего оппозиционного. Статья рассказывает о человеке, демонстрирующем антиправительственные взгляды и предсказывающем скорую гражданскую войну. Автор критикует его позицию, доказывает несостоятельность теорий.

– Но ведь понятно, что те, кто не обратил бы внимания на это, теперь ознакомились с его взглядами!

Даррит развел руки в стороны:

– Я же сказал, «технически». Госпожа Дольвейн – умная женщина.

Омарейл сделала глоток уже остывшего кофе и скривилась.

– Неужели она оказывает на моих родителей настолько сильное влияние, что… что они просто поддаются ей?

– Не стоит недооценивать силу эксплета. Вы не используете свой дар в полной мере и потому, что не имеете практи-

ки, и потому, что это противоречит вашей натуре.

Даррит вздохнул, наклонился чуть вперед, сложив руки в замок перед собой. Его темно-синий сюртук резко контрастировал с белоснежной скатертью.

– Вы пренебрегаете некоторыми правилами, но все же понятие честности и справедливости вам не чуждо. Госпожа Дольвейн – другое дело. Она будет играть до конца. И будет играть грязно. Мир Ленар – это только первый шаг.

Сердито зарычав, принцесса сжала чайную ложечку в длинных пальцах.

– Меня это так злит, – сказала она.

Даррит чуть обернулся.

– Постарайтесь держать это при себе, – негромко произнес он.

Глубоко вздохнув, Омарейл заперла свои чувства на замок. Она научилась неплохо контролировать эмоции. Никто рядом не швырнул бокал в стену, не топнул ногой и даже не начал разговор на повышенных тонах. Даррит одобрительно кивнул.

– Я ни разу не видела ее фотографий, – сказала вдруг Омарейл. – Какая она? Я видела ее только дважды, и то мельком.

Норт откинулся на спинку стула, задумчиво потерев подбородок.

– Я бы сказал, что она красива, – отозвался он. – Властная манера держаться. Привлекает к себе внимание. Должен признаться, я привык воспринимать ее как часть Дворца. Его

и Ее Величество, Бериот Дольвейн, Совалия Дольвейн. Ни один Патер никогда не был столь заметной фигурой, как она.

Омарейл испытывала злость из-за собственной беспомощности. Ведь она всегда недолюбливала Сову! Всегда подозревала ее в двуличности и коварстве. Но теперь, узнав, что не ошибалась, была вынуждена думать, как доказать, что женщина – лгунья. Положение наследной принцессы было так шатко, Сова же могла пользоваться всеми преимуществами своей власти.

– Скорее бы мы справились с Дженной и отправились в следующий город, – решительно заявила она. – Видит Солнце, Норт, я сделаю все, чтобы каждый Патер отдал за меня свой голос. И тогда я навсегда выкину Совалию Дольвейн из Орделиона, из Астрара и, возможно, из королевства вообще.

– Мне нравится ваш боевой настрой, Мира, – произнес Даррит, чуть улыбнувшись.

Омарейл снова понадобилось новое платье. По счастью, рядом с отелем был неплохой магазин повседневных нарядов, где легко отыскалось неброское и удобное.

– Это вам нужно выглядеть шикарно, а не мне, – шутливо сказала она Дарриту на его комментарий о сдержанности фасона.

Она прикрыла двери ванной, из которой только что вышла, и задумчиво произнесла:

– Это так странно, делать все самой. Ванну для меня обычно готовили слуги. Они добавляли туда разные масла

и травы, расставляли на столике свечи, травяной чай, какие-нибудь сладости… А иногда даже оставляли какую-нибудь книгу, которая, по их мнению, могла мне понравиться…

Омарейл прошла к креслу, что стояло рядом с зеркалом, и села в него.

– Они так заботились обо мне, а я даже не знаю, как их звали. Я даже не знаю, сколько их было!

Даррит скосил на нее глаза:

– Давайте решать проблемы по порядку. Отстраним от управления страной Совалию Дольвейн, а уж потом узнаем имена вашей прислуги.

Ужин у Джана Дженны начался с закуски в виде копченого угря с ложечкой осетровой икры и ненавязчивой беседы о погоде.

Затем подали основное блюдо – тушеную треску в белом соусе с цветной капустой, – и Омарейл спросила:

– А как вы относитесь к статьям об этом сумасшедшем? Который кричит о гражданской войне.

Она произнесла это буднично, как бы невзначай, словно вот только что вспомнила об этой теме и решила начать ни к чему не обязывающий светский разговор.

Дженна высказал недоумение, и тогда его гости пояснили, о чем шла речь. Мужчина сжал челюсть, несколько секунд глядя перед собой. Омарейл чувствовала его возмущение, негодование, и почти видела, как он сделал мысленную по-

метку «узнать, кто виноват, и жестоко покарать».

– Сегодня я еще не читал газет, – ответил наконец он, справившись с эмоциями. – Обычно, если там есть что-то важное, секретарь или Зарати сообщают об этом… Зарати любит прилетать ко мне с новостями первым, надеясь, что я еще не в курсе, – усмехнулся Дженна, и в следующую секунду с ними снова был благодушный весельчак.

Подали десерт. Вишневый пудинг с вымоченными в шампанском ягодами был сопровожден замечанием Даррита о том, что время, проведенное в Агре, он счел весьма увлекательным и продуктивным.

– Продуктивным? – попался на крючок Дженна.

Даррит чуть улыбнулся, взглянул на хозяина дома лисьим взглядом и сказал:

– Скажем так, некоторые дома крайне любезно распахивали свои черные двери. А некоторые господа весьма охотно прощались с наличными.

Дженна застыл, внимательно глядя на собеседника. Омарейл решила подыграть своему компаньону, поэтому, взмахнув ресницами, произнесла:

– Ох, Норк, зачем ты говоришь об этом? – А затем понизила голос почти до шепота: – Тем более что господин Дженна вряд ли понимает, о чем идет речь.

– Отчего же, – Патер прищурился. – Я имею представление о предмете разговора.

Омарейл всхлипнула, прижав пальчики к губам.

– О, господин Дженна… – произнесла она, изображая испуг.

– Не стоит переживать, дорогая, – ответил он. – Я не отправляю людей в Успад лишь за то, что они хорошо провели время.

Мысленно принцесса отметила, что глава города должен бы иметь несколько иной подход к ведению дел, но вслух сказала:

– Да, но… Я хочу сказать, мы иногда играем дома с братом, я действительно не вижу в этом ничего такого. Кому какое дело, кто чем занимается за закрытыми дверями? Но не думаю, что нужно рассказывать об этом всем и каждому.

Она с осуждением посмотрела на Даррита.

– Вы играете? – с живым интересом отозвался Дженна. – Какое совпадение, я тоже люблю сыграть. Разумеется, только в кругу семьи или друзей.

– Да, мы играем, – ответил Норт. – Моя сестра хороша в этом. Думаю, могла бы составить вам хорошую конкуренцию.

Дженна изумленно хмыкнул. Затем сложил руки на груди. Даррит посмотрел ему прямо в глаза, и Омарейл уже догадывалась, что он делал: заставлял мужчину почувствовать себя уязвленным, вызывал желание доказать свое превосходство.

– Я нисколько не сомневаюсь в талантах госпожи Аррит, однако мне не совсем понятно, почему вы как-то отделяете себя. Вы скверно играете?

– О нет, что вы, я блестяще играю, – Даррит хитровато улыбнулся.

Он хотел, чтобы Дженна понимал, что его дразнят, и все равно поддался на провокацию.

Патер убрал распущенные рыжие волосы за спину, поправил изумрудного цвета сюртук и серьезно спросил:

– Готовы ли вы ответить за свои слова?

– Готов ли я обчистить хозяина дома, накормившего нас прекрасным ужином? – спросил Даррит, изображая сытого кота.

Он закинул локоть на спинку стула, положил ногу на ногу и самодовольно усмехнулся:

– За кого вы меня принимаете?

Дженна встал и улыбнулся.

– За прекрасного игрока в покер, – сказал он и без дальнейших разговоров предложил идти за ним.

Когда все трое оказались в библиотеке, в которой и Даррит, и Омарейл уже бывали, принцесса было решила, что играть они будут прямо там. Но Дженна прошел к одному из стеллажей и, толкнув его, открыл тайный проход с лестницей. Вскоре они оказались в просторной комнате со столом, покрытым зеленым сукном, и большим деревянным резным баром со множеством бутылок.

Следом за ними в комнату вошел молодой человек в брюках и белоснежной рубашке.

– Это Бор, мой дилер. И по совместительству конюх.

Бор поклонился и без промедлений принялся готовить игровой стол. Извлек из коробки фишки, колоду, смахнул специальной щеточкой невидимую пыль с сукна.

Даррит, Омарейл и Дженна сели за стол. Игра началась.

Дилер перемешал карты, разыграл метку, которая определяла, чей ход был первым, снова перемешал карты – и выдал каждому игроку по две.

«Это называется «рука», – объяснял Даррит, когда обучал Омарейл. – Помните, что покер – это не просто везение. Это просчет. У каждой изначальной комбинации есть своя вероятность выигрыша относительно любых карт оппонента. При том чем больше игроков, тем меньше эта вероятность. Ваши первые действия связаны с рукой. Дело в том, что у вас больше шансов увеличить банк до флопа…»

Рука была неплохой: валет и дама разных мастей. Не блестяще, но побороться стоило. Принцесса ответила на ставку, пока что не спеша поднимать. Ее соперники тоже вели себя сдержанно, все ждали, когда на столе будут открыты первые три общие карты – флоп. Когда это произошло, у Омарейл участился пульс. На столе лежали двойка, девятка и король. Это означало, что у нее были все шансы собрать стрит – последовательные карты разных мастей. Омарейл мысленно вспомнила схему комбинаций: стрит находился посередине. И тем не менее, если вероятность собрать пару или две, исходя из занудной лекции Даррита, была равна примерно шестидесяти процентам, то вероятность собрать стрит – лишь

четырем. А это означало, что Омарейл не хватало лишь десятки, чтобы оказаться с выигрышными картами на руках.

Она взглянула на Дженну и улыбнулась. Тот ответил вопросительно поднятой бровью, в глазах же Омарейл увидела спокойную уверенность. Должно быть, у него были неплохие карты. Вероятно, сильная пара. Возможно, даже два туза.

Принцесса решила, что пока не были открыты еще две общие карты, стоило увеличить банк. Ведь дальше Дженна мог решить, что пары маловато для победы.

«Игроки охотнее делают ставки на более ранних улицах, – учил Даррит, – то есть до того, как открыли первые три общие карты, или сразу после. Ведь в этот момент еще есть шанс, что оставшиеся две общие карты усилят руку».

Она подняла ставку, что вынудило Даррита сказать «пас» и выбыть из партии. Дженна же не просто поддержал – он тоже повысил ставку.

Наконец дилер открыл следующую карту. Девятка. Что ж, теперь у нее точно была пара. Увы, она была и у Дженны тоже, потому что обе девятки лежали открытыми на столе, и комбинации с ними могли создавать оба игрока.

В этот раз Омарейл не решилась поднимать ставку и вообще предпочла сказать «чек», что означало: она не выбывала из игры, но и не вкладывала денег в банк. Однако Дженна, хмыкнув, поддержал ее решение, и оба смогли посмотреть последнюю карту.

Дилер открыл ее, теперь перед ними лежало пять карт, с

которыми каждый мог составлять комбинации, используя те две карты, что были у них на руках. И Омарейл чудом не издала радостный клич. Какова была вероятность, что последней будет именно десятка? Та самая десятка, которой ей не хватало для стрита! Принцесса не могла поверить в такую удачу. А Даррит говорил, что покер – это не только слепая фортуна? Что ты скажешь на это, Норт?

Омарейл старалась сохранять бесстрастное лицо. Она небрежно бросила фишки на стол, сопроводив их равнодушным «рейз». Она подняла ставку, а значит, Дженна должен был сделать то же самое – или оставить весь банк девушке.

Как Омарейл и ожидала, Патер поддержал повышение, ответив собственным рейзом. Ставки стали высоки, но принцесса была уверена в выигрышности своей комбинации. Похмурившись и посомневавшись для вида, она поддержала. Дженна чуть сузил глаза, задумчиво рассматривая соперницу. Затем повысил еще.

Она заметила, что Даррит смотрел на нее неодобрительно. Но он вечно был чем-то недоволен, а Омарейл была уверена в своих картах.

Дженна решил не начинать игру с оглушительных провалов, поэтому перестал повышать ставку после того, как девушка поддержала его. Наконец пришло время открыть карты.

Омарейл даже не стала дразнить мужчин и самодовольно продемонстрировала стрит. Девятка, десятка, валет, дама и

король.

Хозяин дома удивленно поднял брови.

– У вас действительно сильная комбинация, госпожа Аррит, – заметил он. – Я думал, вы блефуете или возлагаете ложные надежды на две пары.

Омарейл хмыкнула, но тут Дженна продемонстрировал свои карты, и улыбка сползла с ее лица. У него был фулл-хаус: пара и тройка. Два короля и три девятки. Девушка прикрыла глаза. Она была так ослеплена своими отличными картами, что совсем не приняла в расчет лежащие на столе. А ведь если бы она сделала это, то сразу же поняла бы, какие существовали вероятности.

Даррит покачал головой.

– Но, право же, такое могло случиться с любым, – не слишком искренне заметил в это время рыжеволосый мужчина, довольно улыбаясь.

Прошло еще около четырех партий, которые не запомнились Омарейл ничем примечательным. Она была более внимательной, глубже проникалась эмоциями Дженны, чтобы понять, какие карты были у него на руках. Эта игра понравилась принцессе гораздо больше предыдущих, так как она не боялась ареста и получала удовольствие и от покера, и от общения.

Им принесли холодные напитки. Ни один не согласился на алкоголь, поэтому перед ними поставили мятный лимонад. Если бы не дело, ради которого они тут оказались, Омарейл

могла бы, пожалуй, назвать вечер приятным.

…Она делала уже четвертое повышение ставки. Даррит вновь смотрел на нее хмуро.

Во время тренировок он часто подчеркивал, что сильной стороной Омарейл была непредсказуемость. Правда, после отмечал, что это черта либо очень хороших игроков, либо очень слабых. Она, очевидно, относилась ко вторым.

И вот Омарейл вновь и вновь вынуждала соперников поднимать ставки. Даррит сдался быстро, а вот Дженна продолжал. На столе уже лежало пять карт – три валета, дама и король. Судя по взволнованной радости, которую испытывал Дженна, у него была хорошая комбинация. Но Омарейл понимала, что он никак не мог составить комбинацию выше, чем имела она. У нее было каре – четыре одинаковые карты. У соперника, судя по всему, – тройка и пара. Снова фулл-хаус. И, вероятно, фулл-хаус с королем, иначе он не был бы так в себе уверен.

Однако он прекрасно понимал, что три одинаковые карты на столе могли легко стать частью каре. Поэтому Омарейл требовалось заставить Дженну испытывать самоуверенность, граничащую с глупостью. Она взглянула на Даррита и потерла правую щеку, давая ему понять, что имела все шансы на победу. Чтобы он не сомневался, она еще и заправила выбившийся из прически локон за правое ухо.

Девушка удовлетворенно вздохнула, когда увидела, как встретились взгляды мужчин и как после этого Дженна гор-

деливо приподнял подбородок. Патер едва заметно ухмыльнулся и посмотрел на Омарейл. Она перебирала руками стопочки фишек, хмуро глядя на свои карты. А затем снова подняла ставку. Она старалась выглядеть взволнованно. Будто бы не была на сто процентов уверена в своей победе.

Их взгляды встретились, и она решила добавить еще небольшую порцию самоуверенности к той, что передал ему Даррит.

Мужчина сжал зубы и нетерпеливо поерзал на стуле и повысил ставку. Омарейл испуганно взглянула на него, затем приняла спокойный, независимый вид. Она делала все, чтобы язык ее тела говорил о сомнениях.

– У меня предложение, – заявил вдруг Даррит, и двое игроков вопросительно взглянули на него. – Почему бы не поставить на кон что-то поинтереснее, чем деньги?

– Это что, например? – уточнил Дженна с любопытством.

– Желание, скажем? – пожал плечом Норт.

Омарейл хмыкнула, когда Дженна чуть улыбнулся и, откровенно взглянув на собеседника, ответил:

– Мои желания могут оказаться вам не по зубам.

Даррит надменно поднял бровь и отозвался:

– Ну, вы же загадаете что-то заведомо осуществимое.

– Осуществимое желание? – насмешливо фыркнул хозяин дома. – Это скучно.

– Уверен, вы что-нибудь придумаете, господин Патер. Так что, примете такую ставку?

Тот задумался, глядя на рубашку двух лежащих перед ним карт. Омарейл готова была отдать руку на отсечение, если там было не два короля.

Наконец Дженна кивнул, и Даррит подвел итог:

– Итак, на кону – исполнение желания. Вскрываемся?

Омарейл начала нервно перекладывать фишки в стопочках, демонстрируя крайнюю степень волнения. Впрочем, сейчас в этом уже не было необходимости.

Она перевернула свои карты и продемонстрировала каре. Дженна бросил свои на стол. Как и предполагала принцесса, снова фулл-хаус, снова пара и тройка.

– Ну что ж, давайте ваше желание, – бросил он, больше уязвленный тем, что проиграл, чем напуганный необходимостью исполнять обещанное.

Омарейл нахмурилась и закусила губу.

– Я даже не знаю, у меня все есть…

– Это может быть что-то нематериальное, – «подсказал» Даррит.

Она выдержала паузу, чтобы слова не казались заготовленными, и сказала:

– О, я знаю! Господин Дженна, вы ведь знаете, как я переживаю за принцессу? И считаю ее заточение несправедливостью? Раз вы в Совете Девяти, пообещайте мне, что, если кто-то когда-то поднимет вопрос о том, чтобы освободить принцессу или отменить действие предсказания, вы проголосуете за!

Даррит прочистил горло:

– Хм, Мира, дорогая, ты могла бы загадать что-то более… существенное.

Однако Дженна поднял руки:

– Нет-нет, Норк, не переубеждайте сестру. Желание женщины для меня – закон. Как вам будет угодно, госпожа Аррит.

Омарейл чуть нахмурилась:

– Вы клянетесь мне, господин Дженна? Вы клянетесь, что выполните долг передо мной и проголосуете за освобождение принцессы?

Она почувствовала, что Патер начал испытывать напряжение и тревогу. Поэтому она вселила ему рьяное желание исполнить просьбу девушки.

– Я клянусь вам, моя дорогая. Я человек чести, а карточный долг – святое.

Улыбнувшись, принцесса кивнула.

Они продолжили игру, которая была интересной и напряженной, но оставила безусловным победителем Джана Дженну. Так решили Омарейл с Дарритом, еще когда обсуждали свой план. Они хотели оставить у мужчины приятные впечатления об игре, чтобы выполнение данного обещания не вызывало отрицательных эмоций.

Они разошлись глубоко за полночь. Во время долгого прощания Даррит перекидывался с Дженной ничего не значащими шутками, пока повозка ждала у фонтана. Омарейл

куталась в накидку с мехом.

– Жаль, что вам приходится уезжать из Агры, – сказал Дженна, когда его гости уже подошли к экипажу.

Омарейл быстренько забралась внутрь, так как в салоне было теплее, чем на улице. Даррит ответил:

– Увы, долг зовет. Но ваш город оставит у нас самые лучшие воспоминания.

Дженна протянул руку для рукопожатия.

– Я знаю, что у нас с вами разные интересы, господин Аррит, – многозначительно произнес он, – но вы прекрасный собеседник. Хотел бы я видеть больше таких людей, как вы, в своем окружении.

Даррит улыбнулся. Как показалось Омарейл, довольно искренне.

– Благодарю. Ах, один момент… Я немного знаком с госпожой Эдельвейс, и мне известно, что ее матримониальные планы неожиданно совпали с вашими. – Его собеседник хмыкнул. – Но мне кажется, демонстрируемый обеими сторонами прагматизм – не лучший задел для брака…

Патер чуть склонился к Дарриту и проговорил так тихо, что Омарейл едва сумела расслышать его слова:

– Тут пытаются раздуть скандал из-за моих неаккуратных действий. Советники порекомендовали в ближайшее время жениться, чтобы развеять любые слухи.

– Есть много прекрасных женщин. Госпожа Эдельвейс, на мой взгляд… слишком юна, чтобы понимать всю важность

своих действий.

Дженна чуть нахмурился:

– Я вас услышал, господин Аррит.

– Не сочтите за наглость, – Даррит чуть поклонился. – Всего лишь беспокойство о судьбе небезразличной мне девушки.

Мужчины коротко кивнули друг другу на прощанье, Дженна помахал Омарейл, и наконец экипаж покинул двор Патера.

– Это так мило, то, что ты сделал для Шторм, – заметила принцесса, зевая.

Даррит раздраженно дернул плечом:

– Бьюсь об заклад, госпожа Эдельвейс не разделит ваших сантиментов. Остается только надеяться, она не узнает, чьими стараниями были разрушены все надежды на брак с таким завидным женихом. Я не уверен, что имел право вмешиваться в чужую личную жизнь.

– Но Дженна, по-моему, совершенно не думал о том, что их брак сделает Шторм несчастной. Его волновало только то, что ему нужно срочно жениться.

Омарейл прижалась щекой к мягкой обивке повозки. Она так устала…

– И это только первый Патер! – выдохнула она. – Еще восемь. Это просто невозможно.

– Вам кажется, – услышала она перед тем, как провалилась в сон.

IV
Орделион

Его Величество Король Эйгир Доминасолис задумчиво рассматривал разложенные перед ним газеты. Только что у него состоялся весьма необычный разговор с гвардейцем. Странным было все, начиная с того, каким способом мужчина попал в рабочий кабинет властителя Ордора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.